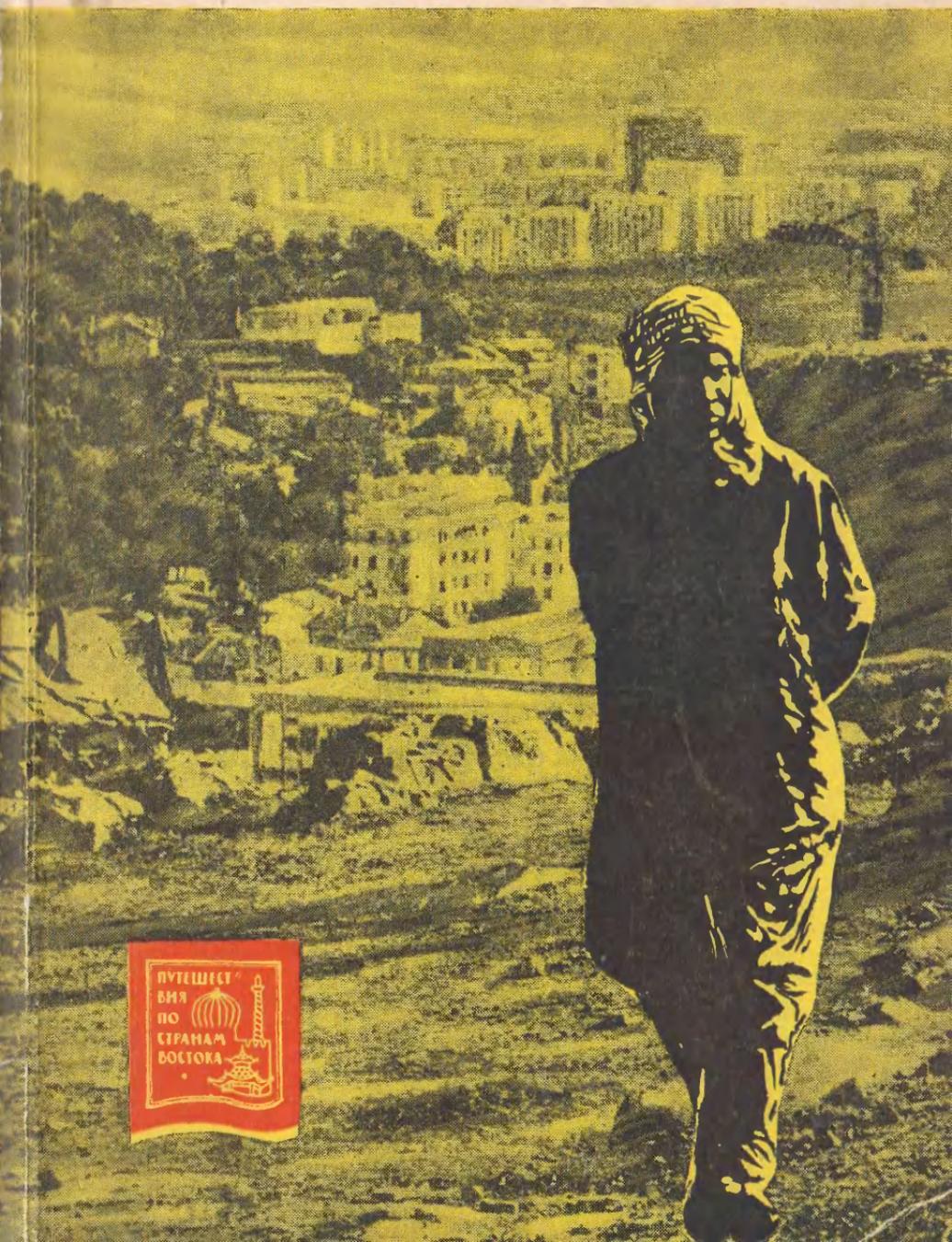

У АРАБОВ АФРИКИ

Р. Г. ЛАНДА

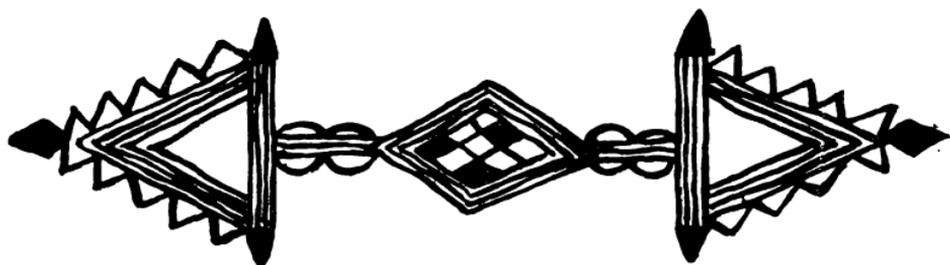

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Н А Р О Д О В А З И И

Р. Г. ЛАНДА

**У А Р А Б О В
А Ф Р И К И**

◆
*Путевые
замечки*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1967

Ответственный редактор
Н. А. ИВАНОВ

Ланда Р. Г.

Л22 У арабов Африки. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

126 с. («Путешествия по странам Востока»), 30 000 кз., 35 коп.

Эта книга — о путешествиях в Тунис, Ливию, Алжир и Объединенную Арабскую Республику. В ней рассказывается о больших городах и цветущих оазисах, экзотических базарах и гигантских новостройках. Читатель побывает в старинных мечетях Туниса и в горах Кабилии, у подножия египетских пирамид и на строительстве Асуанской плотины, окажется свидетелем встреч и бесед с общественными и государственными деятелями, мастерами культуры.

ОТ АВТОРА

В наше время совершить далекое путешествие иногда бывает легче, чем описать его. Времени обычно хватает лишь на беглое ознакомление. Крагкие, чаще всего потом не поддающиеся расшифровке записи в путевом блокноте помогают лишь удержать в памяти ту или иную достопримечательность, любопытную деталь, интересный факт. Задуматься над тем, что видел, во время самой поездки почти не удается: некогда! Только после того как путешественник, перегруженный личными наблюдениями и сведениями из туристических справочников, измотанный погоней за сувенирами, начиненный анекдотами и поверхностной информацией обо всем понемножку, возвращается к себе, он получает возможность серьезно поразмыслить о том, что ему удалось увидеть. При этом, естественно, что-то ему хорошо запомнилось, а что-то оказалось случайным, расплывшимся и потускневшим от времени.

Автору настоящих строк довелось побывать в Тунисе и Ливии в январе 1962 г., в Алжире — в последние месяцы 1963 г. и в декабре 1966 г., в Объединенной Арабской Республике — в январе — феврале 1966 г. В природе, географических, экономических и социальных условиях этих сопредельных стран, в литературном языке, культуре, обычаях и внешнем облике их жителей, в сущности политических проблем, стоящих перед ними, немало сходного. Вместе с тем между упомянутыми странами существуют и весьма значительные различия, касающиеся прежде всего разговорного языка, психического склада, деталей одежды и быта, особенностей общественного развития.

Разрозненные записи путевого дневника, дополненные воспоминаниями и размышлениями об увиденном и услышанном, составили основной материал настоящих очерков. Главное их назначение — не столько познакомить читателя с арабскими странами, расположенными на севере Африки, сколько обратить его внимание на те или иные стороны их социальной жизни и бытового уклада, особенности культуры и духовного облика, на специфику окружающей их обстановки. В этом, по мнению автора, ключ к пониманию сложнейших вопросов современного экономического и политического положения этих стран.

Представляемая на суд читателя книга не содержит строго хронологического изложения впечатлений от поездок по Тунису, Ливии, Алжиру и ОАР. Автор старался более подробно остановиться на тех вопросах, которые мало освещались в прессе и популярной литературе; в то же время он не считал необходимым столь же подробно говорить о том, что представлялось ему малозначущим или второстепенным. В какой мере это удалось — судить читателю.

НА РОДИНЕ МОИХ ДРУЗЕЙ

ТРОЕ ИЗ ТУНИСА

Впервые встретиться с тунисцами мне довелось за-долго до поездки к ним на родину. Это произошло в Москве летом 1957 г., на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. Мои новые друзья были учившимися во Франции тунисскими студентами; они принимали участие в работе экономического семинара фестиваля. Мы вместе ходили на семинар, бродили по улицам Москвы, вечерами встречались где-нибудь в Останкине, Центральном парке культуры и отдыха или в одном из клубов столицы на очередном концерте художественной самодеятельности или тематическом вечере делегации молодежи из той или иной арабской страны. Молодые тунисцы до приезда в Москву уже побывали в разных странах, обладали солидным туристическим опытом, в разговоре беспрестанно проводили параллели («Во Франции не так, как у вас... Вот в Польше — похоже... А в Дании — ничего похожего») и, вооружившись разговорниками и записными книжками, дружно атаковали всякого, кто стоял рядом: «Это что? Новый университет? А где старый? А почему ваше Министерство иностранных дел похоже на Дворец культуры в Варшаве? Что означает у вас слово „за“? Это Кремль? А как в него войти?». Они были людьми прогрессивных взглядов, серьезно изучали марксизм-ленинизм и, впервые попав в Советский Союз, торопились увидеть, узнать, записать и запомнить все, что казалось им важным и нужным.

Их было трое: спокойный, уверенный в себе плечистый Мухсин, худощавый задумчивый Абд аль-Малек, быстроглазый и темпераментный Халед. Столь непохожие, воплощавшие, казалось, самые различные стороны

национального характера своего народа, они были, как представляется сейчас, по прошествии долгих лет, сходны во многом. Жизнерадостные и остроумные, добродушные и приветливые, они держались просто и непосредственно: знакомились с первого слова, чувствовали себя непринужденно в любой компании, веселились от души, пели и танцевали без устали. Да и кто не пел и не танцевал в пестрой, многоликой и многоязычной толпе молодежи, заполнявшей улицы Москвы памятным летом 1957 г.! Но у них это получалось как-то удивительно легко и свободно. До сих пор трудно забыть Мухсина в малиновой рубашке, лихо отплясывавшего в центре группы чехословацких юношей и девушек какой-то совершенно невообразимый танец, напоминавший одновременно лезгинку, «яблочко» и ритуальную пляску воинственных африканцев. Где-то рядом беззаботно болтает Халед, остановив на перекрестке парковых тропинок двух смущенно улыбающихся русских девушек, а отставший от него Абд аль-Малек, более сдержанный и стеснительный, что-то с жаром доказывает делегату из Британской Гвианы, которого он только что впервые увидел. Потом они опять соберутся вместе, начнут подшучивать друг над другом, и из их разговора станет ясно, что Мухсин — сын рабочего из Сфакса (второго по величине порта Туниса) — влюблен в дочку крупного торговца, что он собирается на ней жениться, а его приятели опасаются, что он, женившись, «попадет в плен буржуазной идеологии». Все смеются. Затем им встречается товарищ из Марокко, и они мгновенно организуют вокруг него шуточный хоровод, выкрикивая: «Мы — республиканцы, а ты — монархист!» Бейская монархия в Тунисе была низложена всего за неделю до начала фестиваля, но все тунисцы уже вполне освоились с новым положением, гордились своей новорожденной республикой и даже шутили по этому поводу.

Но живость характера и чувство юмора вовсе не означали легкомыслия. Когда было нужно, Мухсин, Халед и Абд аль-Малек внимательно слушали, не перебивая собеседника и тщательно записывая все им сказанное, долго беседовали на серьезные темы, увлеченно спорили, сохраняя уважение к оппоненту. «Почему ты считаешь, что я должен вернуться на родину после окончания курса? — спрашивал меня Абд аль-Малек, тщательно выговари-

вая каждое слово, чтобы можно было понять его обычно быструю арабскую речь, насыщенную диалектизмами и французскими словами. — А если я не согласен с тем, что делается у меня на родине? Что ж, может быть, я и вернусь в Тунис. Не оставаться же мне в Гренобле! Но на государственную службу я пойду только в качестве учителя. Скорее же всего я поступлю в книжный магазин, принадлежащий моему хорошему знакомому и единомышленнику. А еще лучше было бы завести небольшую книжную лавку. По крайней мере — независимость от всяких чиновников, да и больше свободного времени для социальных исследований». Мухсин собирался возвратиться в родной Сфакс, еще не очень четко представляя себе, что он будет там делать. А Халед вообще не задумывался: для него было ясно — он вернется в город Тунис. Почему? Во-первых, он там родился, а во-вторых, там же веселей! Он хитро улыбался: «Во Франции мне никогда не бывало так весело, как в Тунисе!».

Фестиваль окончился, и они уехали. Мне неизвестна их дальнейшая судьба. Один только Абд аль-Малек прислал через полгода из Гренобля письмо, в котором сообщал, что женился и в ближайшее время собирается переехать в Тунис. Думаю, что все трое нашли достойное применение своим силам на родине, столь нуждающейся в квалифицированных кадрах. Ведь у них, тогда довольно молодых людей (Халеду было 20 лет, Мухсину и Абд аль-Малеку — по 22 года), скептическое отношение ко многим вещам, происходившим в родной стране, как-то естественно увязывалось с патриотизмом, чувством долга и настойчивым желанием сделать все лучше, чем есть. А они знали, что может улучшить положение тунисцев, как и вообще всех арабов и африканцев. Недаром сразу же после лозунга «За мир и дружбу!» они выучили по-русски: «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует социализм!»

Со времени наших встреч прошло много лет. Но всякий раз, как речь заходит о Тунисе, я вспоминаю моих друзей, их рассказы о своей стране, их споры и шутки, песни и танцы. Потом мне не раз приходилось встречаться с тунисцами разного возраста и общественного положения, разных профессий и склонностей в Москве и в Тунисе. Однако первое впечатление остается самым сильным. Более того, я невольно сравнивал всех тунисцев,

с которыми встречался после лета 1957 г., с тремя студентами, а все свои впечатления от пребывания в Тунисе — с их рассказами. При взгляде на высокого красивого служащего национальной авиакомпании «Тунис эр» в голову приходили слова Абд аль-Малека: «Как ты можешь считать красивым того или иного человека, если не знаешь, чем он живет и как мыслит?» Крепко сложенный молодой гид напоминал Мухсина своей широкой улыбкой, твердой поступью и размашистыми жестами мускулистых рук. А группа лицеистов, подошедших как-то к нашему отелю в Тунисе, казалось, вся состояла из двойников Халеда: такие же невысокие, быстрые, ловкие, задорно усмехающиеся и все схватывающие на лету.

Никакое чтение и никакие рассказы не могут заметить увиденного. Мне особенно интересно было побывать на родине Мухсина, Халеда и Абд аль-Малека, о которой пришлось немало читать и слышать. И вот наконец такой случай представился.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Тунис встретил нас теплым морозящим январским дождем и приветливой улыбкой Абд аль-Ваххаба Сгайера — нашего гида. Живой и общительный, Абд аль-Ваххаб немало знал о своей стране (работая гидом, он одновременно учился на факультете права Тунисского университета) и старался побольше о ней рассказать.

Когда Абд аль-Ваххаб не рассказывал, он сидел почти неподвижно и, улыбаясь, думал о чем-то своем или же сам задавал вопросы. «Вы мусульманин?» — спрашивал он, например, нашего товарища из Узбекистана, указывая на его круглую каракулевую шапку, и, не дожидаясь ответа, вскакивал, пожимал ему руку, оглушал стремительным потоком самых разнообразных арабских приветствий. После этого он садился на свое место, улыбаясь, кивая и чуть ли не подмигивая тому, кого он уже считал своим другом. Вопросы продолжались: «А вы кто? Художник? О-о! А вы — журналист? Понятно. А почему вы все друг друга зовете товарищами? Понимаю, вы друг к другу хорошо относитесь, вместе работаете и дружите. Но разве не больше чести и почета человеку, если его называть „ господин“? Нет, я знаю, господ у вас

нет, но все же, может быть, так было бы вежливее?» При этом с его широкого смуглого простонародного лица, напоминавшего лицо Мухсина, не сходила лукавая, почти «халедовская» усмешка.

Абд аль-Ваххаб привез нас с аэродрома Аль-Ауина в отель «Мажестик», расположенный в центре столицы.

Выйдя на следующее утро из отеля, мы оказались в сердце европейских кварталов города Туниса. Широкие прямые улицы, обилие зелени, белые и розовые четырехэтажные дома с балконами и высокими окнами непривычной для нас формы, многочисленные вывески, одна замысловатее другой, с надписями обязательно на двух языках (арабском и французском) — таков облик этих кварталов. Кое-где названия улиц сохранились еще со времен французского протектората: авеню де Франс, авеню де Пари. Но многие уже переименованы в честь деятелей освободительного движения тунисского народа: улица Али Баш-Хамбы, площадь Али Бельхауана, улица доктора Хабиба Тамера. Центральная магистраль столицы названа по имени президента Тунисской республики Хабиба Бургибы.

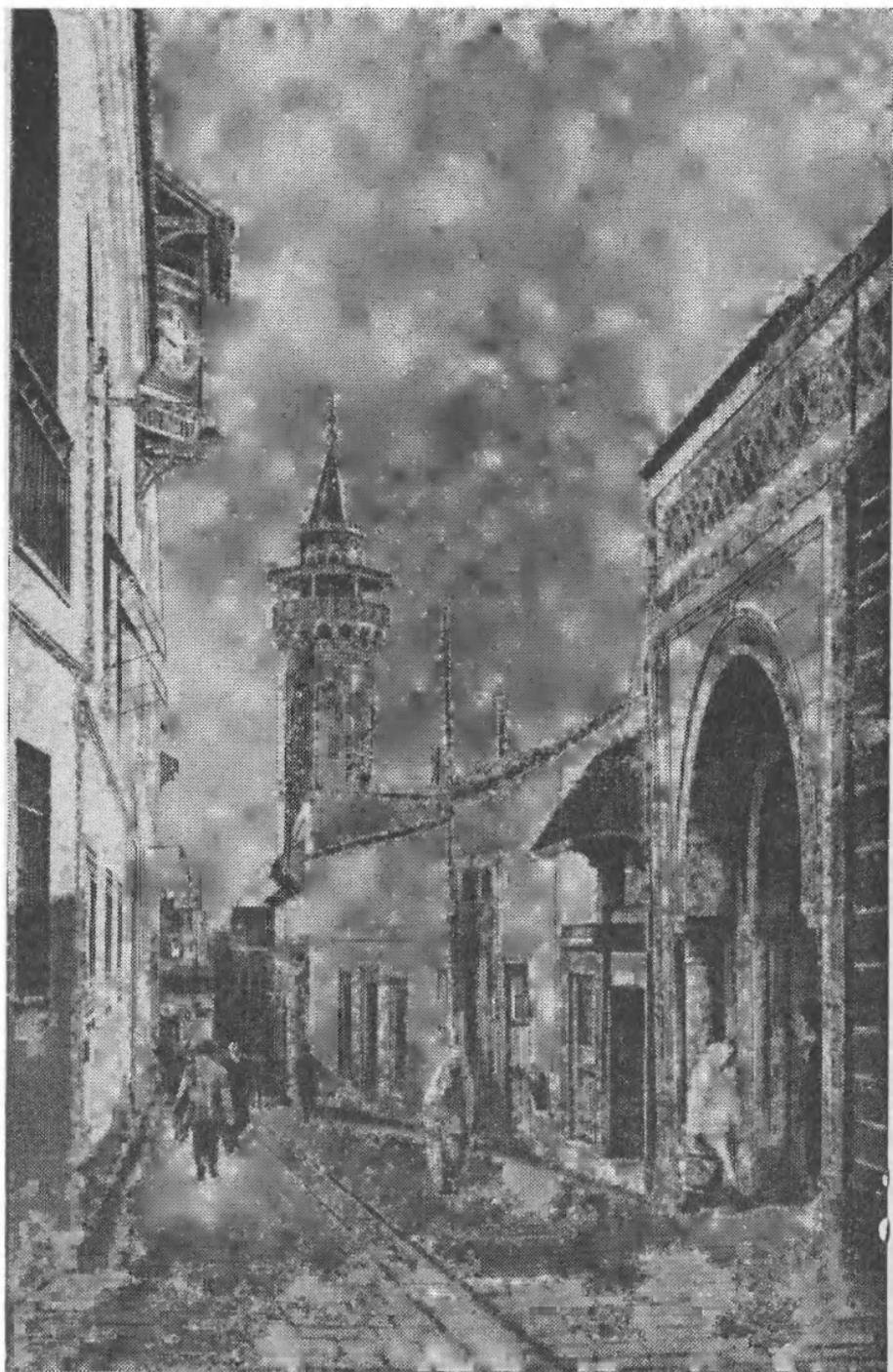
На улицах города европейцев сравнительно мало. Это — главным образом итальянцы. Большинство живших в Тунисе французов уехали после обострения франко-тунисского конфликта из-за военно-морской базы в Бизерте. Тунисцы потребовали вернуть им Бизерту, в связи с чем начались военные действия, вскоре, правда, прекращенные. Мы видели последствия этого столкновения, в частности разрушенную авиабомбами дорогу из города Туниса к аэродрому Аль-Ауина.

В толпе преобладают костюмы европейского покроя, иногда в сочетании с шешиа (плоской круглой красной шапочкой) — национальным головным убором тунисцев. Многие туниски ходят в европейских платьях, с открытыми лицами. Но большинство их все же, соблюдая мусульманскую традицию, закутываются с головы до ног в белое покрывало. Некоторые при этом закрывают нижнюю половину лица черной вуалью. «Четыре года назад, — говорил наш гид, — так поступали все. Но сейчас женщина, которой закон разрешил не закрывать лицо, все чаще и чаще пользуется этим правом. Практически за старое держатся только пожилые или очень темные люди». Даже в одежде тунисцев можно проследить, как

борется новое со старым и как они иногда уживаются рядом. Часто, например, можно увидеть женщину, закутанную в белое мусульманское покрывало, а рядом — ее маленьких детей, одетых по-европейски. Но новое постепенно побеждает. Тунисская молодежь поголовно ходит в европейских костюмах и не соблюдает наиболее косных обычаев седой старины. А ведь молодежь — большинство населения Туниса, как и других африканских и азиатских стран.

Более явственно восточный колорит ощущается на местном базаре. Красные шешиа, высокие фески с кисточками, белые, коричневые и темно-серые бурнусы, яркие ткани, затейливая вышивка, беспорядочные выкрики и пряные запахи — вот что преобладает здесь. Рынок по-арабски — «сук». Однако в Тунисе, как и в некоторых других арабских странах, это понятие часто включает и «торговый ряд, торговый квартал». По сути дела, городской сук Туниса — это огромный квартал всевозможных магазинов, лавок, мастерских и ларьков. Каждая улица такого квартала обычно представляет собой торговый ряд определенной специализации (ткани, керамика, украшения, одежда, продукты) и носит особое название, например: «Сук аль-Харир» («Рынок шелка»), «Сук аль-Леффа» («Рынок тюбанов») и т. п. Купить здесь можно все что угодно. Попадаютсся иногда и магазины европейского или полуевропейского типа, но они буквально тонут в море экзотических лавочек и мастерских, хозяева которых важно восседают у входа.

Правда, торговля у этих бесчисленных мелких капиталистов, полусовременных и полусредневековых (как по внешнему виду, так и по манере вести дела), идет не ахти как бойко. Об этом свидетельствует следующая уморительная сценка. Когда мы зашли в одну лавку и спросили, по какой цене хозяин продает свой товар, нас немедленно окликнул владелец лавки напротив. Он предложил купить тот же товар по более низкой цене. Первый торговец тотчас позвал нас назад и сбавил первоначальную цену, его соперник снова проделал тот же ход. Очевидно, эта игра могла бы продолжаться бесконечно, если бы мы не ушли. В дальнейшем мы неоднократно попадали под перекрестный обстрел зазывных выкриков из лавчонок. Но стоило войти в одну из них, как хозяин заламывал бешеную цену, не соглашался

Улица Сиди Бен Арус в городе Тунисе

сбавить, как мы предлагали, и только вдогонку нам кричал по-французски: «Са ва!» («Так пойдет!»).

В красиво оформленном магазине ковров и ювелирных изделий (не только местного, но и зарубежного производства: французских, итальянских, марокканских) нас тоже встретил сам владелец. Это был человек с изысканными манерами, по своему наряду он напоминал богатого мусульманина со старинной гравюры. Все у него стоило баснословно дорого, и мы тут же направились к выходу. Однако он уговорил нас подняться на второй этаж, где двое служащих, буквально ослепляя блеском парчи, вышивок, орнаментов и прочей роскоши, продемонстрировали все богатство и разнообразие ковров, имевшихся в магазине. На прощание хозяин, вдоволь насладившись впечатлением, произведенным на нас его почти сказочным товаром, вручил нам свои визитные карточки, из которых стало ясно, что он возглавляет крупную фирму, имеющую свои филиалы в других городах страны и даже за границей, в частности в ФРГ. Я посмотрел еще раз на этого впервые увиденного так близко «типичного представителя национальной торговой буржуазии»: тонкое, умное лицо, глаза скорее печальные, чем твердые. Внешне он больше походил на персонаж из «Тысячи и одной ночи», нежели на вполне реального капиталиста, эксплуатирующего бесчисленный плохо одетый и полунищий люд, толкавшийся и шумевший в крытых галереях рынка.

Пройдя через весь сук, можно выйти на площадь Правительства, называемую также площадью Касбы. «Касба» по-арабски — «крепость, цитадель». Раньше такая крепость стояла в центре мусульманского города во всех странах Магриба (т. е. Алжире, Тунисе и Марокко). Теперь же — это один из районов мусульманской части города, «медины» (по-арабски — «город»).

На площади Касбы расположены официальная резиденция главы тунисского государства и несколько министерств (или, как их здесь называют, государственных секретариатов): юстиции, финансов, внутренних дел, информации и т. д. Министерства размещаются в длинных двухэтажных зданиях из белого или розового камня. По всему фасаду на уровне второго этажа тянется открытая балюстрада с изящными колоннами и узорчатыми мавританскими арками. Около резиденции президента стоят

Город Тунис. Площадь Правительства
(она же — площадь Касбы)

на часах солдаты национальной гвардии, рослые, в зеленых мундирах с белыми аксельбантами и знаками различия, в зеленых кепи с блестящими гербами. Национальная гвардия в Тунисе выполняет многие функции, в том числе функции войск госбезопасности и погранохраны. Среди гвардейцев немало участников вооруженной борьбы за независимость Туниса в 1952—1954 гг. Охрана у министерств не такая строгая, как у резиденции президента. Мы в этом убедились через несколько дней, когда ходили в государственный секретариат информации. Там нам без особого бюрократизма, сравнительно быстро предоставили многие официальные публикации и документы тунисского правительства.

ПО СЛЕДАМ МАВРИТАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сук в столице Туниса служит как бы переходом от европейских кварталов к мусульманским. Для кварталов медины, как и всюду на Востоке, характерны чрезвычайно узкие улочки (где иногда трудно идти втроем плечо к плечу) и глухие, без окон, стены старых, потемневших.

от времени некогда белых домов. В 1962 г. здесь уже можно было видеть, как стирается резкая грань, существовавшая в эпоху французского протектората между европейской и «туземной» частями города. Разделявшая их каменная стена была разрушена, и среди типично мусульманских домиков выросло немало построек европейского типа. Однако тунисцы вовсе не собираются повсеместно вводить европейский модерн. Скорее они стремятся сохранить мусульманскую архитектуру, вернее ее традиционные черты, но сделать ее более современной и удобной, легко совместимой или сочетающейся в ансамбле с новейшими приемами европейского зодчества.

В основе своеобразия архитектуры стран Магриба, как и вообще культуры этих стран, лежит сильное, если не определяющее, влияние средневековой культуры арабской державы на Иберийском (Пиренейском) полуострове — мусульманской или арабской Андалусии (от арабского ее названия «Аль-Андалус»). В литературе эта культура часто именуется «мавританской», «арабо-мавританской», «арабо-испанской» или просто «андалусской».

Арабская Андалусия в VIII—XIII вв. была крупным культурным центром не только мусульманского мира, но и Европы. Андалусские арабы познакомили европейцев с рисом, артишоками, сахарным тростником, шелковицей, с изобретенной в Китае бумагой. Врачи из Андалусии были известны всему миру, а мавританские мастера славились во всех видах искусств. Ткани, изделия из слоновой кости, стекла и кожи, керамика и оружие, созданные андалусскими ремесленниками, служили в качестве эталона высшего мастерства. Большинство населения Андалусии было грамотно, что само по себе было явлением уникальным в эпоху средневековья. Нигде в мире не было столь богатых библиотек. Сюда приезжали из Англии, Франции, Германии и других стран Европы все, кто хотел овладеть науками и познакомиться с замечательной культурой того времени. Здесь процветали философия, поэзия, музыка, архитектура, декоративное искусство. Такие блестящие памятники мавританского зодчества, как великолепная мечеть в Кордове, минарет Ла Хиральда в Севилье, знаменитый дворец Альхамбра в Гранаде, дошли до наших дней и, несмотря на изменившиеся за прошедшие со времени их создания 700—900 лет вкусы

и оценки людей, до сих пор поражают воображение всякого, кто их увидит. Характерно, что некоторые традиции арабо-андалусской культуры, в частности в зодчестве, керамике, отчасти в музыке, еще долго сохранялись в Испании после окончательного вытеснения мавров с Иберийского полуострова, по некоторым сведениям, вплоть до XIX в.

Но особенно сильно влияние андалусской цивилизации сказалось на Северной Африке. По мнению известного французского историка Шарля-Андре Жюльена, в средние века было «невозможно отделить Испанию от Магриба, или, вернее, Магриб от Испании». Объяснялось это не только тем, что в период средневековья Магриб и Андалусия неоднократно полностью или частично входили в состав одного государственного образования. Не менее важным обстоятельством явилось изгнание из Испании (уже после завершения Реконквисты) всех мавров: сначала тех, кто с оружием в руках сопротивлялся христианским королям, потом тех, кто не соглашался отречься от ислама, наконец, тех, кто перешел в христианство, но продолжал говорить и писать по-арабски. Вынужденные покинуть Пиренейский полуостров, андалусские мавры расселились главным образом в городах и прибрежной полосе Магриба. Вот что писал об этом известный французский писатель-романтик Шатобриан: «Эти семейства унесли с собой на новую родину воспоминания о старой. „Божественная Гранада“ продолжала жить в их памяти... Каждые пять дней во время молитвы в мечетях все обращались лицом к Гранаде. Они призывали аллаха вернуть правоверным эту землю услад».

Но время шло, и андалусские беженцы свыкались с необходимостью жить и работать на новой родине. Их приход на новые земли способствовал повышению культуры земледелия, развитию градостроительства, совершенствованию ремесла. Они составили значительную часть местной интеллигенции: поэтов, музыкантов, архитекторов, врачей, историков и т. п. Рассказывая о переселившихся в Тунис потомках андалусского аристократического рода Абенсераджей, Шатобриан отмечает, что «им пришлось посвятить себя изучению целебных трав — занятию, почитаемому среди арабов не менее, нежели военное ремесло». Могилу последнего из Абенсераджей

Шатобриан видел возле дороги, ведущей из города Туниса к руинам Карфагена, а хижина его стояла будто бы среди самих развалин, на берегу моря.

Но это было в 1807 г. Может быть, поэтому мы уже не смогли увидеть ни могилы, ни хижины. Однако следы влияния андалусской цивилизации в Тунисе повсюду. Нам специально показали недалеко от столицы селение Сиди-Бу-Саид, сохраняемое как своего рода осколок арабской Андалусии. Карабкающееся в гору селение окрашено в белоснежные и ярко-голубые тона; благодаря этому оно резко выделяется на фоне серовато-пыльной почвы и темно-синего моря. В отличие от большинства домов в мусульманских кварталах городов Туниса дома Сиди-Бу-Саида имеют окна. Правда, они расположены очень высоко и закрыты решетками. Но все же само по себе наличие окон, выходящих на улицу, а не во внутренний дворик, представляет собой как бы «вольность». Недаром, по свидетельству того же Шатобриана, поселившиеся в Магрибе андалусцы отличались от местных жителей особой «утонченностью нравов и мягкостью обычаев».

В дальнейшем, проезжая по городам и селениям Туниса, мы видели очень много домов, как старых, так и новых, напоминающих дома Сиди-Бу-Саида, из чего могли заключить, что традиции андалусской архитектуры щедро используются современными градостроителями Туниса, так же как они использовались их предшественниками на протяжении веков. Несомненно, что эти традиции уже давно стали неотъемлемой частью национальной специфики тунисского (а также алжирского и марокканского) зодчества.

Мавританский стиль особенно четко выступает во внешней и внутренней отделке мечетей и дворцов. Нам запомнились искусно выполненная мастерами прошлого века резьба по гипсу в старом зале бывшего бейского дворца в Бардо (предместье столицы), золотой потолок Зала приемов того же дворца (в виде куполообразного свода с колоннадой), богатство и изящество декоративной отделки мечети Сиди ас-Сахби в Кайруане. Во всех этих памятниках архитектуры андалусские элементы играют значительную роль. Их можно проследить и в современных изделиях тунисских ремесленников, в рисунках тканей, во внутреннем убранстве домов. Андалусская

музыка почитается тунисцами так же, как, например, европейцами — классические симфонии и оперы. Однажды, когда мы услышали по радио в исполнении арабского хора какую-то песню, отдаленно напоминавшую неаполитанскую, наш гид Абд аль-Ваххаб, с удовольствием прослушав ее до конца, объяснил: «Это — андалусская мелодия. У нас есть и андалусские и народные песни. Конечно, они все хороши по-своему, но многим больше нравятся андалусские».

Впоследствии я узнал, что современные композиторы Магриба продолжают писать музыку в андалусском стиле. При этом тексты песен сочиняются на андалусском диалекте арабского языка, давно исчезнувшем. Следовательно, даже язык «божественной Гранады» не забыт наследниками мавританской цивилизации.

КАРФАГЕН НЕ РАЗРУШЕН!

Развалины Карфагена — всего в нескольких километрах от столицы Туниса. Собственно, это руины не подлинного Карфагена, основанного финикийцами города знаменитого мореплавателя Ганнона и величайшего полководца древности Ганнибала. Настоящий Карфаген был разрушен до основания, а затем на его месте римляне выстроили уже другой Карфаген, развалины которого и посещают теперь туристы.

Как известно, знаменитая фраза Катона, назойливо повторявшаяся им в конце каждой его речи («Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен»), не была пустой угрозой. В конце концов римляне буквально стерли с лица земли соперничавшую с ними Карфагенскую державу, предав проклятию даже землю, где стоял Карфаген. Но значит ли это, что Карфаген канул в небытие? Любой человек, побывавший в Тунисе, ответит на это отрицательно.

Конечно, исчезли военное и морское могущество Карфагена, его богатство и государственность — словом, все то, что неизбежно исчезает или коренным образом меняется на протяжении тысячелетий. Но осталось то, что имеет непреходящее значение. Осталось исключительно богатое наследие культуры древнего Карфагена, вернее, не только культуры, а более широкого и всеобъемлюще-

го понятия — карфагенской, или пунической (от латинского названия финикийцев), цивилизации.

Эта цивилизация связала коренное население Северной Африки с политической и культурной жизнью Средиземноморья, познакомила его с земледельческими орудиями (римляне приписывали карфагенянам даже изобретение этих орудий) и такими сельскохозяйственными культурами, как оливки и виноград. Керамическое и гончарное производство в Северной Африке до сих пор носит отдаленные следы карфагенского влияния. Карфагеняне принесли с Востока в Северную Африку и многие пищевые запреты, в частности отказ от употребления свинины. Даже одежда карфагенян — туника, головной убор и плащ — служит, по мнению некоторых историков, прототипом современной одежды коренного населения Магриба (длинного хитона — гандуры, фески и бурнуса). Смешанные браки между карфагенянами и местным ливийским (протоберберским) населением, взаимовлияние в области языка и культуры (на основе финикийского алфавита была даже создана единственная в истории берберская письменность), а также религии способствовали тому, что пуническая цивилизация не погибла вместе с Карфагеном.

Среди древнего населения Туниса (а также сопредельных районов) еще долгое время был распространен пунический язык. Даже некоторые римские императоры были ливийско-пунического происхождения, т. е. являлись потомками побежденных Римом карфагенян или пунизированных ливийцев. Пунический язык, по утверждениям ряда исследователей, так и не был вытеснен окончательно латынью из разговорной речи жителей Северной Африки вплоть до прихода арабов в VII в. Сторонники так называемой пунической теории утверждают даже, что арабский язык смог распространиться быстрее всего именно там, где еще живо было влияние пунической культуры и где не было засилья латыни.

Обо всем этом вспоминаешь, очутившись среди беспорядочного нагромождения каменных плит, обломков колонн, остатков домов и осколков скульптурных изображений. Да, здесь в древности стоял Карфаген, на этом самом косогоре, с которого далеко-далеко видно море и плывущие лодки. Если встать лицом к морю, то справа внизу будет Тунисское озеро и идущая вдоль не-

го дорога к столице, а слева, на холме, — уже упоминавшийся уголок Андалусии, селение Сиди-Бу-Саид. Над развалинами Карфагена — христианская церковь, воздвигнутая на месте гибели французского короля Людовика Святого, пытавшегося организовать крестовый поход в Тунис. Кажется, ничто не напоминает о славе пунического Карфагена. Лишь чудом сохранившиеся где-то в стороне и пережившие века нашествий и разрушений финикийские могилы как бы свидетельствуют о печальной судьбе великого города моряков и торговцев, жрецов и полководцев...

Но память о Карфагене живет в сердцах тунисцев. В этом мы убедились при посещении государственного музея в бывшем загородном дворце бея в Бардо. В левом крыле дворца проходят сессии Национального собрания Тунисской республики. В правом крыле размещен музей.

Узнав, что приехали советские туристы, к нам вышел сам директор музея — профессор университета Абд аль-Азиз Дрисс, известный историк и археолог. Хотя господин Дрисс владеет многими языками, объяснения он предпочитал давать по-арабски, с улыбкой вставляя иногда русские слова. Он особенно подчеркивал многообразие влияний, которые испытал Тунис на всем протяжении своей истории, и отличия культуры Магриба от культуры Арабского Востока. Слушая его, мы чувствовали, что тунисцы гордятся достижениями Карфагена и победами Ганнибала так же, как итальянцы — славой античного Рима, а египтяне — эпохой фараонов. Проведя нас по залам, посвященным Карфагену, профессор Дрисс сказал: «Колонизаторы пытались скрыть высокую культуру древних жителей Туниса, утверждая, что народы колоний не имели своей цивилизации. Однако здесь, в Тунисе, цивилизация зародилась за тысячу лет до ее возникновения во Франции».

По тому, как внимательно и любовно оглядывал профессор каждый экспонат, прежде чем начать рассказ о нем, мы поняли, что это больше чем просто бережное отношение археолога к памяти давно минувших времен. Керамика, терракотовые и бронзовые статуэтки, золоченые и медные украшения, гончарные изделия были для него не просто музейными реликвиями, а символами древней славы его страны. Для профессора Дрисса, как

и для всякого просвещенного тунисца, слава Карфагена была одновременно и славой Туниса.

В музее Бардо, кроме пунического раздела, имеются также разделы, посвященные римской, византийской и мусульманской эпохам в истории Туниса. Любопытно, что, сравнивая памятники материальной культуры различных эпох, легко проследить известную преемственность и даже сходство предметов домашнего обихода местного населения. Один из моих знакомых, бродивший по залам музея Бардо в одиночестве, даже утверждал, что если бы не надписи, то он бы не поверил, что один и тот же предмет (например, глиняный светильник) может не менять своего внешнего вида в течение тысячелетий. Мне кажется, что человек, внимательно осмотревший экспонаты пунического периода, почти безошибочно узнает их «потомков» последующих эпох. Может быть, поэтому профессор Дрисс, завершив с нами осмотр пунического раздела, потом уже не сопровождал нас, улыбнувшись на прощание: «Дальше, мол, сами разберетесь, что к чему».

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

На небольшой площади в центре столицы, в окружении старых, с высокими решетчатыми дверями, зданий французских банков находится официальная резиденция правящей партии страны Новый Дестур¹. Это одна из самых крепко сколоченных политических организаций в арабском мире. Новодестуровцы руководили борьбой тунисцев за национальное освобождение и за годы этой борьбы приобрели большой авторитет в массах. Кое-где, особенно в сельской местности, партия еще до провозглашения независимости страны фактически полностью контролировала положение. Став в 1956 г. правящей партией, Новый Дестур с 1962 г. выдвинул концепцию специфически «тунисского», или «дестуровского», социализма. Нам, конечно, любопытно было узнать, что же именно понимают сами тунисцы под этим термином

...Мы — в резиденции Нового Дестура, на втором эта-

¹ С 1964 г. Новый Дестур принял название Дестуровской социалистической партии.

Площадь Али Бельхауана в столице Туниса

же, в небольшой комнате. Беседуем с директором Политического бюро партии Абд аль-Маджидом Шакером. Основные задачи партии, по словам Шакера, заключаются в том, чтобы мобилизовать народные массы на выполнение стоящих перед страной экономических и социальных задач, разъяснить необходимость их решения, указать пути такого решения. «Новый Дестур теперь выступает за экономическое планирование, — подчеркивает Шакер. — Уже составлены минимальный (трехлетний) и максимальный (десятилетний) планы развития национального хозяйства». Разумеется, всякое планирование влечет за собой упорядочение экономической деятельности, в том числе ограничение appetites частных собственников, а непосредственной целью планирования является повышение благосостояния народа. Но обеспечить это, по словам Шакера, может «только сознательное отношение народа к вопросам экономики, основанное на учете высших государственных интересов», «дисциплине в экономике». В связи с этим Шакер подробно рассказывает о роли созданных в каждом районе комиссий по борьбе со спекуляцией и контролю над ценами. Возглавляют эти комиссии функционеры местных руко

водящих органов Нового Дестура, занимающиеся вопросами экономики. «Народ должен, — подчеркивает Шакер, — получить реальные выгоды от независимости, иначе его борьба окажется бесплодной».

Конечно, далеко не всем по душе новая политика новодестуровского руководства; в первую очередь она не устраивает тех, кто привык за первые пять лет независимости к «либеральной» структуре, т. е. к поощрению свободы частного предпринимательства. Шакер прямо говорит, что новой линии партии оказывают сопротивление «консервативные буржуазные круги, особенно торговцы». Но, отмечает он в то же время, среди них «немало честных людей, не понимающих новых задач». Эта оговорка имеет немаловажное значение, ибо раскрывает одну из главных особенностей Нового Дестура — стремление сохранить влияние и на трудящихся и на эксплуататорские элементы. В частности, Новый Дестур никогда не отталкивал от себя представителей мелкой и средней национальной буржуазии. Очевидно предполагается, что «тунисский» социализм должен быть в равной степени благодеянием и для бедняков и для богачей.

Однако в целом новая ориентация безусловно более прогрессивна по сравнению с предшествовавшим «либеральным» курсом. Не случайно Абд аль-Маджид Шакер напоминает о том, что с 1960 г. определенные изменения произошли и во внешней политике Туниса. «Мы установили дружественные отношения с СССР и другими социалистическими странами, — говорит он. — В Организации Объединенных Наций мы теперь часто выступаем вместе с вами, особенно после поддержки Советским Союзом позиции Туниса во время бизертского кризиса в июле 1961 г.».

После беседы с Шакером — визит в редакцию центрального органа партии газеты «Аль-Амаль». Нас принимает в своем кабинете один из руководителей редакции — Салахаддин Бен Хамида. Он с удовольствием вспоминает о нескольких днях, проведенных им в Москве в составе туниисской делегации, направлявшейся в Китай. «Кстати, вы не видели в Москве моего двоюродного брата? — смеется господин Бен Хамида. — Его зовут Сляма, и он учится в Московском университете». Разговор опять заходит о «туниисском» социализме. Что же это такое? «Вам еще не сказали? — усмехается господин

Бен Хамида. — Это же все очень просто. У вас социализм имеет целью улучшить положение людей. Того же хотим и мы. В основе тунисской концепции социализма лежит идея всеобщего благосостояния. Мы хотим повысить жизненный уровень населения, сделать всех зажиточными. Тогда не будет различий между богачами и бедняками. Когда мы боролись за независимость, мы не думали о будущем. Но теперь мы считаем, что не можем совершить нашу революцию на основе капитализма, который к тому же унаследован нами от эпохи колониализма. Нам нужен другой путь».

Когда мы были в Тунисе, оставалось всего полтора месяца до прекращения войны в Алжире. Алжирская проблема была в центре внимания тунисской общественности. Ей посвящались статьи на первых полосах газет, уличные фотовитрины, заявления государственных деятелей. Поэтому и Абд аль-Маджид Шакер и Салахаддин Бен Хамида, естественно, в беседах с нами касались алжирской проблемы. Но наиболее полную информацию по этому кругу вопросов мы получили в редакции газеты «Аль-Муджахид» — органа Фронта национального освобождения Алжира, высшие инстанции которого в то время располагались в Тунисе.

Редакция «Аль-Муджахида» занимала небольшое скромное помещение в переулке недалеко от нашего отеля. У подъезда стояли тунисский полицейский и двое алжирцев в штатском. Когда мы подошли к дверям, алжирцы преградили нам дорогу, но, узнав, кто мы, беспрепятственно пропустили. Нас встретил занимавший тогда пост главного редактора газеты Реда Малек¹. Он подробно рассказал нам о политической ситуации в Алжире, о трудностях вооруженной борьбы с войсками колонизаторов и террористами из ОАС, о превратностях дипломатической борьбы (в то время как раз намечались контакты, которые привели к заключению Эвианских соглашений), о стремлении алжирских руководителей решить все спорные вопросы с Францией путем переговоров. «Каждое новое испытание, каждый поворот судьбы обогащает опыт многострадального алжирского народа. Нет сомнения, что в конечном счете это положи-

¹ С лета 1965 г. Реда Малек — посол Алжира во Франции.

тельно скажется на строительстве независимого Алжира», — сказал нам на прощание господин Малек.

Визитом в редакцию «Аль-Муджахида» наши беседы в Тунисе не закончились. В тот же день нам довелось беседовать у самого входа в отель «Мажестик» с группой совсем юных лицейстов. Они свободно говорили по-французски, некоторые щеголяли даже знанием английского языка, но на арабском литературном языке предпочитали не говорить. Дело тут не только в том, что арабы с европейцами всегда предпочитают говорить на одном из европейских языков. Дело в проблеме так называемого трехязычия Магриба, в каждой из стран которого население говорит на соответствующем разговорном диалекте (в Магрибе диалекты сильно отличаются от общеарабского литературного языка), а функции литературного языка фактически выполняет французский. После провозглашения независимости во всех странах Магриба были восстановлены погрязшие права арабского литературного языка, который идеологи колонизаторов считали «искусственным» и даже чуть ли не «иностранным» для жителей Магриба. Но эту проблему, как и другие, унаследованные от колониального периода, нельзя решить за короткий срок. Поэтому до сих пор большинство учащихся в Северной Африке получают образование на французском языке ввиду нехватки кадров арабских преподавателей и пособий на арабском языке. Часто арабский литературный язык преподается наряду с другими дисциплинами, которые изучаются на французском языке. Естественно, что в подобных условиях большинство представителей магрибской интеллигенции, не говоря уже об учащихся, когда речь заходит о технике, политике, культуре и прочих «высоких материях», предпочитают изъясняться по-французски.

Наших новых знакомых интересовало все о Советском Союзе. «Это правда, что у вас в стране десять миллионов коммунистов?» — почти с ужасом уставился на меня носатый паренек в очках. Сообщение о том, что в процентном отношении число тунисцев, состоящих в партии Новый Дестур, пожалуй, не уступает числу советских граждан, состоящих в КПСС, он воспринял сначала с недоверием, а потом, как бы примирившись, все же проворчал: «Да, но ведь то новодестуровцы, а не коммунисты». Другой паренек, в светлом джемпере и

шешиа, спросил: «А среди вас много коммунистов?» Узнав, что далеко не все в нашей группе члены партии, он с любопытством уставился именно на тех, кого ему представили как членов партии: «А за что вы выступаете?» — «За то же, за что и наши коммунисты», — ответил за нас третий лицеист, который, как потом оказалось, был единственным из всех этих ребят, знавшим разницу между коммунизмом и социализмом. «А это верно, что коммунисты говорят: „Все за одного, один за всех?“», — спросил четвертый лицеист (кажется, это были единственные слова, им сказанные). «Что ж, если вы так считаете, то это очень хорошо», — тут же откликнулся наиболее дошный из них, тот, что в светлом джемпере.

В таком духе мы беседовали около часа. В наших юных знакомых поражало сочетание острой любознательности и полного неведения, умения думать над серьезными проблемами и самых наивных представлений об окружающем обществе. Однако знания и опыт — дело наживное. А чем пытливей и любознательней молодое поколение, тем скорее придут к нему и знания и жизненный опыт.

В дальнейшем, путешествуя по Тунису, мы не раз вспоминали своих молодых собеседников, наблюдая, как молодежь добровольно трудится, занимаясь прокладкой новых дорог и возведением современных поселков для оседающих на землю бедуинов, как следят активисты новодестуровской молодежи, чтобы оборванные ребята не унижались, клянча милостыню у иностранцев, как тщательно наш гид Абд аль-Ваххаб записывает в свой блокнот сведения о структуре органов государственной власти в СССР. Молодежь в Тунисе — большая сила. Будущее страны — в ее руках.

ПУТЬ НА ЮГ

Город Тунис и его окрестности, побережье и северные районы страны давно уже освоены европейцами: торговля, колонизация (протекавшая главным образом на плодородных землях тунисского севера) и туризм сделали свое дело. В то же время средняя и южная полоса Туниса в большей мере сохранили свою самобытность: европейские лица, европейский покрой одежды, европей-

ское влияние в архитектуре здесь встречаются очень редко.

...Мы едем на юг страны. Над высокой красной феской шофера надпись по-итальянски: «Не разговаривайте с водителем». Очевидно, автобус — итальянского производства. Сидеть в нем удобно, дорога хорошая, скорость большая, но мы все же успеваем разглядеть то полуразвалившийся древнеримский акведук, то пестро разодетую бедуинскую семью, торопливо сгоняющую с шоссе тяжело нагруженного и важно ступающего верблюда, то выстроенные для оседающих кочевников поселки — новенькие, чистенькие, похожие издали на правильные ряды кусков рафинада. Иногда автобус пугает осла с поклажей, которого сопровождает погонщик в белом бурнусе, а то и погонщица в цветастом одеянии. Автомашины по пути почти не попадают. Пейзаж вокруг напоминает центральную Грузию: те же цветущие равнины, такие же горы на горизонте. Длинные участки дороги огорожены зарослями кактуса, который используется здесь и для ограждения садов, полевых участков, плантаций. Среди равнины иногда мелькают небольшие белые каменные строения с куполообразным верхом. Абд аль-Ваххаб объясняет нам, что это куббы (мавзолеи) марабутов. Марабутами раньше в Магрибе назывались приверженцы военно-религиозных братств, а ныне это своего рода святые, почитаемые за благочестие. Над их могилами возводятся куббы. К местам погребения наиболее прославленных марабутов устраиваются паломничества.

Въезжаем в Кайруан — самый древний мусульманский город Северной Африки, основанный в VII в. арабским полководцем Окбой ибн Нафи. Город сравнительно невелик, весь он белый, пыльный. Дома, как правило, одноэтажные, а над ними — высокие минареты и купола многочисленных мечетей. Выше всех поднимается 35-метровый минарет первой в Магрибе мечети Сиди Окба.

В наш автобус неторопливо садится человек в тюрбанах и какой-то сложной одежде с прорезями для рук. Предъявляет визитную карточку: «Ахмед Нагати. Официальный гид № 1». После этого едем к мечети Сиди Окба. У входа в мечеть — гора обуви, внутри — соломенные циновки, лес колонн, сумрак. Нагати указывает на огромную люстру: «Недавно привезена из Югославии в

подарок Кайруану». Поднимаемся на знаменитый минарет. Внизу — весь Кайруан как на ладони, а вокруг него — голая степь. Потом едем к мечети Сиди ас-Сахби, или, как ее здесь называют, мечети Брадобрея. По преданию, в Кайруане был похоронен сподвижник и брадобрей пророка. Над его гробницей в XVII в. была возведена мечеть. Арки, изразцы, мозаика, росписи пышны, но эклектичны: они сочетают восточные и андалусские традиции. Вся мечеть — как игрушка работы изощренного и затейливого мастера. Гробница брадобрея — в углу внутреннего двора мечети. Подойти к ней невозможно, так как гробница — предмет поклонения верующих, столпившихся около нее в большом количестве. Среди них преобладают женщины, все с закрытыми вуалью лицами.

Вообще на улицах Кайруана почти совсем не видно женщин с открытыми лицами. Это и не удивительно, так как Кайруан — основной центр тунисских клерикалов. Недаром стремление правительства Бургибы придать тунисскому государству максимально светский характер наибольшее сопротивление встретило именно в Кайруане. Однако Кайруан, как и весь Тунис, в целом прочно контролируется Новым Дестуром. В центре города — каменный бюст президента Бургибы. Портреты президента — во многих лавках. Осмотр города после мечети Сиди Окба мы совершали уже не только в обществе двух гидов, но еще и в сопровождении функционера местной организации Нового Дестура, ловко управлявшего небольшим французским автомобилем и резко отличавшегося от остальных кайруанцев, носивших традиционный мусульманский наряд, своим светло-серым модным пиджаком. Он привез нас в национальный центр ковроделия (Кайруан славится коврами), сообщив, что этим центром управляет его сестра.

Мы вошли в длинное полутемное помещение, где вдоль деревянных рам с натянутыми на них шерстяными нитями сидели девочки среднего и младшего возраста, все — с открытыми лицами (женщины, работающие в государственных учреждениях Туниса, не должны закрывать лицо). Принимают их сюда на учебу с восьми лет. Первые два года они должны работать по три часа в день, следующие два года — по четыре и выделывать в среднем один ковер в три-четыре месяца. Фактически

они работают больше — до десяти часов в день — и изготавливают по ковру в месяц. Мы обратили внимание на то, что самые маленькие работали наравне со старшими.

После окончания осмотра города новодестуровский функционер в светло-сером пиджаке привез нас в помещение местного филиала партии. Как оказалось, он был помощником партийного делегата, т. е. назначаемого из центра руководителя новодестуровской организации данного вилайета (провинции). Вскоре вышел и сам делегат. Хасан Касем. Из беседы с ним мы узнали, что четвертая часть населения вилайета Кайруан (60 тыс. из 240 тыс. человек) состоит в 83 первичных организациях Нового Дестура, работой которых руководят выборные бюро. В состав этих бюро кое-где входят и женщины. Из представителей бюро делегат подбирает координационный комитет, помогающий ему в текущей работе. В комитете — казначей, отдел политической ориентации, социально-экономический отдел и отдел по работе с молодежью. Особое внимание комитет уделяет вопросам сельского хозяйства, так как вилайет Кайруан — аграрная область. Почти в каждом мукатаа (уезде) вилайета есть школа или больница, построенная в годы независимости.

После Кайруана наш путь пролегал через Сбейтлу, Кассерин и Фериану. В Сбейтле запомнились развалины древнеримского города с хорошо сохранившимися воротами в виде массивной триумфальной арки, театрализованная джигитовка местных бедуинов и национальные блюда тунисцев: брик и кус-кус. Брик — это род чебурек. Объяснить, что такое кус-кус, гораздо сложнее. Готовится это кушанье в специальном аппарате: внизу варится мясо, а сверху — особая крупа, напоминающая по виду рис, но на самом деле скатанная из манки. Подается кус-кус обычно с овощами, приправами и салатом. Практически он заменяет целый обед. В различных районах Магриба существуют свой вид кус-куса и свой способ приготовления его.

Все пространство между Сбейтлой и Кассерином покрыто травой альфой, представляющей собой ценное сырье для выделки бумаги. «Альфа, везде альфа», — полупекает Абд аль-Ваххаб, широко разводя руками и как бы призывая нас оглядеться вокруг. Мелькают стога, сложенные из снопов кубической формы, сборщицы в пестрых платьях, помогающие им дети. Недалеко от Кас-

«серина Абд аль-Ваххаб показывает нам строящуюся фабрику по переработке альфы. Раньше почти вся переработка производилась за пределами Туниса. Но и сейчас еще много следов экономической зависимости страны. Достаточно посмотреть в Кассерине и других городках на конкурирующие друг с другом бензоколонки английской компании «Шелл» и американских «Эссо» и «Мобил ойл».

В Фериане мы увидели тунисских солдат в походном обмундировании, в касках и с автоматами. «До границы с Алжиром 50 километров, — объяснил нам Абд аль-Ваххаб. — Французские самолеты, нарушая границу, часто залетают сюда. Поэтому войска здесь всегда находятся в боевой готовности». Тогда, в январе 1962 г., после варварской бомбардировки пограничного тунисского селения Сакиет Сиди Юсеф и военного конфликта из-за Бизерты, тунисцы были особенно настороже. В дальнейшем мы еще несколько раз видели тунисских военнослужащих в полной экипировке. Характерно, что в столице, в Кайруане и вообще в районах, далеко отстоящих от границы, военных нигде не было видно.

Миновав Гафсу и Метлауи — центры фосфоритных разработок, мы въехали в Тозер — один из крупнейших оазисов южного Туниса. Здесь расположены наиболее значительные плантации финиковых пальм, общая площадь их составляет 2800 гектаров. Каждая пальма дает 80—90 килограммов фиников. Годовой доход владельцев плантаций в 200—1000 пальм иногда достигает 6 млн. динаров¹. Кроме фиников в оазисе выращивают бананы, лимоны, яблоки, даже картофель. Принадлежащие землевладельцам участки обычно обрабатываются издольщиками-хаммасами, получающими от четверти до пятой доли урожая. Когда на одной из плантаций речь зашла о хаммасах, нам указали на группу крестьян, вскапывавших землю своеобразными лопатами с рукоятью, изогнутой в форме крюка. Все они были худые, дочерна загорелые (хотя от густых пальмовых ветвей в оазисе прохладно и сумрачно даже в полдень), в штанах до колен и тюрбанах. Глядя на их ноги, по щиколотку увязшие в мокрой жирной почве, на согнутые спины и неторопливые полуавтоматические движения, невольно ду-

¹ Тунисский динар в 1962 г. был равен примерно 2,5 долл

машь, как много приходится трудиться человеку даже здесь, в благодатном оазисе, где существует, кажется, наилучшее для земледелия сочетание солнца, воды и плодородной земли.

Из Тозера мы выехали в другой оазис — Нефту. Это огромная впадина, до краев заросшая пышной дикой зеленью. Здесь нам показали местные танцы. Зрелище было долгим и разнообразным. Сначала как бы нехотя приплясывали музыканты — темнокожие (в Тунисе даже на севере встречаются негроиды), уже немолодые, в белых балахонах и высоких фесках. После них стремительным воинственным танцем зрителей ошеломили танцоры помоложе; на них были красные куртки, головы по-испански повязаны белыми платками. Потом и те и другие выступали поочередно, каждый раз меняя фигуры танца или добавляя новые, щедро прибегая к фехтованию кинжалами, саблями, манипулируя небольшими бубнами и даже стреляя из ружей.

Из Нефты мы совершили поездку к алжиро-тунисской границе. Севший в наш автобус добродушный сержант национальной гвардии внезапно остановил машину посреди пустыни, пригласил нас выйти на твердый, скорее каменистый, нежели песчаный грунт и стал махать руками на запад, север и юг: «Вот там Алжир! И там Алжир! А здесь — тоже Алжир!» Мы послушно вертели головами, следя за его жестами, но, к сожалению, везде видели только однообразную пустыню. Заметив наше разочарование, гвардеец стал нас утешать: «Вы еще посмотрите Алжир, когда он наконец станет независимым». Судя по всему, он просто опасался подвозить нас близко к границе, учитывая существовавшее тогда напряженное положение в приграничной полосе.

...Но вот мы снова на побережье Средиземного моря. Габес — центр крупного оазиса — отдаленно напоминает нашу Евпаторию: такие же низкие дома, пологий песчаный пляж, ярко-синее море. Раньше в Габесе стоял самый крупный в Тунисе французский гарнизон. Следы его пребывания сохранились: на главной улице города — французские магазины, продавцы и покупатели в них — французы, кое-где — вывески французской финансовой монополии «Компани альжерьенн де креди э де банк». Однако вместо французских солдат на улицах Габеса сегодня — тунисские национальные гвардейцы. Среди

прохожих почти нет европейцев. Как и в других городах страны, здесь много новостроек: красивое здание суда, школы, больница.

Несмотря на довольно прохладную погоду (особенно по сравнению с жарой внутренних районов), мелкий дождичек и ветер с моря, мы совершили прогулку по городу. В глаза бросилось обилие школьников, закончивших уроки. Размахивая свертками с книгами и тетрадями, они бежали по улицам, смеялись, шалили, а кое-где, выбрав удобную площадку, играли в футбол. «У нас все дети посещают школу», — с гордостью сказал нам Абд аль-Ваххаб. Он, конечно, несколько преувеличил: мы сами не раз видели в Тунисе, Кайруане, Сбейтле и в том же Габесе детей школьного возраста, слонявшихся по улицам и рынкам в часы занятий. Но горячность нашего гида понятна: во-первых, ему очень хотелось, чтобы это было правдой, а, во-вторых, он был не так уж далек от истины. Правительство Туниса тратит огромные средства на то, чтобы дать образование подрастающему поколению. Всюду в Тунисе — в столице и южных оазисах, в городах и только что выстроенных поселках для кочевников — белеют новенькие здания школ и синеют форменные одеяния школьников — мальчиков и девочек. «Бонжур, месье!» — задорно кричат они, веселой гурьбой окружая заезжего иностранца. По-французски все они лопочут довольно бойко чуть ли не с семи лет, и чем старше — тем лучше, так как обучение в большинстве школ ведется на этом языке. Мы были очень рады, что нашими последними впечатлениями от Туниса оказались живость, непосредственность и любопытствующие взгляды юного поколения.

На следующий день мы прощались с гостеприимным Тунисом, с улыбающимся Абд аль-Ваххабом, с неведомой нам ранее страной, в которой мы провели восемь дней и с которой должны были расстаться. Мне не удалось повидать ни Мухсина, ни Халеда, ни Абд аль-Малека, но зато я побывал на их родине. А это значит, что я узнал кое-что новое и о них самих, лучше представил себе их мысли и чувства, лучше стал понимать их.

В КОРОЛЕВСТВЕ СЕНУСИТОВ

ПО ДОРОГАМ ТРИПОЛИТАНИИ

Мы подъезжаем к Ливии. Зеленые мундиры тунисских пограничников сменила черная форма ливийских таможенников. Пока происходит длительная процедура оформления, заводим разговор с таможенниками, свободными от работы. Они удивляются, услышав арабскую речь, затем начинают подробно расспрашивать нас о том, что в СССР думают об арабах вообще и о ливийцах в частности, каким образом мы изучали арабский язык и что намерены посмотреть в Ливии. Выговор у них несколько иной, чем у тунисцев. Он скорее напоминает интонацию египтян (как мне стало ясно через несколько лет, после того как довелось побывать в ОАР). В то же время произношение у ливийцев несколько мягче тунисского. В отличие от тунисцев ливийцы гораздо менее склонны смешивать арабский литературный язык с разговорным диалектом.

В Ливии в ходу уже не три, как в Тунисе, а все четыре языка: арабский разговорный, арабский литературный, итальянский и английский. Правда, обычно обходятся арабским и итальянским. Во всяком случае названия улиц на табличках даны именно на этих двух языках. Англичане, оккупировавшие Ливию в ходе второй мировой войны, с начала 1943 г. стремились искоренить здесь все итальянское, в чем немало преуспели при поддержке местного населения. Однако делали они это не бескорыстно, а в целях замены итальянского влияния английским. Проникновение англо-американских нефтяных монополий в Ливию после открытия на юге страны богатейших запасов нефти, наличие в Ливии английских и американских войск на собственных базах и англо-аме-

риканских советников на ливийской государственной службе также сделали свое дело уже после того, как Ливия стала независимой в 1951 г. Во всяком случае многие официальные документы издаются на арабском, итальянском и английском языках, повсюду щедро продается англоязычная литература, часто звучит английская речь.

Но все это мы узнаем потом. А пока что, наконец завершив все формальности, мы садимся в автобус и едем через тунисско-ливийскую границу. Многие из нас впервые пересекают по земле границу между двумя государствами. Они с любопытством оглядываются, но особых перемен не чувствуют. Вокруг та же земля (вернее, тот же песок), те же кактусы, та же альфа.

Мы въезжаем на знаменитое шоссе Тунис — Египет, которое было сооружено итальянскими колонизаторами накануне второй мировой войны. Как известно, Муссолини собирался использовать Ливию в качестве плацдарма для захвата Туниса и Египта с целью превращения Средиземного моря в «итальянское озеро». Но войскам дуче пришлось не столько наступать, сколько отступать по выстроенному ими шоссе.

Дорога однообразна: справа мелькают редкие селения, слева иногда показывается море. Местами пейзаж напоминает южную Украину: растрепанные кипарисы, обрамляющие шоссе, похожи на пирамидальные тополя (особенно при заходе солнца), жара здесь в январе не сильнее нашей в июне, летящая из-под колес автобуса пыль и смахивающие на мазанки белые домики кажутся «своими», совсем не «заграничными». Но вот нас обгоняет американский военный грузовик. На задней стенке кузова — выразительная надпись по-английски: «Жизнь так прекрасна! Езди медленнее и живи!» Вскоре попадаетея второй грузовик с еще более лирической надписью: «Папочка, не спеши! Мы ждем тебя!» Вряд ли, однако, эти надписи оказывают какое-либо воздействие на янки, привыкших к езде с бешеной скоростью.

Приметы Ливии постепенно обнаруживаются все больше и больше. Теперь уже видно, что наряд местных жителей кое-чем отличается от тунисского. В частности, у многих ливийцев на голове не шешиа (хотя немалая часть горожан еще носит высокие турецкие фески), а «кобус» — белая шапочка, имеющая форму усеченного

конуса. По-иному выглядит и верхняя одежда, которая на первый взгляд представляет собой нечто вроде длинного балахона. Подробнее мне удалось рассмотреть ее позже, при посещении Сабраты. Я спросил там стоявшего в стороне привратника, как называется его одеяние. «Холи», — равнодушно ответил он, всем своим видом показывая, что уже давно привык к ненужным вопросам праздного племени туристов. Вопрос, однако, не праздный. Ливийское холи не похоже ни на магрибские бурнус или гандуру, ни на египетскую галабию. Холи — это род широкого и длинного наглухо застегивающегося плаща или накидки, в которую ливийцы умеют довольно изящно драпироваться.

Еще одна примета Ливии — пахота на верблюдах. Правда, нам довелось побывать только в западной части страны — в Триполитании, но, очевидно, эта картина типична для всей Ливии. В Тунисе ничего подобного мы не видели.

Верблюды в Ливии, как и во всякой стране, большую часть территории которой занимает пустыня, во многом выручают человека. Они заменяют арабу и носильщика, и автомобиль, и трактор, не говоря уже об употреблении кочевниками верблюжьего молока, мяса и шерсти.

Очутиться в обществе верблюдов с непривычки жутковато. Нам довелось испытать это ощущение на верблюьем рынке в Зуаре. Гид, приведя нас на рынок, куда-то ушел, и мы на короткое время оказались предоставлены самим себе. Со всех сторон смотрели на нас надменные морды «кораблей пустыни». Некоторые из них тянули к нам мускулистые шеи, словно собирались пожевать наши воротнички или головные уборы, другие, настроенные более агрессивно, как нам казалось, вот-вот должны были начать плевать. Ощущение неловкости усиливали настороженные взгляды столпившихся вокруг нас хмурых бедуинов в груботканых холи и запыленных бурнусах. Однако постепенно лед растаял, и один из бедуинов при посредничестве наконец появившегося гида даже разрешил сфотографировать двух своих верблюдов. Это следовало рассматривать как знак расположения, ибо в Ливии, стране с глубоким и прочным влиянием религии, фотографироваться не любят: ортодоксальный ислам, как известно, запрещает любые изображения живых существ.

Много интересного можно увидеть из окна автобуса: автомобили новейших марок и стада овец, глухие стены вокруг американской военной базы Уилус-Филд и работающих на полях крестьян в холи и громадных тюрбанах, закрывающих от жары не только голову, но и шею, уши и даже щеки. Как и в Тунисе, каждый крестьянский участок огражден зарослью кактусов или невысокой глинобитной стеной. Отраднo, что почти так же, как в Тунисе, повсюду много школьников и школьниц в форме.

Но наряду с отрадными впечатлениями от Триполитании у нас остались и менее приятные воспоминания. Это относится, в частности, к поездке в Гариан — небольшой городок в нескольких десятках километров к югу от Триполи.

Дорога вначале петляет по солончаковой пустыне, затем начинает причудливым серпантинoм карабкаться вверх, на широкое и высокое плоскогорье, нависающее над пустыней подобно гигантской ступени. Шофер автобуса ловко маневрирует по гудронированному серпантину. Подъем очень крутой, взглянуть вниз — дух захватывает. Наконец, взобравшись на плоскогорье, едем опять по ровной дороге. Вокруг, как и до подъема, плоская равнина с редкой растительностью, кое-где попадаются пашни с медленнодвигающимися на них крестьянами в тюрбанах и впряженными в соху верблюдами. Но вот на отдаленных холмах показались какие-то точки. «Это пещеры, покинутые их прежними жителями», — говорит гид. Мы въезжаем в Гариан, небольшой, белооранжевый, расположенный как бы на наклонной плоскости. Где-то здесь есть «леди Гариана» — демонстрируемая туристам за плату карта Северной Африки, выполненная на скале в виде лежащей женской фигуры. Мы, однако, не выражаем желания увидеть эту дежурную туристическую достопримечательность, и тогда нас ведут в пещеры.

Мне уже приходилось до этого видеть пещеры Ливии в отличном фильме об Африке, снятом Ганзелкой и Зикмундом. Но даже там пещеры выглядели более привлекательно, чем те, которые нам довелось увидеть своими глазами. Все они выстроены по единому принципу: гигантская яма, обычно цилиндрической формы, в ее стенах вырыты длинные кельи. Внутри такого жилья темно, сыро, холодно. Становится жутко за людей, которые

здесь живут или жили. Особенно основательно нам показывают одну пещеру, пообширнее других и даже с претензией на внутреннюю отделку. Оказывается, здесь предполагал обосноваться на время войны итальянский генерал-губернатор Ливии маршал Итало Бальбо. Бальбо погиб во время авиационной катастрофы в самом начале войны, и пещерой ему почти не пришлось пользоваться. Тем не менее сейчас ее все время показывают туристам. Зачем? Ведь даже если ее сделать более комфортабельной, любому ясно, что от хорошей жизни в пещеру не полезешь!

Из Гариана мы возвращались в довольно мрачном настроении. Гид, заметив это, пытался нас уверить, что сейчас уже в пещерах никто не живет, но безуспешно. Во-первых, сам он проговорился, что кое-где люди еще живут в пещерах, но он не может их показать, так как они не любят, когда на них приходят смотреть. Во-вторых, проезжая мимо холмов под Гарианом, мы заметили, как над одной из пещер, вырытых на склонах холмов, появилась голова верблюда. Невольно вспомнился кадр из фильма Ганзелки и Зикмунда: в пещеру проник луч солнца, и человек, жмурясь и улыбаясь, поглаживает верблюжью шею. Может быть, мы видели того самого верблюда?

ОДНА ИЗ ДВУХ СТОЛИЦ

В Ливии две столицы: Триполи (резиденция правительства и парламента) и Бенгази (местопребывание короля). Во время нашей поездки (в 1962 г.) эти города были одновременно центрами провинций: Триполи — Триполитании, Бенгази — Киренаики¹. В Бенгази нам побывать не удалось, зато Триполи мы осматривали в течение пяти дней.

Город удивительно красив: великолепное полукольцо знаменитой набережной Лунгомаре, густая зелень парков и садов, высокие пальмы, дворцы со стрельчатыми башенками. Королевский дворец (король останавливается здесь во время своих редких наездов в Три-

¹ В 1963 г федеральная система провинций была упразднена и Ливия провозглашена унитарным государством

Национальный институт социального обеспечения в Триполи

поли) поражает обилием зелени, снежной белизной каменной ограды и зубчатых стен, мощными куполами и изысканной формой высоких узких окон. Другие дворцы и богатые особняки явно пытаются хоть в чем-то походить на резиденцию монарха, но им это плохо удастся.

Триполи, пожалуй, более однообразен, чем город Тунис. Там большинство улиц имеют как бы свою собственную физиономию. Про Триполи этого не скажешь: человек, оказавшийся здесь впервые, с трудом отличит одну улицу от другой. Дома, ограды, архитектурные «излишества», даже тротуары здесь в основном одноцветны и однотипны. Но зато в целом город производит впечатление большей, чем Тунис, стройности, строгости и законченности. Он весь как бы тяготеет к упруго вогнутой полосе набережной, зеленые массивы искусно вписаны в ансамбли зданий, однотонность красок не утомляет, а, наоборот, мягко ласкает взор. Над трехэтажными (в большинстве случаев) зданиями возвышаются минареты мечетей. Минареты

по традиции круглые в отличие от тунисских, обычно квадратных в сечении. Объясняется это тем, что в Ливии, где долго господствовали турки, привился ханифитский толк ислама, а в Тунисе, как и в других странах Магриба, господствует маликитский толк. А еще издавна повелось, что минареты у ханифитов строили круглые, а у маликитов — квадратные.

Несколько искусственную красоту придают городу отели. Их немало, и все они соперничают друг с другом в оригинальности внешнего вида, пышности внутреннего убранства, замысловатости названия и дороговизне номеров. Реклама отелей поставлена превосходно: их беспрестанно расхваливают в прессе, среди туристов и вообще прибывающих в страну иностранцев распространяют красиво оформленные и раскрашенные проспекты с цветными фотографиями и текстом на английском, французском, немецком, арабском и итальянском языках. Проспекты превозносят чудеса комфорта, ожидающие туристов в гостиницах. Различия между отелями, судя по проспектам, следующие: в «Гранд Отеле» — один американский бар, а в «Мехари» — два, в «Гранд Отеле» — «великолепный парк, окаймляющий самое лучшее авеню Триполи», а в «Мехари» — пять внутренних садиков. Миновать отели туристу, впервые приехавшему в Ливию, просто невозможно. Но на всякий случай все отели аккуратно перечислены на специальных туристических картах. Выясняется, что только в одной Триполитании функционирует более 20 отелей. У каждого из них своя экзотическая эмблема.

Строительством отелей занимаются многие ливийские богачи, в том числе наиболее серьезные и «современные» предприниматели. Не последнее место среди них занимают братья Мишерги, владельцы одной из крупнейших местных фирм, имеющей интересы на транспорте и в сельском хозяйстве, торгующей мебелью и экспортирующей машины и электрооборудование. Им принадлежат крупнейшие в Триполи «Гранд Отель» и «Мехари», «Румия» в Джефрене и «Джебель» в Гариане. Многие молодые представители буржуазии рассматривают владение отелем как наиболее быстрое и надежное средство разбогатеть. Наш гид Али, сын богатого купца, мечтал, взяв у отца денег взаймы, выстроить отель и жить припеваючи.

Как и всякая столица страны, недавно ставшей самостоятельной, Триполи полон контрастов, следов борьбы старого и нового. Центральная площадь города названа площадью Мучеников в память о тех, кто отдал жизнь в борьбе за независимость родины. В эту площадь вливается большая улица, названная в честь народного героя Ливии шейха Омара аль-Мухтара. Юна площадь Мучеников выходят и окна «Банко ди Рома» и «Банко ди Сичилиа» — итальянских банков, продолжающих господствовать в экономике страны. На улице Омара аль-Мухтара окопался французский аграрный банк «Креди фонсье», на улице Независимости — английский «Бэрклейз бэнк» и итальянский «Банко ди Наполи». На площади Мучеников продолжает стоять мраморная колонна с капитолийской волчицей — гербом Рима. Воздвигнута она была в честь посещения Триполи итальянским дуче Муссолини, рекламировавшим себя в качестве «друга арабов» и «покровителя ислама». Колонну не разрушают, и она остается как память о тяжелых годах, перенесенных ливийским народом.

На улицах города, особенно под высокими навесами, защищающими тротуары самых больших улиц, продаются газеты на арабском, английском и итальянском языках. Здесь можно встретить помимо ливийских изданий прессу ОАР, Италии, Англии и США. В кинотеатрах идут преимущественно американские и итальянские фильмы с субтитрами на арабском языке. Тем не менее нельзя говорить о какой-либо односторонности и узости восприятия триполийцев. Мы сами были свидетелями восторженного приема, который они оказали советской балетной труппе, выступившей в триполийском казино Уаддан после гастролей в Тунисе. Еще больший интерес ко всему советскому наблюдался на вечере в советском информационном центре, куда пришло немало студентов местного университета.

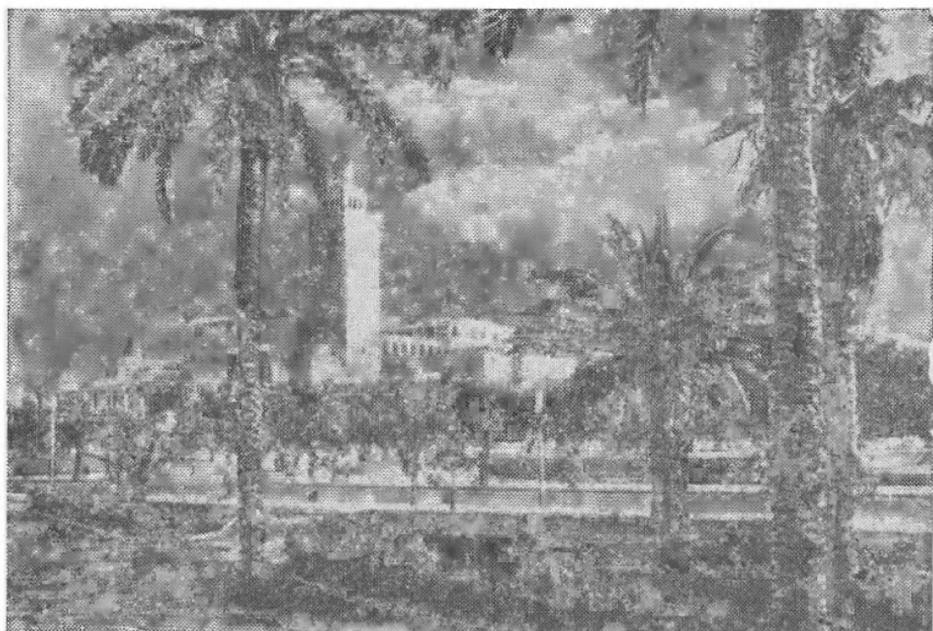
Европейский Триполи отделен от мусульманского старой крепостью и, как и в Тунисе, большим рынком. У входа на рынок — огромные каменные ворота, очевидно, бывшие когда-то частью старой крепостной стены.

Триполийский сук просторнее тунисского, производит менее пестрое и экзотическое впечатление. Боль-

шинство торговцев чинно восседают в лавках, степенно поворачивая к покупателям усатые головы в кобусах или высоких турецких фесках (их называют «шешиа стамбулийа»). Они — явно спокойнее своих тунисских коллег, не суетятся, иногда даже читают газеты, словно не обращая внимания на текущую мимо толпу. Но нравы остальных торговцев, особенно тех, кто сам бегаёт по рынку, навязывая свой товар покупателям, просто поражают. Здесь нет смысла торговаться и спорить, если вы не знаете заранее цену товара. Например, один из членов нашей группы, человек бывалый, повидавший Европу, Восток и даже Тропическую Африку, попытался было вступить в состязание с местными виртуозами на поприще торговли. Однако он сразу же отказался от этого неблагодарного занятия после первого же столкновения с одним из слонявшихся по рынку молодых людей, назойливо предлагавшим всем проходящим какие-то безделушки. Продать их было, очевидно, не очень легко, но малоудачливый коммерсант, следуя древнейшему обычаю всех торгашей, сначала заламывал несусветную цену, а затем начинал осторожно уступать. Нашему товарищу он назвал цену: двести миллимов. В ответ он услышал: двадцать! Это явно должно было ошарашить его. К нашему удивлению, он тут же согласился. Мы сразу даже не поняли, в чем дело. Однако буквально через минуту все стало ясно: точно такую же вещь, оказывается, можно было купить не за двадцать, а за пятнадцать миллимов.

Недалеко от площади Мучеников — старая крепость: квадратные башни с прямоугольными зубцами, серые от времени мощные стены с контрфорсами. Когда-то крепость служила резиденцией местным феодалам, арабским шейхам, турецким пашам и итальянским комендантам. Сейчас здесь — исторический, этнографический и краеведческий музей. Наше внимание помимо наглядных экспонатов (предметов одежды, украшений, оружия) привлекли имеющиеся в музее ценные рукописи. Сотрудники музея в свою очередь интересовались постановкой изучения арабских рукописей и вообще исследованиями по арабской историографии в СССР.

С верхней площадки крепости виден весь город. Мы издали узнаем свой отель, королевский дворец, четырехугольную, наподобие маликитского минарета, ба-

Казино Уаддан на знаменитой триполийской набережной

шенку казино Уаддан. Обернувшись в другую сторону, видим мусульманские кварталы старого города, узкие кривые улочки, глухие стены, ступеньки плоских крыш. Несмотря на использование традиций арабской архитектуры при строительстве нового Триполи, разница между современным и старым городом резко бросается в глаза. Здесь еще не разрушена, как в Тунисе, стена, отделяющая мусульманские кварталы от европейских, традиционный уклад жизни от современного, старые представления от новых взглядов.

ДРЕВНИЕ РИМЛЯНЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛИВИЙЦЫ

В старой части Триполи возвышается древнеримская арка, названная в честь императора Марка Аврелия. Это один из немногих сохранившихся до наших дней следов существования древнеримского города Эя, выросшего из финикийской колонии. Недаром и сейчас гербом Триполи является финикийский корабль с надувными парусами. Побережье Ливии было с незапамят-

ных времен связано с Южной Европой. В VII в. до нашей эры в Восточной Ливии возникла древнегреческая колония Кирена (отсюда Киренаика — название восточной области современной Ливии). Одновременно в Северной Африке началась финикийская колонизация. Основав крупную колонию с центром в Карфагене, финикийцы стали расширять экспансию. В течение двух столетий они создали еще десять значительных колоний, в том числе Эю, Сабрату и Лептис Магну. Эти-то три города (полиса — по-гречески) и дали западной части нынешней Ливии название Триполитания. Затем пришли римляне, победившие Карфаген и постепенно прибравшие к рукам все пунические владения в Африке. На территории нынешней Ливии главными оплотами римлян стали города Эя, Сабрата и Лептис Магна.

Наш автобус мчится на запад от Триполи. Гид Али, весело рассказывая об итальянском фильме, посвященном стриптизам Америки (он смотрел этот фильм уже четыре раза), как бы между прочим сообщает, что мы едем смотреть развалины Сабраты. Прибыв на место, убеждаемся, что департамент древностей — одно из наиболее деятельных государственных учреждений в стране. Порядки здесь строже, чем в Тунисе. Вход на территорию Сабраты хорошо охраняется. Цены на билеты — довольно солидные, а брать билет надо обязательно. Перед входом — щит с надписями на нескольких языках. Надписи в основном запрещают посетителям причинять ущерб памятникам старины и обязывают их прилично вести себя на территории Сабраты, в частности не наступать на сохранившиеся мозаики. Сабрата производит сильное впечатление: мозаики из цветного мрамора, остатки общественных учреждений, реставрированный древнеримский амфитеатр.

Еще более внушительны руины Лептис Магны, расположенные недалеко от современного города Хомса. Здесь раскопаны длинные мощеные улицы, ряды мраморных колонн, статуи, остатки стен, по которым можно только догадываться, сколь огромны и великолепны были здания города — родины Септимия Севера, первого римского императора ливийско-пунического происхождения. Гигантской террасой руины Лептис Магны спускаются к морю. Даже сейчас то, что осталось от

этого некогда большого города, дает представление о его величии. А ведь Лептис Магна неоднократно разрушался кочевниками и прибывавшими с моря завоевателями, заносился песками. Уже после того как город был окончательно покинут, его колонны и мозаики усердно расхищались, вывозились за пределы Ливии, просто разрушались забавы ради или использовались окрестными жителями как строительный материал.

Арка Марка Аврелия, памятники Сабраты и Лептис Магны и прочие следы пребывания древних римлян тщательно охраняются департаментом древностей как память о существовавшей на территории Ливии высокой цивилизации, в развитие которой предки ливийцев тоже внесли определенный вклад.

Однако следует прямо сказать, что современным ливийцам просто некогда любоваться памятниками старины и вспоминать о славе древнего Рима. Их занимают более актуальные проблемы. О характере этих проблем можно получить представление довольно быстро, даже осматривая руины древнеримских городов. В Сабрате мы видели двух летчиков с английской военно-воздушной базы. Когда мы были в Лептис Магне, над развалинами несколько раз с ревом пронесся американский военный самолет. Английские войска находятся в Ливии со времени второй мировой войны. С тех пор утекло немало воды. Однако вооруженные силы британской короны, несколько поубавившись числом, вроде бы и не думают совсем очистить ливийскую территорию. Нет никаких оправданий и для пребывания в Ливии американских войск. Тем не менее США, навязавшие Ливии в 1954 г. неравноправный договор, держат на базе Уилус-Филд около 14 тыс. своих военнослужащих, практически пользующихся правом экстерриториальности¹. Американская база — своего рода государство в государстве: там свои порядки, даже собственные телевизионный центр и радиостанция, регулярно ведущие пропаганду «американского образа

¹ Переговоры о ликвидации английских баз в Ливии начались в 1964 г. В мае 1965 г. английские войска были выведены из Триполи. В 1964 г. начаты переговоры о ликвидации американской базы Уилус-Филд. В июне 1967 г. правительство Ливии потребовало от правительств Англии и США ликвидации их военных баз и вывода вооруженных сил с территории Ливии в кратчайший срок.

жизни» на всю Ливию. По сути дела это — захваченный военным ведомством США кусок ливийской территории, используемый отнюдь не в интересах ливийского народа. И если раньше еще можно было говорить о том, что Ливия вынуждена сдавать Уилус-Филд в аренду по экономическим соображениям (США обязаны выплачивать за аренду базы в общей сложности около 17 млн. долл. в год), то после 1960 г., когда в Ливии были обнаружены огромные запасы нефти, эти соображения отпали. Теперь финансирование экономических проектов ливийского правительства осуществляется прежде всего за счет концессионных платежей нефтяных компаний (правда, главным образом тоже американских).

Страна уже много лет политически независима, но по-прежнему для нее не потеряли остроты вопросы об иностранных войсках и иностранных базах на ее территории, об иностранных компаниях, распоряжающихся основным природным богатством Ливии — нефтью, об иностранных советниках, без помощи которых пока что не могут обойтись органы ливийского правительства, особенно экономические ведомства.

Еще одна проблема, существующая в Ливии и замечаемая с первого взгляда, связана с наличием итальянского населения и итальянским влиянием вообще. В одной Триполитании живет свыше 35 тыс. итальянцев, значительная часть которых сконцентрирована в Триполи. В европейских кварталах Триполи иногда создается впечатление, что город населен по преимуществу итальянцами, хотя они составляют не более десятой части его жителей. Вывески итальянских банков, магазинов, ателье и мастерских по количеству почти не уступают арабским (хотя и вытесняются постепенно английскими и американскими). Но немало итальянцев и на периферии. Достаточно вспомнить траттории близ руин Сабраты и Лептис Магны, врача-итальянца в Зуаре. И это не просто следы тридцатилетнего господства Италии. Дело обстоит гораздо сложнее. В стране, где подавляющее большинство населения неграмотно и около трети жителей еще ведет кочевой или полукочевой образ жизни, есть свои феодалы и купцы, свой торгово-ремесленный люд, но очень мало представителей тех социальных групп, которые принято называть современными средними слоями: врачей, учителей, инженеров,

техников, механиков, квалифицированных служащих. Итальянцы в Ливии составляют большинство лиц указанных профессий. Поэтому ливийское правительство проводит в отношении итальянского меньшинства политику довольно либеральную, доходящую, например, до сохранения за итальянскими колонистами их земель, захваченных во времена владычества Италии в Ливии.

Нельзя сбрасывать со счета и такой немаловажный факт, как итальянское влияние в области культуры. Даже сравнительно молодые ливийцы в начале 60-х годов (например, наш гид Али, которому на вид не было и 30 лет) говорили по-итальянски более бегло, чем на арабском литературном языке, так как получили образование на итальянском языке. А это обстоятельство уже в известной мере предопределяет влияние итальянской прессы, итальянской литературы, необходимость выпуска на итальянском языке и чисто ливийских изданий.

Вполне очевидно, что по мере роста численности ливийской интеллигенции (прежде всего за счет выпусков существующего в Ливии уже 10 лет национального университета и за счет увеличения числа ливийских студентов за границей) будет возрастать значение арабского литературного языка, арабской культуры и арабской литературы. Однако не следует думать, что этот процесс пойдет быстро. До сих пор в Ливии, как и во многих других арабских странах, нет возможности вести преподавание многих дисциплин (особенно технических) на арабском языке: нет ни подготовленных кадров, ни соответствующих пособий. Поэтому большинство преподавателей высшего и средних специальных учебных заведений — иностранцы.

Все это свидетельствует об исключительно трудных условиях, в которых ливийский народ продолжает борьбу за достижение полной независимости, прежде всего в военном и экономическом отношении. Однако нет сомнения, что ливийцы, в свое время упорно сопротивлявшиеся турецкому владычеству, а затем сменившей его итальянской колонизации, добьются своего.

На общественно-политическую жизнь страны вплоть до настоящего времени сильнейшее влияние оказывает религиозно-политический орден сенуситов. Он был основан в 1837 г. близ Мекки Мухаммедом ибн Али ас-

Сенуси. Целью ордена провозглашалось восстановление чистоты первоначального ислама. Сенуситы проповедовали строгость нравов, точное соблюдение всех предписаний Корана, вели суровый, почти аскетический образ жизни. У ордена появилось немало приверженцев среди бедуинских племен Хиджаза и Киренаики. При преемнике основателя ордена сенуситов Мухаммеде аль-Махди ас-Сенуси влияние ордена распространилось почти на всю Ливию, Судан, Египет, Тунис и Экваториальную Африку. Из всех военно религиозных братств, известных в то время в Северной Африке, сенуситы отличались наибольшей воинственностью. «Джихад» (война с «неверными») был для них подлинным символом веры. Иногда «джихад» осуществлялся и против мусульман-турок под предлогом их религиозного отступничества; на самом же деле это была борьба против угнетателей ливийского народа. Под лозунгом «джихада» велась и борьба с итальянскими захватчиками в 1912—1932 гг., в которой особенно прославился шейх ордена сенуситов народный герой Ливии Омар аль-Мухтар.

Главой ордена сенуситов с 1918 г. является прямой потомок основателя ордена Мухаммед Идрис ас-Сенуси, в 1951 г. провозглашенный королем Ливии под именем Идриса I.

Огромная роль ордена сенуситов в национально-освободительном движении объясняет высокий престиж, которым он пользуется и сейчас. Примерно каждый третий ливиец — сенусит. В Киренаике же последователи сенусизма составляют большинство населения. Это объясняет и распространение по всей стране проповедуемого сенуситами неуклонного выполнения всех требований ислама.

В Ливии строже, чем в Тунисе, соблюдаются обычаи седой старины, больше внимания уделяется внешней обрядности. Мы в этом убедились сами, наблюдая как-то в Триполи похоронную процессию. На улицах ливийских городов, в том числе и наиболее передового из них — Триполи, редко можно увидеть мусульманина с непокрытой головой и никогда — мусульманку с открытым лицом. Ливийские женщины закутываются в традиционное покрывало так, что наружу смотрит только один глаз, обычно левый. Не только женщины,

но, как правило, и мужчины не разрешают себя фотографировать. Навязчивому фотографу грозят кулаками, а то и каким-либо подвернувшимся под руку тяжелым предметом. Ливийцы возмущаются, даже когда их пытаются фотографировать через окно автобуса или когда снимают на киноплёнку мусульманскую похоронную процессию. Мы почти не видали ливийцев, которые бы курили на улице, а уж о пьяных и говорить не приходится.

Разумеется, невозможно за пять дней составить правильное и полное представление не только о целой стране, но даже о таком большом городе, как Триполи. В то же время именно приехавшему в страну на короткий срок больше бросается в глаза все специфическое, наиболее характерное, наиболее непривычное для чужеземца. Ведь недаром говорят, что тот, кто приезжает в страну на неделю, — пишет статью, на месяц — книгу, а на год или больше — ничего не пишет...

Мы покидали Ливию, увозя с собой воспоминания о набережной и отелях Триполи, о пещерах Гариана и верблюжьем рынке Зуары, о памятниках Сабраты и Лептис Магны, о славе древних римлян, о спокойствии и гордости современных ливийцев.

РАСКОВАННЫЙ АЛЖИР

ПРАЗДНИК ПОБЕДИВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ноябрь 1963 года. Переполненный автобус мчит меня из столицы Алжира в пригород, недавно сменивший французское название «Мэзон-Бланш» на арабское «Дар аль-Бейда». И то и другое означает «белый дом», но здания там окрашены, кажется, во все цвета, кроме белого. Впрочем, накрапывает дождь, от которого все предметы за окном автобуса кажутся серыми. Мелькнула вывеска: «Народный банк». Рядом — двое алжирских жандармов в шинелях салатного цвета разговаривают с французским полицейским в кепи и черной пелерине. Как он здесь оказался, неясно. Обогнув новенький тринадцатизэтажный небоскреб (у самых дверей его — аккуратно высаженные грядки капусты), выезжаем в поле. Автобус битком набит крестьянами, приехавшими со всех концов страны на празднование девятой годовщины алжирской революции. На большинстве из них — серые, коричневые и полосатые бурнусы с характерным запахом верблюжьей шерсти, белые тюрбаны. Под бурнусом иногда мелькает европейская одежда: пиджак, брюки, даже полосатые пижамные штаны. У многих в мускулистых бронзовых руках — транзисторы, монотонно рокошующие голосами парижских, тунисских, мадридских, каирских и прочих дикторов.

В Дар аль-Бейда расположен отличный аэродром. Рядом с ним — поле, отведенное для празднества. Оно заполнено бескрайним морем людей: белые тюрбаны крестьян и сельскохозяйственных рабочих, поношенные куртки и комбинезоны трудящихся-горожан, белые покрывала мусульманок, черные, с прорезями для глаз,

кожаные маски прибывших из пустынь Сахары кочевников-туарегов, разноцветные галстуки подростков-скаутов. Над головами лозунги и транспаранты с надписями: «Единство в борьбе — гарантия социализма! Фронт национального освобождения — с народом и для народа! Социализм — это развивающийся Алжир! Мелкие феллахи — символ социализма!»

Дождь прекращается, и сразу начинает нещадно палить солнце. Пролетающий над полем вертолет сбрасывает кипы листовок, к которым тянутся десятки тысяч рук. Гремят аплодисменты: на правительственной трибуне появляются руководители Алжирской Народной Демократической Республики. Они все — в полувойенной форме защитного цвета, без знаков различия, которую обязались носить вплоть до окончания алжиро-марокканского пограничного конфликта, тогда еще не урегулированного¹. Среди защитных френчей алжирских министров резко выделяются штатские костюмы почетных гостей — генерального секретаря тунисской партии Новый Дестур Бахи Ладгама и вице-президента ОАР Хусейна Шафая.

Праздничное шествие открывают ветераны революции — те, кто в памятную ночь на 1 ноября 1954 г. приняли участие в первых боях за свободу и независимость Алжира. Они несут портреты павших героев — Мурада Дидуша, Мустафы Бен Булаида, Ларби Бен Мхиди. За ними идут многочисленные делегации профсоюзов, молодежи Фронта национального освобождения (ФНО), Союза алжирских женщин, оставшиеся сиротами дети «шухада» (т. е. мучеников, погибших в революционной войне), представители Национального союза студентов с лозунгом «Социализм или смерть!», кадеты, гардемарины, жандармы, воинские подразделения. Восторг публики вызывает бедуинская кавалерия, особенно — джигитовка перед правительственной трибуной. Наиболее виртуозный из всадников — огромного роста, в живописном одеянии и черных очках от солнца. У него — две сабли в руках, одна — в зубах, да еще где то сбоку он ухитряется, непонятно как, держать винтовку.

¹ Соглашение об урегулировании вскоре было подписано, но военную одежду министры носили после этого еще долго.

Некоторые делегации проезжают на художественно оформленных грузовиках с плакатами и лозунгами. Один из лозунгов особенно запоминается: «Самоуправление кладет конец эксплуатации человека человеком!» Вспоминаю, что надпись «самоуправление» в Алжире можно увидеть у входа на многие предприятия, на вывесках отелей, кафе и магазинов. По бурным овациям и приветственным возгласам почти полумиллионной толпы, собравшейся в Дар аль-Бейда, чувствуется, какой огромной популярностью пользуется в Алжире принцип самоуправления, при котором всеми делами национализированного предприятия ведает комитет, демократически избираемый рабочими и служащими.

Военный оркестр, подразделения мотоциклистов, армейские офицеры в новенькой парадной форме с белыми ремнями, пограничники с собаками, военные радисты и еще какие-то армейские формирования завершили шествие. Характерно, что на этом симбиозе военного парада и праздничной манифестации не было продемонстрировано почти никакой военной техники. Как мне потом объяснили, регулярная Национальная народная армия Алжира, существовавшая к тому времени не более года, имела очень немного боевой техники, которую почти всю вынуждена была направить после начала алжиро-марокканского конфликта на границу с Марокко. «Наша армия очень молода, — говорили мне алжирцы. — Ей нужно поменьше думать о парадах».

Празднество хорошо организовано. Полиция в темно-синей форме поддерживает порядок с помощью скаутов. На трибунах эти функции выполняют активисты из молодежи ФНО. Несмотря на почти сорокаградусную жару, сотни тысяч людей, отличающихся к тому же экспансивным темпераментом, ведут себя спокойно и выдержанно. Они выслушивают почти трехчасовую речь президента республики, произносимую частью по-арабски, частью по-французски. В Алжире это — обычное явление, ибо практически большинство населения понимает французский язык, а арабский литературный алжирцы знают неважно, прежде всего — вследствие усиленной политики ассимиляции, проводившейся в течение 132 лет господства Франции.

Праздник завершается. Министры спускаются с трибуны, обмениваются приветствиями и рукопожатиями с

присутствовавшими на празднике иностранными гостями и делегатами, в том числе с членами советской правительственной делегации во главе с министром внешней торговли СССР Н. С. Патоличевым. Ликующая толпа скандирует революционные лозунги. Начинается разезд.

НЕДАВНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Воспоминания о празднествах в Дар аль-Бейда, пожалуй, самое яркое из моих первых впечатлений от Алжира. Но сейчас, нарушая хронологическую последовательность, хочется рассказать о последней поездке в эту страну, столь же короткой, сколь и впечатляющей.

...Декабрь 1966 г. Алжирская национальная авиакомпания «Эр Альжери» открыла прямую линию Москва — Алжир. На торжественное открытие приглашены алжирские, советские, болгарские, югославские и другие гости. Чрезвычайно насыщенная двухдневная программа включает ознакомление со столицей и ее окрестностями.

Вначале мы едем в местечко Стауэли, где в 1830 г. высадившиеся в Алжире французские войска разбили армию тогдашних янычарских правителей страны. Впоследствии здесь возникло крупнейшее имение «Домэн де ля Трапп», приобретенное семейством Боржо. Прибыв в Алжир из Швейцарии в середине прошлого века, Боржо быстро разбогатели и стали «королями алжирского виноделия». После начала революции в 1954 г. они были в числе ярых врагов независимости Алжира. Поэтому в марте 1963 г. их земельные владения были национализированы в первую очередь.

Теперь здесь образцовое самоуправляющееся хозяйство, состоящее из нескольких домэнов (виноградников, плантаций цитрусовых и т. п.). Каждый домэн имеет свой выборный комитет самоуправления во главе с председателем. Всем хозяйством управляет совет председателей. Годовой оборот хозяйства — 4,5 млн. динаров¹ в год, из которых около 2,5 млн. составляет чистая прибыль. Общее число занятых в хозяйстве ра-

¹ Динар приблизительно равен французскому новому франку.

бочих и служащих — 600 (с членами семей — 3,5 тыс.). Начальник участка зарабатывает в день 20 динаров, специализированный рабочий — 10, простой рабочий — 8 динаров. Кроме того, согласно закону, всякое самоуправляющееся хозяйство, рассчитавшись в конце года с налогами и долгами, имеет право остаток прибыли распределить среди всех работников в соответствии с заработком каждого, провести ассигнования на социальные нужды и т. п. Предусмотрена также выплата премий за качество и быстроту труда, за доходность продукции. «За счет прибылей хозяйства выстроены диспансер, школы, больницы, — говорил сопровождавший нас гид. — Все работники бесплатно пользуются медицинской помощью, а все дети посещают школу».

Мы побывали на огромном винном заводе, перерабатывающем выращиваемые в хозяйстве сорта винограда. Показали нам и бывшую виллу Боржо. На вилле все осталось нетронутым, как было при хозяине. Сейчас она представляет собой нечто вроде «музея французской колонизации». Неимоверное количество комнат, старинная мебель, дорогие издания прошлого века на книжных полках, обилие антикварных вещей и произведений сентиментально-колониальной живописи дают достаточно хорошее представление о быте, обстановке и образе жизни этого колониального магната.

За пределами столицы расположен и выстроенный в 1965 г. Дворец наций, или, как его здесь называют, «Сосновый клуб». Внешняя отделка — в сугубо модернистском стиле, но с соблюдением мавританских традиций в орнаменте, в оформлении арок, окон и внутреннего дворика. Залы, аудитории и салоны дворца копируют соответствующие помещения ООН. В этом здании летом 1965 г. предполагалось созвать совещание глав государств и правительств Азии и Африки. Сейчас во Дворце наций устраиваются официальные приемы. В частности, мы смогли его осмотреть по случаю приема, устроенного здесь компанией «Эр Альжери». Как и все правительственные здания Алжира, Дворец наций усиленно охраняется.

В самом городе Алжире нам удалось повидать немало. Но особенно запомнились посещения Национального бюро по туризму и информационного агентства Альжери Пресс Сервис (АПС). Бюро по туризму зани-

мает выстроенный в XVI в. дворец принцессы Азизы, примечательный великолепными аркадами, мраморными колоннами, причудливой вязью арабесок и резьбы по алебастру. Сквозь решетки верхних окон — прекрасный вид на море. Еще ближе к морю расположено агентство АПС, разместившееся в здании бывшего банка Вормса. В свое время часть здания была взорвана оасовскими террористами. Сейчас помещение хорошо отремонтировано, и работа в нем кипит на всех этажах. В телетайпном зале принимаются на трех языках (арабском, французском и английском) сообщения почти всех агентств мира. Мы осмотрели также зал заседаний Африканского союза пресс-агентств (его местопребывание — в Алжире), различные бюро и служебные кабинеты, ремонтную мастерскую, помещения архивов. Почти весь штат агентства, включая технических специалистов, укомплектован алжирцами. Здесь работают лишь несколько европейцев, принявших алжирское гражданство.

Разумеется, можно было бы рассказать и о прогулке по алжирской столице, и о роскошных кус-кусе и мешви (целиком зажаренном баране), которые нам пришлось отведать в эти дни, и о национальных танцах в клубе Дар аль-Алия. Однако много ли можно увидеть за два дня? Поэтому в дальнейшем рассказ пойдет как о полутора месяцах 1963 г., так и о двух днях 1966 г. Впечатления о двукратном пребывании в Алжире взаимно друг друга дополняют, помогая составить четкое представление о наиболее существенных сторонах жизни страны.

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Осенью 1963 г. в зале Ибн Халдуна (в самом центре столицы Алжира) было представлено все лучшее, что дала миру современная алжирская культура: миниатюры, графика, полотна живописцев, стихи, романы, сборники пьес и рассказов, дневники и воспоминания. На застекленных полках и столиках аккуратно расставлены и разложены сборники стихов национального героя Алжира Абд аль-Кадира, народного сказителя Кабилии Си Моханда, произведения современных алжирских писателей.

Все экспонаты выставки отмечены печатью недавно закончившейся революционной войны: рядом с произведениями художественной литературы — политические брошюры, рядом с трудами искусствоведов — книги историков и мемуары руководителей национально-освободительной борьбы. На стендах — вырезки из газет и журналов, в которых часто соседствуют лирические стихи и патриотические статьи, критические заметки и политические интервью. Любопытно, что издания на арабском и французском языках лежат вперемешку — никакой дискриминации. Арабские книги Тауфика аль-Мадани, Мба-река аль-Мили и других авторов, подробно освещающие историю, географию и культуру Алжира, мирно соседствуют с недавно выпущенными на французском языке воспоминаниями известных деятелей антиколониальной борьбы — Фархата Аббаса, Ясефа Саади, Зохры Дриф, Амара Узгана.

Лишенные всякой предубежденности, организаторы выставки уделили внимание и произведениям французских авторов, ранее живших в Алжире и писавших на алжирские темы: Эмманюэля Роблеса, Анри Креа, Жана Пелегри. Критерий один: ценность данного произведения для дела освобождения Алжира.

Мастера культуры помогли революционному народу сражаться за свободу Алжира. При этом им часто приходилось вместо пера и кисти брать в руки винтовку, уходить в горы к партизанам, скрываться на тайных явках городского подполья, стойко терпеть мучения в колониальных застенках, а иногда — работать в нечеловеческих условиях тюрем и концлагерей, затерянных среди выжженной солнцем бесплодной пустыни. В местах заключения были созданы, в частности, такие потрясающей силы человеческие документы, как «Допрос под пыткой» и «Бойцы в плену» Анри Аллега, «Лагерь» Абд аль-Хамида Бензина. Многие известные деятели алжирской культуры в годы революционной борьбы лишились не только свободы, но и жизни. Например, Мулуд Фераун, один из наиболее талантливых алжирских романистов, ярко отобразивший в своих произведениях суровую жизнь горцев берберской области Кабилия, незадолго до окончания военных действий в Алжире пал от рук бандитов-налетчиков из колониально-террористической организации ОАС.

Большой интерес представляли также выставленные в зале Ибн Халдуна работы алжирских художников и скульпторов. В первую очередь бросались в глаза полотна художницы из Кабилии Байи. В них наряду с пышной декоративностью поражает приверженность к элементам традиционного берберского орнамента: точкам, кружкам, овалам, цветным полосам в разных вариантах. Несколько в ином стиле выполнены картины другого художника из Кабилии — Резки Зерарти. Это почти абстрактная живопись с элементами сюрреализма, основанная на использовании геометрических фигур. При этом художник очень умело передает настроение полумистического ужаса и запутанной иррациональности человеческой мысли. Картины Зерарти, как мне показалось, отдаленно напоминают некоторые полотна Чюрлиониса. В работах остальных художников, особенно Бенабура, чувствуется большая любовь к родной земле, стремление изобразить ее максимально достоверно. Выделяются полуабстрактные сюжеты Дени Мартинеса: «Напалм» — резкие контуры сожженных тел, вокруг все обугленное, обгорелое, превращенное в золу и пепел; «Пытка» — очертания обнаженного человека с искаженными чертами на темном фоне, а поверх — хаос черных линий, изображающих то ли следы мучений, то ли электропровода. Оба сюжета подсказаны реальностью войны 1954—1962 гг., во время которой сжигались напалмом алжирские деревни и подвергались пыткам алжирские патриоты.

Выставка в зале Ибн Халдуна — не просто экспозиция лучших достижений литературы и изобразительного искусства Алжира. Она — своего рода итог самоотверженной и мужественной борьбы алжирских мастеров культуры за освобождение их страны. Большинству из них до завоевания Алжиром независимости трудно было добиться признания, получить доступ во французские издательства и музеи. Революция, освободив Алжир от колониального гнета, способствовала и возрождению алжирской национальной культуры. В июле 1963 г. был образован творческий союз алжирских художников и скульпторов (Союз пластических искусств). В состав его административного совета вошли 17 видных мастеров живописи и ваяния самых различных творческих направлений. С председателем союза Баширом Йеллесом мне

пришлось увидеться в 1965 г., когда он побывал в Москве в составе алжирской культурной делегации. Он отметил, что в алжирском изобразительном искусстве, как и повсюду, существуют разные направления, идет борьба мнений, но никаких антагонистических конфликтов не возникает. Достаточно сказать, добавил Башир Йеллес, что в состав административного совета союза входят представители всех направлений. «Они все нужны Алжиру», — улыбаясь, сказал Башир Йеллес.

Об алжирской литературе в СССР известно гораздо больше, чем об изобразительном искусстве. Мухаммеда Диба, Мулуда Маммери, Анри Аллега и других писателей у нас хорошо знают. В октябре 1963 г. алжирские писатели создали свой национальный союз, во главе которого встал исполком из восьми человек, представлявших все течения и поколения литературы свободного Алжира.

Алжирские литераторы очень разнятся и по творческому почерку, и по взглядам на литературу и ее положение в обществе, и по мнениям относительно ее будущего. Например, Малека Хаддада, которого мне довелось увидеть в Москве еще до поездки в Алжир, больше всего волновала проблема непреодолимого, по его мнению, барьера между алжирскими писателями, пишущими по-французски, и народом, говорящим по-арабски. Будущее национальной литературы он видел только в ее полной арабизации, упуская, однако, из виду то обстоятельство, что арабский литературный язык для неграмотного алжирца тоже не является средством общения. Член исполкома Союза алжирских писателей Ахмед Сефта придерживается на этот счет иного мнения. Он считает, что арабизация образования и литературы в Алжире, конечно, произойдет, но не за счет распространения среди алжирцев арабского литературного языка, а за счет превращения разговорного диалекта в письменный язык. «Язык делается народом. Скорее литературный язык исчезнет, чем диалект!» — сказал он. Характерно, что большинство высказывающихся за арабизацию, как и вообще большинство алжирских литераторов, пишут по-французски. И для них, по крайней мере в ближайшие годы, практически не стоит вопрос о переходе на другой язык.

Каддур Мхамсаджи, один из самых молодых лите-

раторов, ставший известным уже после завоевания независимости, не столько говорил о своих взглядах на современную алжирскую литературу, сколько расспрашивал о советской литературе, о писателях из республик Средней Азии, о постановке издательского дела в СССР. Символично, что столь пристальный интерес ко всему советскому проявлял представитель поколения алжирских писателей, рожденного революцией. Мхамсаджи, как автора драмы «Сбросившая покрывало», посвященной рождению новой морали, и романа «Молчание пепла», в котором речь идет о событиях национально-освободительной войны, естественно, интересовало, как решались в свое время в Советском Союзе проблемы, волнующие алжирцев сегодня.

В заключение разговора о деятелях культуры современного Алжира два слова об алжирском театре. Алжирский национальный театр возглавляет Мустафа Катеб, талантливый актер, режиссер и литератор, двоюродный брат знаменитого романиста Ясина Катеба. В репертуаре театра — пьесы основоположника национальной драматургии Рашида Ксентини, его сподвижника Баштарзи Махиддина и других алжирских драматургов, а также пьесы европейских классиков. В ноябре 1963 г., например, Мустафа Катеб перевел на арабский язык (алжирский диалект) «Дон Жуана» Мольера и поставил его на алжирской сцене.

Мустафа Катеб побывал в 1965 г. в Москве. Как шутил он сам, каждый раз он приезжает сюда с новым паспортом. Первый раз он был до 1954 г., т. е. до начала революции, с французским паспортом, второй раз — с тунисским (он жил тогда в эмиграции в Тунисе и возглавлял созданный им из актеров-патриотов Алжирский художественный ансамбль), третий раз — с алжирским. Катеб много рассказывал о работе театра, о подготовке национальных кадров актеров, о трудностях общения с широкими слоями народа из-за относительной дороговизны билетов. Свои финансовые дела театр вынужден поправлять в основном с помощью гастролей зарубежных коллективов.

Важнейший культурный центр современного Алжира — Национальная библиотека. В 1961 г. в ней было зарегистрировано около 15 тыс. постоянных читателей, из них всего 2400 алжирцев. После обретения независи-

мости число читателей-европейцев, естественно, уменьшилось в связи с отъездом большинства из них во Францию. Зато резко увеличилось число читателей-алжирцев. Значение Национальной библиотеки особенно возросло после того, как оасовцы весной 1962 г. взорвали богатейшую на всем африканском континенте (более 600 тыс. томов) библиотеку Алжирского университета и муниципальную библиотеку города Алжира.

Директор Национальной библиотеки г-н Махмуд Буайяд показал нам читальные залы, служебные кабинеты, фонды и каталоги, рассказал о международных связях. Библиотека полностью оснащена современным оборудованием, позволяющим мгновенно передавать требования в книгохранилища и быстро доставлять в залы литературу. Фонды библиотеки насчитывают 500 тыс. томов на европейских языках (главным образом на французском), 40 тыс. томов на восточных языках (в основном на арабском), 3 тыс. арабских, турецких и персидских рукописей, 121 тыс. музыкальных партитур, 2138 названий газет и журналов. Здесь можно найти газеты или журналы, издававшиеся в Алжире в 1837 г. или в 1843 г., причем не в самом городе Алжире, а в провинциальных городах. Богато представлены литература и источники по истории и культуре средневекового Магриба, арабской Андалусии, стран Ближнего Востока и Африки. «Почти все лучшие работы французских ориенталистов написаны на источниках и материалах нашей библиотеки», — сказал с гордостью г-н Буайяд.

В библиотеке два зала: гуманитарных наук и естественных (включая технические дисциплины). Фонды по естественным наукам довольно значительны. Но все же основное богатство библиотеки составляют книги по истории, филологии, искусству, общественно-политическим наукам, по различным вопросам современной экономической, социальной, культурной и идеологической жизни. Среди читателей преобладают студенты Алжирского университета, почти все — алжирцы (раньше алжирцы составляли не более десяти процентов общего числа студентов).

Попадают здесь иногда и европейцы, но в основном это люди солидного возраста. Раза два я видел в библиотеке католических монахинь в характерных крылатых головных уборах и белом облачении. Несмотря

на провозглашение независимости Алжира и отъезд из страны большей части лиц христианского вероисповедания, католические миссионеры не прекратили попыток проповедовать среди местного населения. А чтобы успешнее вести такую работу, надо знать страну, язык, обычаи и нравы народа. Вот и корпят над книгами миссионеры и миссионерши, лелея надежду если и не обратить в христианство все население Алжира, то во всяком случае сохранить и укрепить в этой стране позиции и влияние Ватикана.

«Мы регулярно получаем до тысячи четырехсот названий различных печатных периодических изданий, — говорит г-н Буайяд. — Большинство их — на европейских языках, прежде всего на французском. Но и пресса арабских стран у нас достаточно представлена». В то же время Национальная библиотека не в состоянии полностью удовлетворить запросы историка Алжира новейшего периода. Все национальные архивы вывезены во Францию бежавшими чиновниками колониальной администрации. В библиотеке нет комплектов издававшихся при колониальном режиме патриотических газет, ибо они часто запрещались, конфисковались или прекращали выход. Нет и революционных газет периода национально-освободительной войны, патриотических листовок, подпольных брошюр и других материалов, которые печатались и распространялись нелегально. Г-н Буайяд убежден, что немало подобных материалов находится у частных лиц, но пока еще дирекция Национальной библиотеки не имеет возможности начать их организованно собирать.

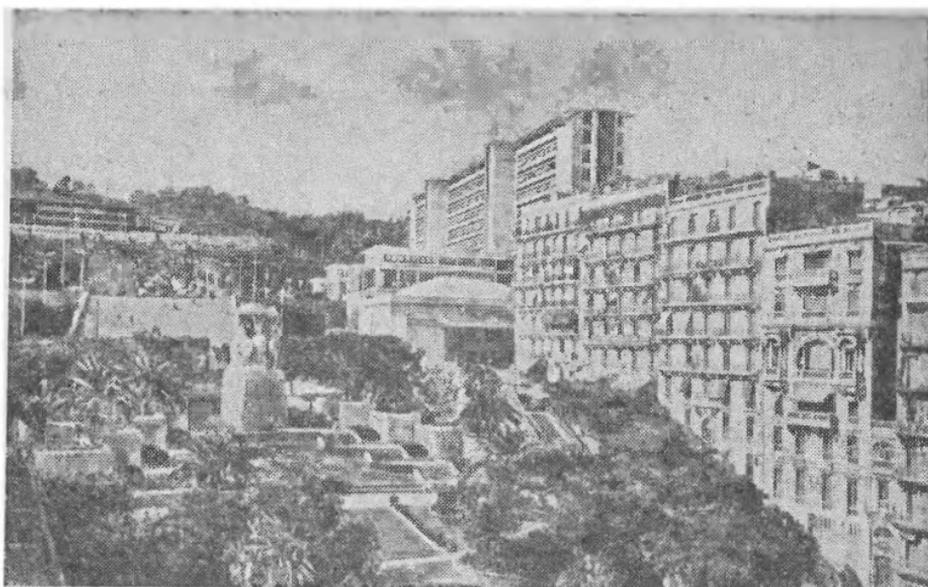
Деятельность Национальной библиотеки не ограничивается пределами столицы. Периодически отсюда в различные районы страны направляются передвижные библиотеки. Эти рейды получают обычно высокую оценку, широко освещаются в национальной прессе. Дело тут не в формальном «охвате читателей», а в пропаганде книги, в доведении печатного слова до сознания масс. А это в стране с преобладанием неграмотного населения имеет огромное значение, служит серьезным подспорьем в непрекращающейся кампании по борьбе с неграмотностью. В свою очередь связь с периферией помогает Национальной библиотеке играть роль подлинного центра пропаганды национальной культуры.

ГОРОД, ВЫИГРАВШИЙ БИТВУ

Из окон Национальной библиотеки открывается чудесный вид: яркое африканское солнце над темно-синим морем, а на фоне моря — громадные, с пестрыми пятнами разноцветных жалюзи, кремовые небоскребы, с наступлением темноты постепенно приобретающие лиловый оттенок. Выйдя из библиотеки, можно, обогнув расположенную значительно ниже спортивную площадку, выйти к небольшому парку с высокими изогнутыми пальмами и чистым овальным водоемом. Отсюда хорошо наблюдать Дворец правительства — огромное десятиэтажное здание, выкрашенное в белый, оранжевый и зеленый цвета. Перед дворцом большая площадь — Форум¹. Ниже Форума — зеленый сквер, террасами спускающийся вниз к набережной. В центре сквера стоит Памятник павшим в первой и второй мировых войнах. Недалеко от него висит табличка с распоряжением городских властей, датированным еще 1945 г., о необходимости соблюдать в сквере порядок. Снять табличку, очевидно, некогда, так как алжирцы заняты пока более важными делами. Поэтому кто-то просто зачеркнул в табличке слова «Французская республика», вписав сверху: «Алжирская республика». По выходе из сквера — «Гранд пост» — старое здание алжирского главного почтамта, стилизованное под белый мавританский дворец. Над входом арабской вязью начертано: «Почта и средства сообщения — на службе народу».

Спуск от Дворца правительства к «Гранд пост» — это и есть центр города Алжира, огромного, многоликого, раскинувшегося на 25 километров вдоль круто изгибающегося берега моря. От моря город поднимается в гору еще километров на десять. Улицы, параллельные морю, расположены одна над другой и часто соединены широкими, пологими и длинными лестницами. Есть дома, в которые можно войти с одной улицы, подняться на верхний этаж и выйти на другую улицу, проходящую выше первой. Подъем по улицам, карабкающимся к верхним кварталам города, исключительно труден: если идти пешком, то ноги наливаются свинцом уже через какие-нибудь 100 метров.

¹ В 1964 г. Форум был переименован в эспланаду Африки.

Сквер Мухаммеда Хемисти в столице Алжира. В центре — Памятник павшим, справа сверху — Дворец правительства

От «Гранд пост» отходят две центральные улицы, названные именами погибших руководителей алжирской революции — Мурада Дидуша и Ларби Бен Мхиди. На табличках с названиями других улиц имена героев алжирской революции также вытеснили имена французских генералов-завоевателей. Например, бульвар маршала Бюжо ныне назван именем вождя повстанцев горной области Аурес мельника Мустафы Бен Булаида, погибшего в 1956 г. Один из самых длинных и круто взбирающихся в гору бульваров сменил имя печально знаменитого колониального палача генерала Галлиени на имя полковника Армии национального освобождения Бугара, который под псевдонимом «Си Мохаммед» командовал патриотами в примыкающей к столице зоне и героически погиб в 1961 г. Но в Алжире еще не все привыкли к новым названиям недавно переименованных улиц. Да и на перекрестках иногда еще можно увидеть потускневшую табличку с прежним, уже упраздненным названием: «Мишле» — на улице Мурада Дидуша, «Изли» — на улице Ларби Бен Мхиди, «Бодэн» — на бульваре полковника Амируша, «Колонна д'Орнано» — на улице Аббана Рам-

Общий вид алжирского порта со стороны Аль-Биара

дана. В газетах, сообщая адрес какого-либо учреждения, указывают и новое и старое название.

Если пойти по улице Мурада Дидуша от центра (ехать по ней можно только к центру — здесь почти всюду одностороннее движение), то можно постепенно подняться к бывшему пригороду Аль-Биару. Это — район новых домов, иногда изощренной модернистской конструкции и оригинальной раскраски, небоскребов в 16 этажей и больше. Аль-Биар стал печально известен в годы национально-освободительной войны даже за пределами Алжира: здесь на уединенных виллах колониальные парашютисты генерала Массю, получившие полномочия действовать по собственному произволу, подвергали бесчеловечным пыткам патриотов, попавших к ним в руки. Через их застенки прошли тысячи людей, в том числе известный публицист Анри Аллег, описавший впоследствии жестокости парашютистов в книге «Допрос под пыткой».

Сейчас Аль-Биар выглядит вполне мирно и респектабельно. Здесь расположен Народный дворец, в котором устраиваются официальные приемы на правительственном уровне. Напротив дворца — вилла Жоли, современное семиэтажное здание, служащее резиденцией главы

«Единый герой — народ!» Такие надписи покрывают стены многих алжирских домов

Алжирского государства. В Аль-Биаре обосновались также многие посольства и миссии, в том числе посольство СССР. Из окон посольства хорошо видна неровная, величественно распахнутая бухта с сооружениями старого и нового порта, бесконечные разноцветные билдинги, как бы уступами поднимающиеся от моря к Аль-Биару. Здесь много магазинов, на некоторых из них (большой частью на булочных и мясных лавках) по четыре-пять надписей сверху вниз — «Самоуправление». Среди прохожих алжирцы составляют подавляющее большинство. А ведь до независимости население Аль-Биара было почти исключительно европейским.

Из Аль-Биара можно вернуться в центр и отправиться в восточные кварталы города — Мустафа, Хамма,

Белькур. Здесь мало или почти нет красивых домов с архитектурными «излишествами», шикарных витрин магазинов, роскошных ресторанов и нарядных кинотеатров. Особенно это относится к Белькуру — типичному рабочему району, населенному простыми тружениками. Интересно, что здесь в небольших магазинах европейского типа хозяева-алжирцы назначают разную цену за один и тот же товар одинакового качества. Объясняется этот любопытный факт тем, что, как правило, упомянутые хозяева приобрели свои магазины уже после независимости и бегства прежних владельцев — европейцев. Не будучи знакомы с конъюнктурой и не пополняя запаса товаров, новоявленные «капиталисты» иногда просто не знают, сколько в действительности стоит та или иная вещь. Поэтому одни владельцы торгуют по ценам, которые были установлены еще прежними хозяевами, другие «коммерсанты», боясь продешевить, произвольно цены вздувают.

К этим кварталам примыкает с востока Хусейн-Дей, бывший пригород, ныне вошедший в черту «Большого Алжира». Его главная улица, длинная, с двусторонним движением и преобладанием скромных двухэтажных домов, буквально кишит всевозможными лавками, магазинчиками, простенькими кафе, закусочными, парикмахерскими, небольшими ателье и мастерскими. В Хусейн-Дее сейчас снимают квартиры многие работающие в Алжире советские и болгарские специалисты. Местное население очень хорошо к ним относится. На стенах домов в Хусейн-Дее, как и в других районах города, много надписей политического характера: «Да здравствует народ! Голосуйте за Фронт национального освобождения!» С ними соседствуют перечеркнутые или замазанные черной краской оасовские лозунги. В Хусейн-Дее часто можно наблюдать живое свидетельство краха попыток оасовцев посеять ненависть между алжирцами и европейцами: около лавчонок и кинотеатров, во дворах и на пустырях играют ватаги ребятишек, алжирцы и европейцы — вместе.

В противоположную от восточных районов города сторону ведет улица Ларби Бен Мхиди — длинная, прямая, узкая, с ярко освещенными магазинами, барами, кафе. Здесь расположены самые дорогие в стране магазины, в том числе крупнейший универмаг «Галери де

Франс»¹. На перекрестках — призывы административной комиссии по оздоровлению города: «Алжирцы, близина и чистота — это символы ислама!» А недалеко отсюда с этим лозунгом — старое здание с крестом оригинальной формы и вывеской: «Пивная Мальтийского креста». Примерно в середине улицы — небольшая площадь с пустым постаментом, на котором написано «Бюжо». Бюст самого маршала давно сброшен. В глубине площади прохаживаются часовые перед резиденцией Политбюро Фронта национального освобождения². На тротуарах — густая толпа. Полицейские, все как на подбор молодые, с черными, аккуратно подстриженными усиками, в темно-синих мундирах, регулируют уличное движение с видимым удовольствием.

Прямо с улицы Ларби Бен Мхиди через ползущие в гору извилистые закоулки можно попасть в Касбу — самый старый мусульманский район города. Алжирская Касба сильно отличается от тунисской медины. В медине больше средневековья, больше восточных традиций в архитектуре и одежде. А здесь — очень много домов почти европейских, только очень старых, обветшавших и потемневших от времени. Преобладают надписи на французском языке и одежда европейского покроя. И того и другого в тунисской или триполийской медине нет или почти нет. Там больше солнца (так как дома, как правило, ниже, чем в Алжире), сухой и чистой земли, больше молчания почти безлюдных улочек.

Главная улица Касбы, ранее улица Рандона (одного из генерал-губернаторов Алжира в прошлом веке), теперь названа именем Али Амара, полупоупендарного героя происходившей в 1956—1957 гг. «битвы за город Алжир». Окруженный французскими парашютистами в одном из домов Касбы, Али Амар отказался сдать. Тогда дом был взорван парашютистами. На его месте до сих пор зияет провал.

Дома Касбы весьма разнообразны по архитектуре: есть дома старого французского стиля, с обязательными ставнями на узких окнах, есть андалусские, с харак-

¹ В 1964 г. хозяева «Галери де Франс» сбежали во Францию. Универмаг был национализирован. Вскоре он возобновил работу, но уже под новым названием — «Галери альжерженн».

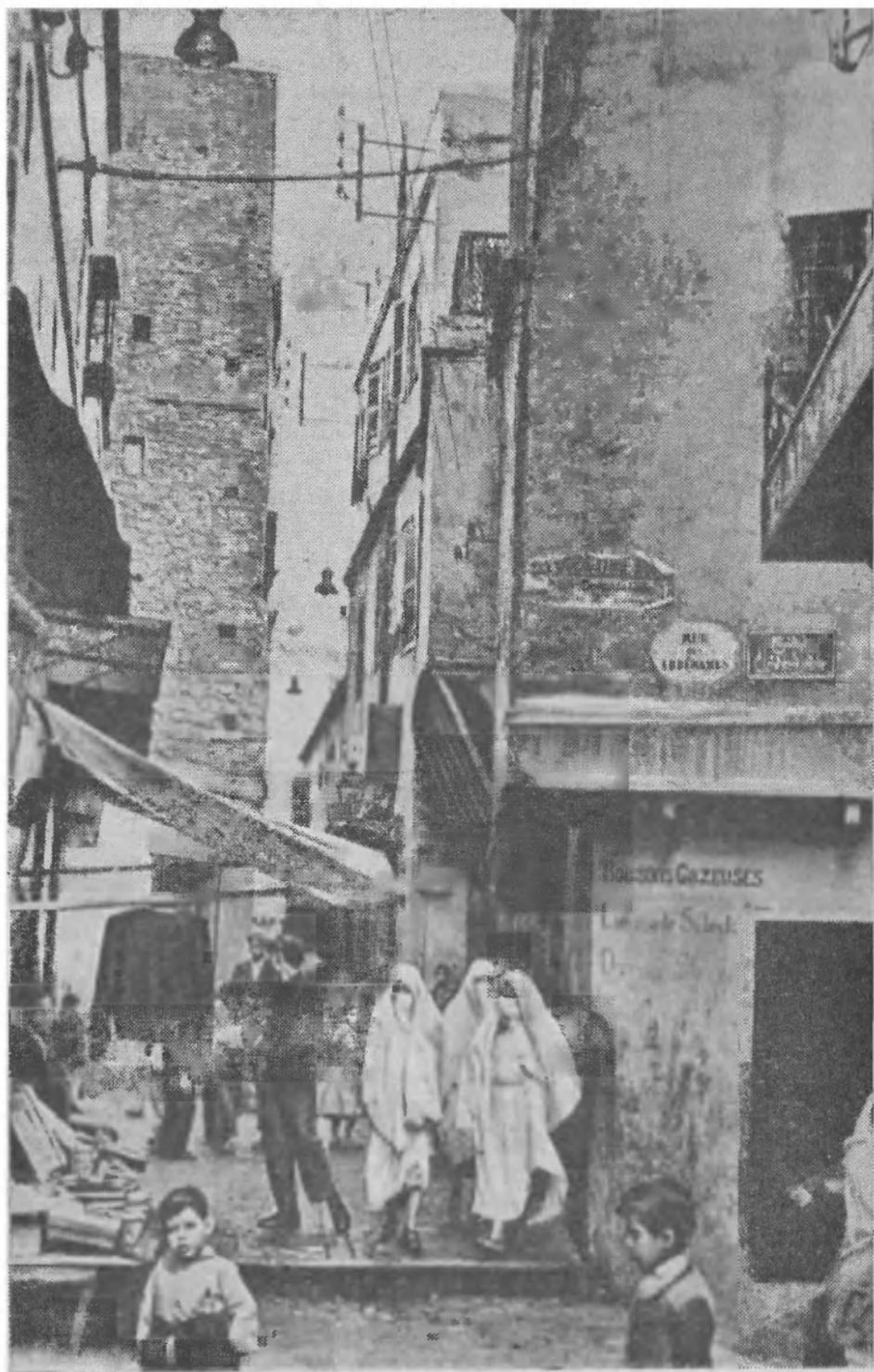
² С лета 1965 г. Политбюро заменено Исполнительным секретариатом.

терными навесами, дверными молотками и деревянными решетками на окнах, есть турецкие, у которых верхний этаж выступает над нижним.

Если пройти Касбу сверху вниз — от превращенной в музей тюрьмы Барберус до восстановленной мечети XVIII в. Кечава,— то придется преодолеть запутанную сеть переулков, закоулков и тупиков, иногда всего полтора-два метра шириной. Переулки, как правило, сверху перекрыты выступающими этажами домов. Иногда они представляют собой ступенчатый спуск или подъем между глухих, без окон, постепенно смыкающихся сверху стен. В лабиринте этих тесных и темных (даже в полдень, при ярком солнце), крытых низкими сводами переходов, похожих друг на друга, туристу легко заблудиться.

В Касбе переплетаются прошлое и настоящее Алжира. Это особенно заметно по внешнему виду местных женщин. Почти на всех традиционные «хаик» (мусульманское покрывало) и «лааджар» (платок с кружевной вышивкой, закрывающий нижнюю часть лица почти до глаз). Но иногда лааджар и легкую накидку носят при европейском костюме, а еще чаще хаик, обычно скрывающий фигуру мусульманки с ног до головы, высоко подбирают, так что под ним виднеются одежда и обувь, изготовленные по последней парижской моде. Войдя к себе в дом, алжирская мусульманка обычно снимает хаик и лааджар, после чего может выйти на балкон и спокойно разглядывать снующую на улице публику. Упрекнуть ее не за что — она дома.

От Касбы спускается к морю Баб аль-Уэд. Это был когда-то рабочий район со смешанным населением: алжирцы жили здесь вместе с европейцами, главным образом испанцами, итальянцами, корсиканцами, мальтийцами. Но постепенно Баб аль-Уэд стал почти полностью европейским, утратил былой пролетарский характер, превратившись в район лавочников, мелких служащих, чиновников, владельцев небольших мастерских. Не удивительно поэтому, что Баб эль-Уэд в течение войны 1954—1962 гг. непрерывно поставлял кадры для всех ультраколониалистских манифестаций европейцев города Алжира, а с весны 1961 г. стал цитаделью ОАС. Отсюда направлялись банды фашиствующих молодчиков, устраивавшие бесчинства и линчевания алжирцев в цент-

Улица в алжирской Касбе

ре города, отсюда велся обстрел мусульманских кварталов, прежде всего Касбы, из минометов и пулеметов. Некоторые дома в Касбе, примыкающие к Баб аль-Уэду, были взорваны оасовцами. Их руины до сих пор напоминают алжирцам о кровавой вакханалии колониальных фашистов.

После независимости Баб аль-Уэд опустел: многие европейцы уехали из Алжира по призыву ОАС, другие — под страхом оасовского террора, третьи — боясь, что алжирцы за зверства ОАС будут мстить всем европейцам без разбора. Так или иначе, но сегодня на улицах Баб аль-Уэда европейцев почти не видно, зато много алжирцев, переселившихся из трущоб в брошенные европейскими беглецами красивые дома в шесть и десять этажей. Впрочем, о «присутствии Франции» напоминают французские часовые в салатной форме перед военными казармами Пелисье¹.

Некоторые улицы Баб аль-Уэда почти не надо было переименовывать. Например, широкое современное авеню в примыкающей к порту части района, примечательное красивым восьмиэтажным зданием нового почтамта, называлось раньше авеню 8 ноября (в честь высадки войск союзников в Северной Африке в 1942 г.), а теперь называется авеню 1 ноября (в память о первом дне алжирской революции). Оасовские надписи («Да здравствует Салан»² и т. п.) и символы (например, кельтский крест — круг с вписанным в него крестом) — повсюду. Кое-где они замазаны краской, зачеркнуты мелом, а поверх них написано: «Да здравствует ФНО!».

За районом Баб аль-Уэд расположено городское предместье Сент-Эжен. Над ним, на высокой горе, как бы контролируя подступы к городу, стоит массивный, похожий на средневековую крепость крестоносцев, католический собор Ногр-Дам д'Африк. Несмотря на отъезд большинства католиков, католический культ продолжает свободно отправляться в Алжире. Перед собором — па-

¹ Летом 1964 г. французские войска были досрочно выведены в соответствии с Эвианскими соглашениями со всей территории Алжира, за исключением военной базы в Мерс аль-Кебире.

² Генерал Рауль Салан был в 1956—1958 гг. командующим французскими войсками в Алжире. Будучи не согласен с политикой де Голля, организовал в апреле 1961 г. военный мятеж, после поражения которого ушел в подполье и встал во главе ОАС.

мятник кардиналу Лявигери, первому архиепископу Алжира, безуспешно пытавшемуся крестить чуть ли не всех мусульман Северной Африки. На памятнике цитата из послания папы Льва XIII, восхвалявшего деятельность Лявигери, якобы много сделавшего для североафриканцев, каковые, по мнению святейшего папы, «наибольшим образом заслуживают католицизма и цивилизации». Судя по надписям мелом на воротах и стенах внешней ограды собора («Слава нашим борцам! Долой культ личности!»), алжирцы неплохо разобрались в том, что скрывалось за внешним благочестием «католической цивилизации».

В городе Алжире немало и других примечательных районов и кварталов. Например, район Тагарэн стоит на месте деревни, основанной в 1492 г. изгнанными из Андалусии маврами. Разросшись, город поглотил эту деревню. Поэтому в Алжире нет такого музейно нетронутого уголка Андалусии, как Сиди-Бу-Саид в Тунисе.

На одной из автобусных остановок в Тагарэне сохранилась дощечка с лозунгами: «Народ — великий творец освобождения! Вмешательство народных масс создало условия для подлинной революции!» Эти лозунги напоминают о невероятно тяжелой борьбе бойцов патриотического подполья города Алжира против колонизаторов, о подвигах героев Касбы, о массовых народных демонстрациях в столице в 1960—1961 гг., явившихся выдающимся вкладом в дело победы революции. В свое время ультраколониалисты похвалялись тем, что они якобы выиграли «битву за город Алжир», истребив непокорных и схватив неуловимых. Но это оказалось всего лишь очередным пропагандистским блефом. Стойко перенеся трудные годы освободительной войны, город воспрянул духом, став столицей нового Алжира, возрожденного к независимой жизни.

ПОЕЗДКА НА ЗАПАД

Покинув столицу, машина въезжает в сплошной цветущий сад, который тянется до самого Орана. Виноградники сменяются плантациями цитрусовых, оливковыми рощами. За каменными или решетчатыми оградами золотятся апельсины. Мелькают небольшие города — Бу-

фарнк, Музайавиль, Афревилль — с обилием зелени, плоскими светлыми зданиями, прямыми улицами и обязательным шпилем католической церкви на площади перед мэрией. Городки удобные, аккуратные. Чувствуется, что строившие их европейские колонисты стремились обосноваться здесь с максимально возможным комфортом и навсегда.

Идеально прямое шоссе, окаймленное аллеями эвкалиптов, пролегло меж тщательно возделанных полей. Зеленые холмы и невысокие горы, то круто вздымающиеся, то тянущиеся параллельными грядами, в некоторых местах близко подступают к шоссе, в других — почти скрываются на горизонте. Чувствуется большее плодородие почвы, чем в Тунисе и Ливии, большее обилие фруктов, овощей. На фоне яркой зелени резко выделяются белые и оранжевые дома поселков и ферм. На полях, где трудятся феллахи, можно увидеть таблички, свидетельствующие о том, что данный участок земли принадлежит тому или иному кооперативу или самоуправляющемуся хозяйству. Кооперативам обычно дают имена героев алжирской революции, павших в боях с колонизаторами. На полях многолюдно, кое-где видны тракторы. На лугах (как в низинах, так и на холмах) — стада овец. На шоссе попадаются бешено мчащиеся автомобили, велосипедисты, иногда — ослы с поклажей, но верблюдов, как в Тунисе и Ливии, не видно. Для этого, очевидно, надо ехать южнее, ближе к Сахаре. В целом запад страны поражает зажиточностью. На дорогах — ни одного нищего или хотя бы босого. Ребятишки (все как один — сносно одетые и в башмаках) предлагают купить у них черных кур, зайцев и прочую снедь. Людей много, даже там, где нет селений, так как повсюду — сады, огороды, ирригационные сооружения. Здесь можно наглядно убедиться, что благословенный край от столицы до Орана — житница страны.

Первая остановка — в Мостаганеме. Почти все здания — европейские. Впрочем, мы находимся в европейской части, которая расположена выше мусульманских кварталов и словно отделена от них крепостной стеной. Планировка европейского города типична для всех уже виденных нами «центров европейской колонизации» — площадь с собором, от нее идут прямые улицы. Недалеко от отеля рынок. У входа на рынок неграмотные стол-

пились перед писарем в тюрбане. Писарь держит себя строго и важно, явно давая просителям почувствовать их зависимое положение. Все — почти как в старину, лишь пишущая машинка, бойко стучащая под умелыми пальцами писаря, напоминает, что дело происходит во второй половине XX в.

В Мостаганеме сразу чувствуешь, что находишься на западе Алжира. Бурнусы феллахов, переполняющих так называемые мавританские кафе, здесь особенно разнообразны по расцветке. Высоких фесок и шешиа не носят: везде сплошь тюрбаны, причем какой-то особой, как бы четырехугольной формы. Мусульманские женщины закрываются в Мостаганеме, как и всюду на западе страны, на ливийский манер, оставляя открытым лишь один глаз. На площади перед собором лениво прогуливаются французские солдаты, очевидно приехавшие в отпуск или по увольнительной из Мерс аль-Кебира, расположенной недалеко от Мостаганема главной военной базы, сохраняющейся за Францией по условиям Эвианских соглашений.

Дорога от Мостаганема до Орана проходит через чистенькие поселки полугородского типа с одноэтажными домами и длинными рядами лавок. Везде памятники павшим в первой и второй мировых войнах. Проехали Арзев — небольшой порт с кипящей на обширной территории многолюдной стройкой. Здесь заканчивается сооружение большого завода по сжижению газа. Природный газ из Сахары доставляется по трубопроводу. После ввода завода в действие жидкий газ станут вывозить из Алжира. Строительство ведется солидно: территория тщательно огорожена, выставлена усиленная охрана. На улицах — много европейцев, в основном занятых на стройке технических специалистов, в которых Алжир испытывает острую потребность.

Оран, второй по величине город страны, вначале кажется занесенным на африканский берег уголком Европы. Алжирцы его называют «маленьким Парижем». Действительно, многие улицы, магазины, дамские наряды отмечены поистине парижским шиком. С набережной Фрон де мер город производит уже иное впечатление: в модернистской архитектуре небоскребов (иногда по 25 этажей), в их будто нарочито хаотичном нагромождении чувствуется какая-то «американизация». На улицах Ора-

на европейцев больше, чем в любом другом городе Алжира. Преобладают среди них испанцы. Много французских военных — рядом Мерс аль-Кебир. Особенно запомнились два майора-парашютиста в леопардовой форме с несколькими рядами орденских ленточек, неторопливо потягивавших пиво у стойки бара. С наступлением темноты по набережной не спеша проходит алжирский военный патруль в походном обмундировании с автоматами на груди. Сразу вспоминается, что Оран — недалеко от границы с Марокко, а мароккано-алжирский конфликт еще не урегулирован.

В Оране алжирцы, особенно из провинции, должны, казалось бы, чувствовать себя более стесненно, чем в столице. Однако следует вспомнить, что этот край давно уже привык к «европейскому духу». Оран около двухсот лет с небольшим перерывом находился в руках Испании (об этом напоминает нависшая над городом на высокой горе старинная крепость Санта-Крус) и был окончательно передан Алжиру незадолго до французского завоевания. Европейская колонизация началась здесь раньше, чем в других районах Алжира: этому благоприятствовали плодородие почвы и равнинный рельеф. Оттого-то местные алжирцы издавна привыкли ко всему европейскому и удивляются ему гораздо меньше, чем можно было ожидать.

С улицами и площадями в Оране — та же история, что и в столице: бульвар Клемансо — теперь бульвар эмира Абд аль-Кадира, улица Леклерка — улица Ларби Бен Мхиди, площадь Бастилии — площадь Магриба. На старом троллейбусе указана конечная его остановка — «площадь Фоша». Сейчас это — площадь 1 ноября 1954 г. Здесь — центр города: и префектура, и красивое, с арками и лоджиями, здание оперного театра, и роскошный отель «Мартинес». Отсюда можно подняться (город выстроен с небольшим уклоном к морю) по главным улицам в новые кварталы или спуститься к морю, минуя огромную чашу Зеленого театра и крутые стены старой крепости Шато Неф. Оранская касба остается чуть в стороне — она поменьше, поровнее и почище столичной. Любопытно, что в Оране мусульманок, закрытых по-либийски, почти нет: большинство либо носит лааджар, либо ходит с открытыми лицами. В то же время католический собор по внешнему виду смахивает

скорее на мечеть или синагогу. Длительные контакты между арабами и европейцами, взаимные влияния и заимствования прослеживаются здесь особенно четко. Исходом именно на окраинах Орана издавна существовали так называемые испано-мавританские кварталы со смешанным населением, где в одной семье могли говорить и по-арабски, и по-испански.

Выехав из Орана на машине, можно часа через полтора попасть в Сиди-Бель-Аббес, чистенький светлый городок с прямыми улицами. Когда-то здесь была штаб-квартира печально известного Иностранного легиона. Ныне осталась лишь казарма — мрачное трехэтажное здание за черной решеткой наглухо запертых ворот.

Еще через полтора часа пути, благополучно миновав крутые повороты горного шоссе и едва не перевернувшись в кювет на глазах у изумленного погонщика овец, не ожидавшего такой неуклюжести от нашей «Волги», мы въезжаем в Тлемсен. Несмотря на множество современных зданий, на внешнем облике города — неповторимая печать андалусской культуры, принесенной сюда мавританскими изгнанниками. Многие дома украшены аркадами и узорчатой резьбой по камню. Тюрбаны здесь встречаются редко. Вместо них обычно носят высокую феску с накрученной на нее повязкой. Бурнусов тоже не видно — их заменяет легкая накидка. Женщины, встречающиеся на улице, все закутаны по-ливийски, но на балконах новых домов сидят без хаиков и лааджаров, с открытыми лицами.

Вдоль улиц тянутся одна за другой лавки. Заходим в одну из них. Владелец, г-н Бухаджар, именует свое заведение «восточным салоном». Он торгует изделиями «алжирского, марокканского, тунисского и восточного ремесла» — мебелью, коврами, изделиями из кожи, шелка и металла. Основной его расчет — на туристов и их неистребимую любовь к сувенирам. Мало кто откажется купить, например, кинжал с красиво переплетенной рукоятью и гербом Тлемсена.

В Тлемсене много памятников алжирской старины. Когда-то город был столицей средневекового берберского государства Зайянидов, политическим и культурным центром всего запада страны, чему во многом способствовало его выгодное расположение среди гор, защищавших от непрощеных гостей. От бывшего величия города

остались только следы: полуразвалившиеся мечети, минареты, башни, остатки крепостных стен. Осмотреть их все не было времени. Пришлось ограничиться осмотром древней мечети Сиди-Бу-Медин, чрезвычайно почитаемой во всем Алжире. Дорога туда ведет через пустырь и заброшенные сады, мимо мусульманского кладбища и оливковых рощ. Кое-где на пустырях мальчишки играют в футбол, но без обычного для этого занятия шума и гамы. Вся обстановка древнего города располагает к молчанию и тишине. Темнеет здесь, как и у нас на юге, мгновенно. В наступившем полумраке фигуры закутанных в хаики мусульманок мелькают на улицах, словно белые привидения.

Мечеть Сиди-Бу-Медин расположена в центре старого арабского города. Ее высокий четырехугольный минарет с зубчатой башней и сложным мавританским орнаментом возвышается над низкими крышами и виден за много километров. Сейчас он искусно подсвечен и, возможно, производит даже большее впечатление, чем днем. Вход в мечеть по мастерству отделки и умелому использованию разноцветной мозаики отдаленно напоминает наши самаркандские ансамбли: Гур Эмир, Шахи-Зинда, Регистан. У входа — куча обуви. Изнутри доносится монотонное гудение молящихся. Если заглянуть в мечеть (что вообще-то во время молитвы делать не рекомендуется), то поразишься яркости электрического освещения, богатству устилающих пол ковров и сравнительной малочисленности верующих, застывших в разных позах под расписными арками. Больше заметить все равно ничего не успеешь: надо поспешно выходить на улицу и вступать в разговор с мусульманами, отдыхающими после молитвы недалеко от мечети. Это люди в основном пожилые, одетые в длинные кафтаны — джеллябы, накидки в виде плаща с прорезями для рук, по-турецки широкие шаровары (которые в других городах уже почти никто не носит) и тюрбаны с шитьем, похожим на золотое. Смотрят вначале настороженно: после наступления темноты около мечети редко можно увидеть европейца. Потом взгляды теплеют, фразы становятся уже не столь короткими и отрывистыми. Почти все свободно говорят по-французски. Даже когда их что-нибудь спросишь по-арабски, они отвечают по-французски. Делают так, очевидно, либо плохо понимая литературный арабский язык,

больше распространенный к востоку от Магриба, либо не привыкнув по-арабски говорить с европейцами.

Обратный путь по узким кривым улочкам со сточными канавами и глухими стенами невысоких мусульманских домов навевает различные воспоминания: то о тунисской медине, то о романах Мухаммеда Дибя, родившегося и выросшего в Тлемсене. Улочки буквально забиты беспечно шумливой и хохочущей детворой. Среди таких быстроглазых и оглушительно орущих озорников, наверно, рос и автор романов «Большой дом», «Пожар», «Ремесло ткача». И, может быть, кто-нибудь из его сверстников послужил прообразом смелого и доброго, драчливого и нежного Омара, главного героя романа «Большой дом». А может быть, где-то недалеко находится и описанный в романе «большой дом»?

К сожалению, мы не могли задерживаться в Тлемсене и уже на следующий день выехали в город Алжир. Опять — горная дорога, стада овец, потом бывшие поселки колонистов, ставшие самоуправляемыми кооперативами. После Сиди-Бель-Аббеса горы остаются справа, шоссе тянется по равнине в окружении виноградников и бесконечных апельсиновых рощ. Некоторые полугородки-полуселения, встречающиеся на пути, носят знакомые названия, например Инкерман. Говорят, что есть в Алжире также Альма и Малахов. Все эти названия появились во время Крымской войны 1853—1856 гг., в которой в составе французского экспедиционного корпуса активное участие принимали алжирские зуавы, набиравшиеся не столько из алжирцев (зуауа — название одного из кабийских племен), сколько из французских колонистов Алжира. Сейчас многие из этих названий меняются: Инкерман официально переименован в Уэд Риху, но его еще по старой памяти называют прежним именем.

Остановливаемся на ночлег в Аль-Аснаме (бывшем Орлеанвиле). Размещаемся на третьем этаже «Гранд отель дю Шелиф» — новенького, еще пахнущего известкой здания с белыми колоннами, оранжевой решеткой по фасаду, нишами и лоджиями. Шелиф по нашим масштабам — довольно небольшая река, но долина ее исключительно плодородна, что издавна привлекало сюда европейских колонистов. «Экс-Орлеанвиль» очень типичен для всех населенных пунктов, строившихся здесь европейцами — для себя, всерьез и надолго. Об этом говорят

остались только следы: полуразвалившиеся мечети, минареты, башни, остатки крепостных стен. Осмотреть их все не было времени. Пришлось ограничиться осмотром древней мечети Сиди-Бу-Медин, чрезвычайно почитаемой во всем Алжире. Дорога туда ведет через пустырь и заброшенные сады, мимо мусульманского кладбища и оливковых рощ. Кое-где на пустырях мальчишки играют в футбол, но без обычного для этого занятия шума и гамы. Вся обстановка древнего города располагает к молчанию и тишине. Темнеет здесь, как и у нас на юге, мгновенно. В наступившем полумраке фигуры закутанных в хаики мусульманок мелькают на улицах, словно белые привидения.

Мечеть Сиди-Бу-Медин расположена в центре старого арабского города. Ее высокий четырехугольный минарет с зубчатой башней и сложным мавританским орнаментом возвышается над низкими крышами и виден за много километров. Сейчас он искусно подсвечен и, возможно, производит даже большее впечатление, чем днем. Вход в мечеть по мастерству отделки и умелому использованию разноцветной мозаики отдаленно напоминает наши самаркандские ансамбли: Гур Эмир, Шахи-Зинда, Регистан. У входа — куча обуви. Изнутри доносится монотонное гудение молящихся. Если заглянуть в мечеть (что вообще-то во время молитвы делать не рекомендуется), то поразишься яркости электрического освещения, богатству устилающих пол ковров и сравнительной малочисленности верующих, застывших в разных позах под расписными арками. Больше заметить все равно ничего не успеешь: надо поспешно выходить на улицу и вступать в разговор с мусульманами, отдыхающими после молитвы недалеко от мечети. Это люди в основном пожилые, одетые в длинные кафтаны — джеллябы, накидки в виде плаща с прорезями для рук, по-турецки широкие шаровары (которые в других городах уже почти никто не носит) и тюрбаны с шитьем, похожим на золотое. Смотрят вначале настороженно: после наступления темноты около мечети редко можно увидеть европейца. Потом взгляды теплеют, фразы становятся уже не столь короткими и отрывистыми. Почти все свободно говорят по-французски. Даже когда их что-нибудь спросишь по-арабски, они отвечают по-французски. Делают так, очевидно, либо плохо понимая литературный арабский язык,

больше распространенный к востоку от Магриба, либо не привыкнув по-арабски говорить с европейцами.

Обратный путь по узким кривым улочкам со сточными канавами и глухими стенами невысоких мусульманских домов навевает различные воспоминания: то о тунисской медине, то о романах Мухаммеда Дибя, родившегося и выросшего в Тлемсене. Улочки буквально забиты беспечно шумливой и хохочущей детворой. Среди таких быстроглазых и оглушительно орущих озорников, наверно, рос и автор романов «Большой дом», «Пожар», «Ремесло ткача». И, может быть, кто-нибудь из его сверстников послужил прообразом смелого и доброго, драчливого и нежного Омара, главного героя романа «Большой дом». А может быть, где-то недалеко находится и описанный в романе «большой дом»?

К сожалению, мы не могли задерживаться в Тлемсене и уже на следующий день выехали в город Алжир. Опять — горная дорога, стада овец, потом бывшие поселки колонистов, ставшие самоуправляемыми кооперативами. После Сиди-Бель-Аббеса горы остаются справа, шоссе тянется по равнине в окружении виноградников и бесконечных апельсиновых рощ. Некоторые полугородки-полуселения, встречающиеся на пути, носят знакомые названия, например Инкерман. Говорят, что есть в Алжире также Альма и Малахов. Все эти названия появились во время Крымской войны 1853—1856 гг., в которой в составе французского экспедиционного корпуса активное участие принимали алжирские зуавы, набиравшиеся не столько из алжирцев (зуауа — название одного из кабийских племен), сколько из французских колонистов Алжира. Сейчас многие из этих названий меняются: Инкерман официально переименован в Уэд Риху, но его еще по старой памяти называют прежним именем.

Останавливаемся на ночлег в Аль-Аснаме (бывшем Орлеанвиле). Размещаемся на третьем этаже «Гранд отель дю Шелиф» — новенького, еще пахнущего известкой здания с белыми колоннами, оранжевой решеткой по фасаду, нишами и лоджиями. Шелиф по нашим масштабам — довольно небольшая река, но долина ее исключительно плодородна, что издавна привлекало сюда европейских колонистов. «Экс-Орлеанвиль» очень типичен для всех населенных пунктов, строившихся здесь европейцами — для себя, всерьез и надолго. Об этом говорят

рациональная планировка, обилие зелени, новизна красивых комфортабельных домов. Даже предместья, предназначенные для алжирцев, в основном чистые, с прямыми улицами, только дома попроще и с меньшим количеством этажей. Сейчас Аль-Аснам — центр одноименного департамента. Здесь много вежливых, любезно все объясняющих полицейских, а также крестьян, приехавших по своим делам. Рано утром, до открытия учреждений, они скапливаются в многочисленных дешевых кафе, столики которых, как правило, выносятся на тротуары.

В Аль-Аснаме с нами произошел случай, который свидетельствует об условности многих неписаных обычаев мусульманского быта. Нам надо было узнать лучшую дорогу из Аль-Аснама к Блиде. Мы обратились за разъяснением к солидному мусульманину, шедшему в сопровождении двух женщин в хаиках и лааджарах. К нашему удивлению, мужчина беспомощно посмотрел на своих спутниц, и одна из них бойко и толково, на безукоризненном французском языке тут же объяснила нам, как лучше проехать. Мы поблагодарили ее. «Не за что, месье», — ответила почти с салонной учтивостью наша собеседница, так и не открывшая своего лица. Затем она сделала знак своим спутникам следовать за ней, и нам было уже трудно разобраться, кто кого сопровождал — мужчина женщин или женщины мужчину.

В связи с этим я вспомнил слова одной девушки-кабилки, жившей в городе Алжире: «Мне все равно, носить покрывало или нет. Пока все мусульманки его носят, я тоже буду это делать. А когда все его снимут, я тоже сниму». В доме она ходила с открытым лицом, здороваясь, первая подавала руку и вообще держала себя достаточно смело и с большим достоинством. Очевидно, ношение хаика и лааджара давно уже стало не столько символом покорности мусульманки, сколько просто формальным признаком ее принадлежности к мусульманской общине. Этот жест нельзя расценивать как отказ от эмансипации, как проявление приверженности к затворничеству или как акт религиозного фанатизма. Это скорее демонстрация патриотизма, подчеркивание своей принадлежности к алжирскому народу.

По дороге в столицу мы остановились еще в двух городах — Блиде и Сиди-Феррюше. Блида — красивый, ок-

руженный с двух сторон горами современный город, как бы сошедший со страниц романов и рассказов алжирских писателей. Изящная беседка в мавританском стиле, ресторан на центральной площади, пятиэтажные дома с декоративными вертикалями цветных решеток — все это кажется именно той обстановкой, в которой привыкли жить и действовать герои Хаддада, Диба, Асии Джеббар. Сиди-Феррюш знаменит тем, что здесь в 1830 г. высадились первые солдаты экспедиционной армии генерала Бурмона, готовые завоевать Алжир для последнего из «христианнейших королей» Франции — Карла X. Сейчас здесь небольшое полукурортное селение с острым шпилем темно-оранжевой церкви. По воскресеньям сюда выезжают с семьями скупающие в городе Алжире европейцы; тут они в невероятных количествах поглощают устриц, которых здесь видимо-невидимо.

На этом закончилась поездка на запад Алжира. Благодаря ей мне удалось познакомиться с жизнью и обычаями самого плодородного в стране края, издавна подвергавшегося европейскому влиянию и наименее пострадавшего от войны 1954—1962 гг. Чтобы получить более всестороннее представление об Алжире, необходимо было посетить восточные районы страны.

В ГОРАХ АТЛАСА

Поезд Алжир — Константина, называемый почему-то «омнибусом», идет медленно, останавливаясь у каждого полустанка. Большинство пассажиров это раздражает: они спешат попасть в Константину, до которой ехать на скором поезде около восьми часов, а на «омнибусе» — более десяти. Но для путешественника малая скорость поезда, его частые остановки имеют явное преимущество: можно гораздо больше увидеть, чем в бешено мчащемся экспрессе.

Проезжаем одну за другой небольшие станции: Руиба (тут находится автосборочный завод Берлие, половина акций которого принадлежит Алжиру), Регайя (в 1960 г. здесь была ставка главнокомандующего французскими войсками). Вокруг — равнина с пашнями, иногда — зеленые, как на западе страны, холмы с оранжевыми поселками. Ближе к железной дороге попадаются пя-

тнэтажные дома причудливой бело-синей раскраски с балконами, изогнутыми в виде ковша. Слева временами неожиданно близко показывается море.

От Менервиля уже начинается Кабилия. Поросшие кустарником и деревьями, усеянные виноградниками холмы придвигаются все ближе и ближе, закрывая горизонт. Поезд минует один темный туннель за другим. Туннели чередуются с обрывистыми скалами, почти лишенными растительности. Иногда в низинах мелькают одинокие домики или остроконечные хижины, плетни вокруг садов и огородов. Кое-где попадаются разрушенные дома. Они здесь не белые, как на западе, выстроены в основном из серого камня или кирпича.

Миновав гористую Большую Кабилию, поезд мчится по степным просторам Малой Кабилии. Эта область когда-то была берберской, но теперь почти полностью арабизирована, хотя кое-где здесь и говорят на смеси арабского с кабийским. Достигнув центра области — города Сетиф, поезд едет прямо по улицам. Сначала мелькают сколоченные из всякого хлама жалкие лачуги местного «бидонвиля» (типичного для многих североафриканских городов окраинного бедняцкого квартала, застроенного в основном самодельными хибарками ушедших из деревни крестьян), потом — новые многоэтажные дома, один дом даже в десять этажей. Забор стадиона сплошь облеплен мальчишками: футбол в Алжире очень популярен, и ему отводят почти по целой полосе все центральные и провинциальные газеты. Чувствуется, что горы Кабилии, оставшиеся позади, служат климатическим барьером: в Сетифе — всего 8 градусов тепла, а на побережье — 34 градуса. На перроне сетифского вокзала все в пальто. Небо — свинцовое. Накрапывает мелкий дождик.

После Сетифа местность пошла еще более ровная, повсюду — широкая степь. Земля здесь лучше, чем в кабийских горах. То тут, то там виднеются обработанные поля. Но очень много и необработанных участков. Населенные пункты пошли реже. Проезжаем один из них — Телергму. На столбе около станции — восьмиконечный лотарингский крест и надпись по-французски: «Единственный вождь». Очевидно, это память о посещении Телергмы в 1959 г. президентом Франции генералом де Голлем. Здесь, как и всюду в Алжире, никто не стира-

ет старых лозунгов, и по ним можно восстановить живую историю страны за последние годы.

В Константиноу поезд приходит поздно. В отелях здесь работает отопление — холодно! Любопытно, что осенью и зимой в Алжире чем дальше от моря, тем холоднее, а летом и весной — наоборот. К тому же Константина расположена сравнительно высоко: верхняя часть города лепится на гигантских скалах, разделенных пропастью от 50 до 200 метров глубиной. В свое время город был из-за этого почти неприступен. Недаром еще в III в. до нашей эры стоявшая на месте Константины древняя Цирта стала столицей знаменитого агеллида (царя) Нумидии Масиниссы, которого алжирцы почитают примерно так же, как тунисцы — Ганнибала, а египтяне — Рамсеса II.

В Константине нет столь резкого деления на европейскую и мусульманскую части города, как в других местах Алжира. Обе они тесно сплетены друг с другом, почти незаметно переходят одна в другую. На архитектуре европейских домов — налет мусульманского влияния, улицы и переулки в европейских кварталах бывают столь же узки и запутанны, как и в мусульманских. Некоторые дома словно гроздьями свисают в пересекающее город извилистое ущелье, лепятся по его отвесным стенам. Улица по краю ущелья так и называется — Дорога бездны. Через ущелье переброшены мосты: исполинская каменная эстакада Сиди Рашед, как бы опоясывающая наиболее старую часть города у самого входа в ущелье, прямой и широкий массивный мост Аль-Кантара, висячие мосты Перрего и Сиди Мсид. По Сиди Рашеду обычно едут от вокзала, чтобы попасть к центру — площади Бреши, на которой расположены мэрия, суд, лучшие гостиницы и рестораны. С моста Аль-Кантара открывается великолепный вид на прямую линию расположенного много выше моста Сиди Мсид, узкие шоссе, вырывающиеся из туннелей на склонах ущелья, дальние холмы, селения и горы в рваном треугольнике обрыва. Если посмотреть в другую сторону, виден следующий мост — Антонина. Внизу, на дне пропасти, — трава, деревья, паутина тропинок. Потом следует обрыв, ниже его — «второе» дно ущелья, по которому протекает обмелевшая речка Рюммель. Трудно найти в Алжире место красивее Константины!

Сегодня Константина — третий по величине город Алжира (в 1960 г. здесь было около 300 тыс. жителей, сейчас намного больше) и центр восточных районов страны, в наибольшей степени пострадавших от войны 1954—1962 гг. На любой улице можно встретить хромых, слепых, изувеченных. Здесь гораздо больше плохо одетых, чем в западных районах. Попадают нищие, главным образом старики. Некоторые из них, закутавшись в рваное пальто или бурнус, спят прямо на тротуаре, невзирая на холод и сырость. Другие роются на мусорных свалках или сидят, безучастно глядя перед собой. Лишь немногие просят милостыню.

Следует учесть, что большинство из 9 тыс. алжирских деревень, разрушенных в течение войны 1954—1962 гг., приходится как раз на восточные районы. Уцелевшие жители этих деревень ушли в города. Много их и в Константине. А так как работы не хватает даже для молодых и здоровых, то старикам и больным ее и подавно не найти. Бедственное положение многих тысяч крестьян, вынужденных уйти из деревни в город, является, следовательно, тяжелым наследием колониализма и войны. Молодой республике, естественно, очень сложно в короткий срок избавиться от подобного наследия. Кроме того, восточные районы, центром которых является Константина, вообще беднее алжирского запада: здесь почвы похуже, горы и лесные массивы занимают больше площади, да и климат суровее.

Жители Константины в отличие от западных алжирцев почти не носят тюрбанов и белых длинных джелляб. Даже бурнусы попадают здесь сравнительно редко. Большинство местных алжирцев — в одежде европейского покроя и красных шешиа вполне тунисского вида. Выглядят они поэтому гораздо менее экзотично, чем, допустим, завсегдатаи мавританских кафе где-нибудь в Мостаганеме, Тлемсене, Аль-Аснаме. Весьма своеобразны в Константине женские наряды. Большинство мусульманок ходят здесь с открытыми лицами, без покрывал и лааджаров, в цветастых платьях, в таких же платках, завязанных как-то по-особому, узелками вперед. Как рассказал один из местных жителей, почти все открытые женщины в Константине — это берберки «шавийа» из расположенной много южнее горной области Аурес. По его словам, арабские женщины стараются но-

сильно покрывало (которое здесь называется не «халк», как на западе, а «млия») и лааджар, но «по бедности не всегда могут это себе позволить». Действительно, традиционное белое покрывало здесь почти не увидишь. Иногда можно встретить и черную млию, которую мне потом довелось видеть только в ОАР.

В Константине убеждаешься, что те или иные имена исчезают из названий улиц алжирских городов вовсе не потому, что они — французские. Вполне естественно, что одна из главных улиц, называвшаяся ранее именем Клемансо, ныне переименована в улицу Ларби Бен Мхиди. Но алжирцы прекрасно помнят, что француз француз рознь. В частности, мне пришлось видеть в Константине, а потом и в Аннаба площади, названные в честь французского патриота-коммуниста Пьера Семара, погибшего в годы гитлеровской оккупации Франции.

Память о прошлом, далеком и более близком, жива здесь во всем: в архитектуре, собственных именах, внешнем облике людей. Великолепный отель в мавританском стиле (белоснежный, весь в зубцах, ступеньках, арках, резьбе по камню) называется «Сирта» — по имени древней нумидийской столицы. Четырехэтажное белое здание, похожее на мечеть, только без минарета, нависает над самым ущельем Рюммель. «Это — лицей Бен Бадиса», — отвечает на мой вопрос один из местных жителей. Имя шейха Абд аль-Хамида Бен Бадиса, основателя Ассоциации алжирских улемов, видного публициста и общественного деятеля, окружено здесь всеобщим почетом. Он был одним из выдающихся борцов за распространение среди алжирцев образования на арабском языке, за самобытность алжирской национальной культуры. Ему принадлежит крылатая фраза, брошенная в полемике с ассимиляторами, пытавшимися офранцузить алжирцев: «Алжирская нация — не Франция: она не может и не хочет быть Францией». Ближайшим сподвижником Бен Бадиса был шейх Ахмед Реда Хоху, видный алжирский просветитель и литератор, писавший на арабском языке. Он был убит колонизаторами, но память о нем живет. Местные жители вспоминают о нем, проходя мимо невысокого белого здания с надписью: «Лицей Реда Хоху».

Вчерашний и сегодняшний день Константины иногда сливаются воедино, что ставит перед местным населением

ем много сложных проблем. «Посмотрите, как тут все благоустроено,— говорил мне знакомый алжирец в Константине. — Раньше здесь жили одни европейцы, а нас и близко не подпускали». Мы стояли с ним в чисто «парижском» по внешнему виду квартале Сен-Жан, где лишь стилизованная под мечеть католическая церковь напоминала, что мы — в Алжире. «Но сейчас здесь живут алжирцы!» — возразил я, оглядевшись вокруг. «Конечно,— подтвердил мой собеседник,— сейчас почти все европейцы уехали. Однако большинство алжирцев все еще живут в неблагоустроенных домах, таких, как в квартале Ламин, где колониальные власти в свое время не позаботились даже провести электричество и водопровод. Осмотрите новостройки на окраинах. Тогда вам будет ясно, чего мы хотим», — добавил он с улыбкой.

Взяв такси, я специально поехал на новостройки через квартал Ламин, что было довольно трудно, так как улицы этого верхнего «фобура» (т. е. предместья) во время дождя превращаются в сплошное болото. Лачуги фобура Ламин — это горькое прошлое, унаследованное от эпохи колониализма. Другие фобуры — Мансура, Аль-Кантара — кажутся после Ламина чуть ли не фешенебельными. Зато новые пригороды Константины — городок Охотников, городок имени ауресской героини Фадилы Саадан — действительно великолепны: рационально спланированные многоэтажные дома оригинальной архитектуры и раскраски (преобладают малиновые и золотистые тона), спортивные площадки, школы, клубы.

Поездка в Константину и вообще в восточные районы Алжира позволяет наглядно представить себе наиболее острые экономические и социальные проблемы страны. Решаются эти проблемы по-разному. Но ясно, что быстро их решить за счет мобилизации внутренних средств и трудового напряжения очень и очень трудно. Необходима помощь извне. Эта помощь оказывается самыми различными путями: в Алжир поступают займы из Франции и Кувейта, промышленное оборудование и машины из социалистических стран; сюда едут учителя, врачи, инженеры и другие технические специалисты из СССР, Франции, Болгарии, Югославии, Чехословакии, ОАР, Сирии и других стран.

Соединенные Штаты Америки, в свое время пытавшиеся потеснить Францию в Алжире, сейчас предпочи-

тают выждать более удобного момента. Алжирцы в массе не испытывают симпатии к американцам и их политике. Они гневно осуждают агрессию США во Вьетнаме, их пособничество колонизаторам в Африке, расовую сегрегацию в самих США. В этой обстановке американской пропаганде приходится всячески изворачиваться, избегать «горячих» вопросов, обращаться не столько к разуму, сколько к чувству. На витрине американского культурного центра в Константине в конце ноября 1963 г. была выставлена фотография президента Джона Кеннеди, убийство которого вызвало волну возмущения в Алжире. Под фотографией — выдержки из бесед Кеннеди с руководителями независимых государств Африки. Рядом — фотография Жаклин Кеннеди с маленьким сыном и цитата из речи покойного президента: «Мы должны обеспечить будущее наших детей, так как все мы смертны».

Из Константины мы отправились в Аннаба (бывший Бон) — крупнейший порт восточного Алжира. Поезд медленно идет сквозь лысые горы, по виду напоминающие крымские, и пассажиры, обернувшись назад к Константине, восхищаются великолепным зрелищем: город раскинулся высоко в горах, подобно белым гнездам на гигантских скалах, в самой большой из которых пробиты два туннеля: для железной дороги и для шоссе. Затем горы исчезают, и за окном возникают почти русские картины: широкая холмистая равнина, вполне северные деревья, стога сена, каменные дома, чернеющие пашни.

Мы едем по территории бывшей «вилаи № 2» — одного из военных округов, на которые ФНО поделил страну в период войны 1954—1962 гг. Первым командиром округа был национальный герой алжирской революции Мурад Дидуш, вторым — соратник и заместитель Дидуша скромный кузнец Юсеф Зирут. К северу от Константины все помнят Юсефа Зирута, наводившего ужас на колонизаторов стремительными налетами плохо вооруженных партизанских отрядов. Когда поезд остановился на станции Конде-Сменду, проводник объявил: «Станция Юсеф Зирут». Оказывается, здесь родина Юсефа Зирута, и земляки и боевые соратники бесстрашного командира решили увековечить память о нем.

После станции «Юсеф Зирут» поезд преодолевает хребты горного хребта Эдуг и мчится к морю среди хол-

мов, соломенных хижин, садов, виноградников, апельсиновых рощ, зеленых лугов со стадами. Чем ближе к морю, тем теплее и тем больше похоже на западные районы. Промелькнул городок Иппон — родина святого Августина — с двумя колокольнями возвышающейся на холме старинной церкви. За ним потянулись «бидонвили» в предместьях Аннаба.

Аннаба напоминает наши южные причерноморские города. Это — своего рода Сухуми, застроенный новенькими небоскребами. В киоске на привокзальной площади Пьера Семара можно купить советскую газету «Нувель де Моску». В книжном магазине на широкой густозеленой улице Революции — что угодно: от «Истории Москвы» до мемуаров Кейтеля. Город весь оранжево-белый, уютный, тихий и комфортабельный, с тенью пальмовых ветвей на стекле витрин. Но это только первое впечатление. Бросается в глаза обилие безработных, собирающихся в основном у порта. В то же время в городе немало европейцев, может быть чуть меньше, чем в Оране. У них, как везде в Алжире, достаточно шикарные автомобили и наряды, резко контрастирующие со скромной одеждой коренных жителей. В магазинах, кроме французской и арабской речи, можно услышать также и итальянскую.

На рынке торгуют почему-то в основном мебелью: столиками, тумбочками, этажерками, стульями. Все это, очевидно, вещи, без которых раньше обходились новые обитатели европейских кварталов. На улицах этих кварталов, уже населенных в основном арабами, еще сохранились надписи периода разгула местных оасовцев. У входа в арабские кварталы — надписи другого содержания: «Запретная для военных зона». Относится это, конечно, не к нынешним военнослужащим Национальной народной армии Алжира. Надпись была сделана в годы освободительной войны, когда французские парашютисты, терроризировавшие население алжирских городов, опасались кары со стороны патриотов-подпольщиков. Сегодня в Алжире человек любой национальности, в штатском или в военной форме, может спокойно ходить где угодно. Например, в касбе Аннаба, наиболее аккуратно спланированной из всех мною виденных, появление европейца не вызывает удивления. В центре касбы — довольно широкая улица Айссата Идира, названная в честь

первого лидера национальных профсоюзов, погибшего в колониальной тюрьме. Недалеко от этой улицы — помещение местной федерации ФНО. Она предпочла разместиться именно здесь, в сердце арабской части города, а не среди модерна и шика европейских небоскребов

В целом Аннаба производит впечатление «маленького Орана». Здесь нет диковатой красоты и «восточного колорита», характерных для Константины. Все ровно, современно и рационально. Кажется, что снова попал на запад страны. И только когда вечером покидаешь Аннаба и поезд углубляется в предгорья Эдуга, вспоминаешь, что находишься на востоке страны, там, где хребты Атласа особенно разветвлены и близко выходят к морю. А горы Атласа вечером изумительно красивы! Недаром все пассажиры поезда стоят у окон и любуются закатом: синие горы, голубоватые облака, а между ними — золотые и кое-где бледно-серебристые отблески. Все это кажется почти нереальным и напоминает картины Куинджи.

ЛЕГЕНДАРНАЯ КАБИЛИЯ

Моим соседом по купе на обратном пути из Константины в столицу оказался студент Алжирского университета, изъездивший всю страну и хорошо знавший особенности говора каждой области и района. Из беседы с ним выяснилось, что принятый в Алжире диалект арабского языка далеко не един. В разных концах страны для обозначения одного и того же понятия часто употребляют разные слова. Например, если на западе, чтобы ответить утвердительно, скажут «уа», то во всем остальном Алжире скажут «ан'ам». В городе Алжире хлеб называют «кисра», а в Константине — «хобз». Мой собеседник приводил множество примеров такого рода и со смехом рассказывал, как ему приходилось вызволять из трудного положения оранца, оказавшегося в Константине, или обитателя деревни под Аннаба, приехавшего в Тлемсен. «Поэтому вы не удивляйтесь, — говорил он мне, — если услышите, что два алжирца, притом не получивших никакого образования, разговаривают между собой по-французски. Это не значит, что они не говорят по-арабски. Просто они из разных мест, могут друг

друга понять, но не хотят переспрашивать через каждые два-три слова, тем более что иногда одно и то же слово имеет разное значение в разных местах. Кроме того, обычно по-французски общаются араб с кабилем. В городе Алжире это повсеместное явление».

В купе кроме нас двоих сидел еще осанистый старик с пышными седыми усами, в высокой красной феске и пальто стального цвета. Не прислушиваясь к нашему разговору, он безмятежно читал газету, пока его не окликнул проходивший по вагону железнодорожный служащий. Между ними завязался разговор. Студент слушал их с улыбкой, а я ничего не понимал. Когда старик со своим знакомым вышел из купе, студент объяснил мне: «А вот так иногда общаются арабы и кабилы к востоку от Кабилии. Как вы слышали, они говорили на смешанном наречии, употребляя и арабские и кабийские слова».

Кто такие кабилы?

Арабские завоеватели, привыкшие кочевать на равнине, почти не проникали в труднодоступные районы Магриба, где берберское население сохранило благодаря этому почти нетронутыми свой язык, обычаи и всю этническую специфику, восприняв лишь религию ислама. В Алжире такими берберскими островками являются горно-лесные массивы Дахра, Уарсенис, Аурес и Большая, или Джурджурская (в отличие от Малой — Баборской), Кабилия. Берберы составляют более 20 процентов населения Алжира. Больше половины их (т. е. свыше миллиона человек) сосредоточено в Кабилии.

Кабилия всегда была оплотом освободительной борьбы алжирцев. С началом революционной войны 1954—1962 гг. Кабилия наряду с Ауресом (кстати, тоже берберской областью) стала крупнейшим очагом партизанского движения. Естественно, ей пришлось поэтому принять на себя наиболее тяжелые удары колонизаторов. Их отборные войска при поддержке танков, авиации, артиллерии и флота шесть раз огнем и мечом проходили Кабилию, и каждый раз им все нужно было начинать сначала. На Кабилию приходится значительная часть погибших во время войны алжирцев и разрушенных селений. Многие видные руководители алжирской революции — кабилы по происхождению.

Выдающемуся вкладу кабил в национально-осво-

бодительную революцию алжирского народа во многом способствовали их древние традиции свободолюбия. Название «кабилы» происходит от арабского «кабанль», что означает «племена». Арабы называли так берберские племена, не подчинившиеся центральной власти, сохранившие свою организацию и независимость. Самоозначивание кабилы — «имазирен», т. е. «свободные люди». В кабийских деревнях до сих пор важнейшие вопросы решает народное собрание — «джемаа», в котором все вопросы обсуждаются публично и горячо (любовь к дискуссиям считается характерной для кабилы), по особому уважению оказывается главам патриархальных семей. Следует отметить при этом, что ныне геронтократия у кабилы начинает исчезать: уже во время войны 1954—1962 гг. не только молодые мужчины, но и девушки уходили в партизаны или вообще покидали родную деревню, часто против воли стариков. Помимо коранического права (шариата) у кабилы широко распространено обычное право («адат»), основанное на устной традиции и «урфе», т. е. на толковании традиционных обычаев местным джемаа.

Труднодоступность гористой Кабилии определила независимый характер ее населения, стойкость, выносливость и некоторую замкнутость кабилы. В то же время исключительная скудость почв в кабийских горах объясняет многое другое: относительную бедность большинства кабилы, выработавшуюся у них привычку к отходничеству ввиду невозможности всем прокормиться на родной земле, трудолюбие, бережливость. Все эти обстоятельства в известной мере обусловили многие особенности социальной жизни кабилы и их роли внутри алжирского общества. Поскольку, согласно мнению некоторых французских авторов, около 80 процентов кабийской молодежи выезжает на заработки во Францию, за последние десятилетия «здоровый смысл крепкого крестьянина» сочетается у кабилы с «марксистским влиянием профсоюзов». Другие же авторы указывают на наличие у кабилы «развитого коммерческого духа», на то, что они еще до начала войны 1954—1962 гг. во многих городах Кабилии выкупили у европейских дельцов почти все дома, лавки, магазины, кафе, отели, рестораны, парикмахерские, даже аптеки. Не секрет, что вообще среди алжирской национальной буржуазии, занятой преж-

де всего в торговле, сельском хозяйстве и сфере услуг, клоны составляют значительную часть, если не большинство.

...Наш поезд медленно пробирается меж холмов и обрывов Кабилии. На горизонте сверкают снежные вершины Джурджуры. Узкие дороги выются блестящими лентами, карабаясь все выше и выше к прилепившимся на вершинах гор небольшим селениям. На каменных домах крыши на европейский манер (а не плоские, как у арабов). Почва везде каменистая, песчаная или глинистая, с редкими пучками травы. Рощ и кустарников хватает, но обработанных полей мало. Однако иногда попадаются сады и небольшие клочки возделанной земли.

Кабильские ребяташки в большинстве светловолосые. В Палестро, Дра аль-Мизане, Бордж-Бу-Арреридже и на других станциях с веселым шумом и гамом снуют эти бойкие малыши, проявляя «развитый коммерческий дух»: торгуют всякой всячиной на платформе или влезают в вагон и пробегают по нему с громкими, побазарному призывными криками, рекламируя свой товар. Взрослые снисходительно посмеиваются, наблюдая за шустрой детворой. Мужчины — почти все в европейских костюмах и красных шешиа, иногда обмотанных белыми повязками. Женщины — с открытыми лицами. Кабилы обычно более коренастого телосложения и менее высокого роста, чем алжирские арабы. Но, как правило, по внешности их очень трудно различить. В частности, французский социолог Жан Сервье, родившийся и большую часть жизни проживший в Алжире, затруднялся это делать. Говорят кабилы мягко, несколько в нос, с придыханиями на бесконечно повторяющихся «т». Поэтому их язык всегда можно отличить от резкого и гортанного арабского.

Разумеется, наблюдения из окна вагона, лишь изредка останавливавшегося на затерянных в горах станциях, неизбежно поверхностны и не могут удовлетворить даже чисто туристический интерес. Поэтому, вернувшись в город Алжир, я решил специально съездить в Кабилию. Отвезти меня в центр области, город Тизи-Узу, взялся Иратни Слимман, плотный плечистый парень в старой кожаной куртке, надетой поверх толстого свитера.

Иратни Слимман — обладатель потрепанного «Пежо», курсирующего между столицей и Тизи-Узу. Его фами-

лия происходит, очевидно, от названия крупного кабийского племени айт-иратен (в переводе «сыновья Иратена»), прославившегося борьбой против колонизаторов в 1871 г. Но Иратни Слиман не подозревает об этом. Его дело — кормить семью, которая живет в Тизи-Узу, на бульваре Беллуа. Было странно видеть, что этот здоровый парень, очень ловко и умело действовавший за рулем, не мог даже расписаться. «А мне это не нужно. Я и так заработаю», — добродушно сообщил он мне. Будучи неграмотным, он тем не менее безукоризненно изъяснялся по-французски.

Шоссейная дорога сначала шла вдоль железнодорожного полотна, а потом — среди поросших кустарником зеленых холмов. Мы почти не встречали пропастей, обрывов, крупных скал. И все же нам то и дело попадались подъемы, спуски, виражи. Иногда над дорогой нависал крутой склон горы, а затем машина пронеслась по каменному виадуку над ущельем, по дну которого журчала мелкая, но быстрая речушка. Оглядываясь по сторонам, легко себе представить, как трудно было здесь действовать бронетанковым и механизированным частям карателей: местность в стороне от шоссе почти непроходима, дорога легко простреливается с холмов, взрыв моста или даже порча шоссе может перекрыть движение на несколько дней.

Названия небольших городов, встречающихся по пути (то ли поселков городского типа, то ли полугородов-полуселений), напоминают о битвах за национальное освобождение: в свое время и Мирабо и Бордж-Мепаль не сходили с первых полос французских газет и часто упоминались в листовках ФНО, сообщавших о столкновениях с колониальной полицией и войсками, об актах саботажа и диверсиях, осуществленных патриотами. Сейчас здесь все тихо. На ровных местах и даже на склонах холмов — аккуратно возделанные участки: пригодная для обработки земля тут на вес золота.

«Тизи» означает по-кабийски «холм». Но город стоит не на холме, а в низине. Над ним вздымаются холмы и горы. В многочисленных лавках — сувениры, керамика, свежие газеты, как алжирские, так и французские. Коммерческая деятельность протекает столь же спокойно, как и в других алжирских городах. Только торговцы проявляют побольше изворотливости в спорах о цене.

Почти через весь город тянется бульвар Беллуа, на котором стоит дом Иратни Слимана. Это довольно широкая пыльная улица, спускающаяся с одного из холмов и затем вновь ползущая вверх. В самом низком ее месте — площадь перед мэрией. От нее под прямым углом и еще больше вниз отходит улица Аббана Рамдана, одного из наиболее выдающихся руководителей алжирской революции, автора первой (Суммамской) программы ФНО, создавшего четкую структуру военно-политической организации повстанцев Кабилии (впоследствии эта структура легла в основу организации ФНО и Армии национального освобождения по всему Алжиру). Вплоть до своей гибели в 1958 г. Аббан Рамдан играл видную, если не решающую, роль в руководстве алжирской революцией. Кабилы считают его самым крупным организатором и теоретиком революции.

Улица Аббана Рамдана пересекает площадь, на которой стоит небольшая церковь. На площади — рынок под матерчатыми навесами. Торговля идет всякой мелочью, в основном старой одеждой. Церковь здесь — не просто след былого пребывания французов. Католическим миссионерам именно в Кабилии удалось обратить в христианство несколько тысяч человек (о драме этих людей, которых соотечественники считали отступниками от веры отцов, очень хорошо рассказал в своих произведениях Мулуд Фераун). Есть в Тизи-Узу и мечеть. Она больше церкви, украшена характерным для берберского искусства геометрическим орнаментом.

Большинство домов в городе — в один-два этажа. Над ними возвышаются два одиннадцатизэтажных оранжево-красных здания. Перед ними — небольшой сквер с пальмами. Старики-горожане и приезжие крестьяне одеты традиционно: красная (иногда белая) шешиа, напоминающий бурнус белый балахон или нечто вроде длинного серо-голубого сюртука. Прошествовавший по скверу старик в тюрбане и турецких шароварах выглядел чересчур экзотично, почти «по-тлемсенски». Женщины ходят с открытыми лицами, за исключением, как это ни странно, молодых девушек из богатых семей. Они даже за рулем собственного автомобиля не снимают хаика и лааджара.

Осмотреть Тизи-Узу можно за несколько часов. Сделав это, я вернулся на бульвар Беллуа, где встретился с

Общий вид Тизи-Узу

Иратни Слимано, только что сытно пообедавшим в кругу семьи. Он завел мотор, и мы с ним поехали обратно. По дороге он расспрашивал меня, как понравился мне его родной город, рассказывал, что большинство туристов стремятся почему-то ехать к морю или в Сахару, не понимая, что лучше гор нет ничего на свете. В столице мы с ним расстались после несколько оживленной дискуссии по вопросу о размерах платы за поездку (мой собеседник явно не страдал отсутствием «развитого коммерческого духа» и, не умея писать, прекрасно считал). Но, преодолев все разногласия, мы пришли к обоюдному соглашению. «Хорошего настроения на дорогу,— пожелал мне на прощание Иратни Слимано.— Приезжайте еще раз. Тогда мы сможем съездить высоко в горы».

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Всякий раз, возвращаясь в город Алжир, поражаясь тому, как гармонично сочетается в себе алжирская столица особенности и своеобразие различных районов страны. «Каждая область Алжира имеет свое лицо», говорил по приезде в Москву виднейший алжирский художник

ник Башир Йеллес.— Но в городе Алжире вы можете встретить все эти лица». Это свидетельство человека с утонченным зрительным восприятием, к тому же — уроженца Тлемсена, влюбленного в свой родной город, заслуживает всяческого внимания. Действительно, в алжирской столице находишь и фешенебельный модерн европейских кварталов Орана, и седую старину мусульманской части Константины, и специфический колорит мавританских лавок Тлемсена, и аромат Кабилии. Сюда стекается народ со всех концов страны: энергичные и предприимчивые кабилы (благо их край начинается в 50 км от города Алжира), закаленные суровой природой обитатели горно-степных восточных районов, трудолюбивые уроженцы западных областей. Город Алжир, многоликий и многообразный, всех принимает и перемешивает. Именно здесь больше всего можно говорить о единстве алжирской нации: в столице сливаются в единый сплав различные говоры, черты характера, бытовые особенности. Кроме того, в ней четче, чем в любом другом уголке страны, представляешь себе масштабы титанической борьбы всего алжирского народа за построение новой жизни.

На многих зданиях столицы и на специальных щитах вывешены плакаты: «Да здравствует социалистический Алжир!», «Уничтожить эксплуатацию человека человеком!», «Осуществить аграрную революцию!», «Искоренить буржуазию!», «Равномерно распределить богатства страны!». Последний лозунг имеет особое значение — он напоминает об усилиях правительства устранить неравномерность в распределении продовольствия и других ресурсов между различными областями страны, например между цветущим западом и гористым востоком.

На улицах Алжира еще можно встретить прожигающих жизнь щеголей, а в кафе и ресторанах иногда собираются шумные компании с пышно разодетыми дамами, прибывающие на великолепных автомобилях. Буржуазия еще есть в стране, а особенно в столице. Но ее время безвозвратно уходит в прошлое. Даже слово «буржуазия» стало в Алжире бранным. Сами буржуа его стыдятся и всячески от него отрекшиваются. В прессе даже писали о каком-то владельце кафе, который подал в суд на профсоюзную газету за то, что она назвала его «буржуа». Отмечались также случаи, когда собственники мелких

гостиниц, мастерских, лавочек, кафе нанимались на службу, чтобы иметь возможность именоваться «трудящимися».

Демократия и демократичность здесь — в большом почете. Однако одними выборами, митингами и речами новой жизни не построишь: нужны квалифицированные кадры, финансовые и технические средства. Во Франции и других странах учатся тысячи алжирских студентов, проходят стажировку и переподготовку высшие и средние служащие государственного аппарата и специалисты различного профиля. Но алжирцы отнюдь не желают уповать лишь на помощь извне. Они сами готовят инженеров, врачей, учителей, техников. По данным министерства социальных дел, Алжир, имевший летом 1963 г. одного врача на 44 тыс. человек, к июлю 1967 г. должен будет иметь одного врача на 5300 человек. Поставлена задача иметь одного врача на 800 человек. Но для этого министерство предполагает вначале создать «медицинскую службу социалистического типа»; пока что оно объявило набор в трехгодичные школы санитарных техников (т. е. фельдшеров), куда принимаются все, достигшие 17—24-х лет и имеющие начальное образование. Широко развернулось в стране профессионально-техническое обучение: техник, мастер, квалифицированный рабочий сейчас нужны не менее инженера.

При Алжирском университете существует Институт политических наук, в котором студентам читаются курсы юриспруденции, политэкономии, всеобщей и национальной истории, географии, современных социальных и экономических проблем. Официально о профиле выпусков ничего не сообщается, но совершенно ясно, что он готовит политические кадры для молодой республики. Они нужны и государственному аппарату, и общественным организациям, и партийному активу ФНО. Необходимость глубокого научного подхода к решению злободневных политических, социальных и экономических вопросов остро ощущается в Алжире после завоевания независимости, особенно после возникновения в народном хозяйстве значительного общественного сектора.

Алжирское студенчество настроено очень революционно. Оно поддерживает тесные связи с прогрессивными международными организациями — Всемирной федерацией демократической молодежи, Международным

союзом студентов. Среди студентов очень сильна тяга к идеям научного социализма, к марксистско-ленинскому объяснению процесса общественного развития. Мне пришлось присутствовать на организованной в студенческом клубе лекции советского эксперта тов. Бахтова об экономической помощи СССР развивающимся странам. Студенты слушали очень внимательно, а затем задавали вопросы, по характеру которых было легко догадаться, что они знакомы с основами марксистской политэкономии.

Марксистская литература весьма популярна в Алжире. Многие официальные органы ФНО периодически публикуют произведения классиков марксизма. Например, еженедельник «Аль-Муджахид» в ноябре 1963 г. опубликовал доклад В. И. Ленина о новой экономической политике, сделанный им в 1921 г. В тексте доклада жирным шрифтом были выделены абзацы, которые редакция еженедельника считала особо важными в применении к конкретным условиям Алжира. Мне самому не раз приходилось быть свидетелем того, как ответственные работники алжирских министерств выражали желание изучить литературу по научному социализму, прежде всего — произведения В. И. Ленина.

Экономическая, финансовая и техническая помощь социалистических стран Алжиру очень значительна. По подсчетам французских буржуазных экономистов, только помощь СССР составляет не менее пятой части всей помощи, получаемой Алжиром извне, и по своим размерам уступает только французской. Советские специалисты помогают налаживать работу простаивавших после войны 1954—1962 гг. алжирских предприятий. Советские геологи исследуют природные ресурсы Алжира. Советские преподаватели работают как в высших, так и в средних учебных заведениях Алжира. Алжирцы с восторгом отзываются о деятельности советских врачей, выполняющих иногда сложные операции в трудных условиях. В Алжире до сих пор поминают добрым словом советских минеров, обезвредивших около полутора миллионов мин, установленных колонизаторами на алжирской территории.

Официант в столичном ресторане, узнав, что мы из СССР, немедленно вспомнил, что советский врач, приехавший в глухую кабилскую деревушку, вылечил его

друга от, казалось, неизлечимой болезни. Шофер такси в Константине, останавливая машину около дома своего приятеля, с гордостью сообщал ему, что везет советского человека. На алжирских киноэкранах идут советские фильмы, а в витринах книжных магазинов во многих городах страны выставлены «Тихий Дон» и «Судьба человека» Шолохова, «Тишина» Бондарева, мемуары Эренбурга. Алжирские газеты постоянно пестрят сообщениями из Советского Союза, а материалы об Алжире в советской печати подаются алжирской прессой под рубрикой «Что говорят о нас наши друзья». За полтора месяца пребывания в Алжире я ни разу не слышал плохого отзыва о нашей стране и, наоборот, всюду замечал уважение и доверие к СССР.

Народ Алжира при поддержке всех прогрессивных сил мира строит новую, независимую жизнь. Наблюдателю со стороны вначале кажется, что это строительство происходит в обыденной, будничной обстановке. Но в трудовых буднях алжирцы сохраняют героический пафос тех дней, когда они с оружием в руках завоевывали право быть хозяевами своей судьбы. Алжирская революция продолжается.

ОТ ПИРАМИД К ВЫСОТНОЙ ПЛОТИНЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Величественные пирамиды, загадочный сфинкс на фоне солнечной желтизны бескрайних песков, характерные профили настенных росписей — таковы привычные символы Египта. Поэтому всякому прибывающему сюда впервые трудно избавиться от несколько сентиментального стремления везде выискивать следы одной из самых древних и самых ярких в истории человечества цивилизаций. И это вполне закономерно: не поняв всего величия неповторимого вклада древних египтян в мировую культуру, нельзя понять живую душу народа Объединенной Арабской Республики, источники его национального самосознания и национальной гордости, побуждающие к победоносному завершению борьбы с империализмом и неокOLONиализмом, к творческому созиданию новой жизни.

Память о могуществе Египта эпохи древних царств, о войнах и подвигах великих фараонов представляет собой как бы неотъемлемую часть современной жизни страны, особенно той жизни, которая прежде всего бросается в глаза туристу. Наиболее известные фрагменты настенных росписей древних храмов и гробниц часто можно увидеть в виде изящно выполненного барельефа на фасаде нового здания, графического рисунка на обложках только что отпечатанных книг, золотого тиснения на коже сумок и портмоне, чеканки на металлической посуде. Древнеегипетские сюжеты преобладают и в керамических изделиях местных ремесленников. В бесчисленных лавках почти любого города смотрят на вас изготовленные из бронзы, мрамора или глины головки царицы Нефертити, блиставшей красотой за полторы тысячи лет до

Клеопатры, статуэтка застывшего в меланхолической позе фараона Рамсеса II, фигура сидящего писца, известная по всем школьным учебникам истории древнего мира. В ювелирном магазине вам предлагают маленькую блестящую пирамиду на серебряной цепочке или медаль с профилем Нефертити, на рынке — искусно сделанный нож из слоновой кости с рукоятью в виде сражающегося фараона.

Проникнувшись своеобразным ощущением неразрывной связи древнего и современного Египта, весьма естественно совершить путешествие в эпоху фараонов. Лучше всего начать с посещения Национального, или Египетского, музея. Его рекомендуется осматривать несколько раз. Но даже побывав там однажды, трудно забыть впечатление, производимое подлинными боевыми колесницами фараонов, сокровищами царских гробниц, саркофагами, стелами, статуями из известняка, меди, дерева, черного гранита, керамическими изделиями, по которым можно судить об определенной преемственности традиций египетского ремесла. Все, о чем много приходилось читать раньше, выглядит здесь по-иному, создает ощущение конкретности и в то же время необъятности времени, прожитого человечеством в условиях цивилизации.

Например, золотые саркофаги и маски из гробницы фараона Тутанхамона поначалу не производят большого впечатления. И лишь постепенно проникаешься чувством восхищения перед людьми, создавшими это великолепие, ибо начинаешь понимать, что видишь не просто красивые вещи, а вещи, которым по меньшей мере 3300 лет. Становится ясно, что у людей всегда и всюду было развито чувство прекрасного, желание создавать красоту и наслаждаться ею, стремление отождествлять ее с добром и воплощать в красоте доброе начало.

В музее есть специальный зал мумий, за вход в который взимается дополнительная плата. Здесь покоятся мумии фараонов с раскрытыми лицами. К сожалению, время их не пощадило и лица большинства мумий не сохранились. Но, например, черты Рамсеса II, внимательно осмотрев его мумию, можно себе представить. Рамсес был горбонос, надо лбом у него — рыжеватая прядь (возможно, она изменила цвет за три с лишним тысячелетия). Во всяком случае, самый известный из древнеегипетских

фараонов, доживших до 97 лет, правивший 64 года и имевший 170 детей, очевидно, мало похож на все возмущающее и его честь гигантские статуи, где он изображен в удостоенно стилизованной манере.

Символом мощи Египта эпохи Древнего царства считаются пирамиды, выстроенные над могилами фараонов. Крупнейшая из них — пирамида Хуфу (или Хеопса) — когда-то достигала 146,5 метра в высоту, сейчас — 137 метров. Рядом с ней — пирамиды Хафра (Хефрена) и Менкаура (Микерина), поднимавшиеся соответственно на 143,5 (ныне 136 м) и 66 метров (ныне 65 м). Эти три пирамиды были сооружены в III тысячелетии до нашей эры. Они называются «пирамидами Гизы» (Гиза — окраинный юго-западный район Каира, заканчивающийся у пирамид).

Пирамиды еще издали весьма величественны, а вблизи их гораздо удобнее не обходить пешком, а объезжать на автомашине. Попытки некоторых туристов фотографироваться на фоне пирамид выглядят жалко: либо приходится стоять у самого основания (чтобы дать представление о грандиозности пирамиды), и тогда в кадр попадает лишь кусок стены, либо фотографировать пирамиды издали, что также не дает представления об их размерах.

В нескольких сотнях метров от пирамиды Хеопса — сфинкс. О нем, как и о пирамидах, рассказывать очень трудно: все это уже много раз описывалось, фотографировалось, зарисовывалось. Сфинкс выглядит именно так, каким его видишь в кинохронике, на картинах и фотографиях. Может быть, поэтому он кажется давно знакомым и поначалу не поражает ни размерами, ни внешним видом. Невольно обращаешь гораздо больше внимания на трещины и углубления в могучем теле сфинкса. Лишь при повторном осмотре обнаруживаешь, что у сфинкса исключительно выразительные лапы. Это — лапы не отдыхающего льва (как говорится в путеводителях), а скорее льва, готового к прыжку. А лицо сфинкса уже не кажется, как в первый раз, стертым от времени, мертвым и невыразительным. Нет, все выщербины и повреждения на нем теперь уже воспринимаются как морщины, шрамы и гримасы, как бы свидетельствующие, что это с виду спокойное и бесстрастное лицо способно выражать и другие чувства — боль, гнев, торжество, разочарование,

Статуи Рамсеса II в Луксорском храме

осуждение и прощение. Сфинкс в Гизе — это не только самая большая скульптура, созданная руками человека (20 м высоты и 80 м длины), но и одна из наиболее выразительных.

Путешествие в эпоху фараонов можно продолжить, посетив развалины столиц древнего Египта. Особенно интересно побывать в Луксоре, стоящем на месте древних Фив.

...Из окна самолета хорошо видна долина Нила: узкая зеленая полоса обжитой земли вдоль сероватой изогнутой ленты реки, а по обеим сторонам золотятся песчаные барханы. Но вот самолет идет на посадку, и через четверть часа мы в Луксоре, который еще Гомер называл «прекрасным городом ста ворот». Сейчас это небольшой городок, располагающий самым богатым в мире собранием древнеегипетских памятников.

Руины Луксорского храма, расположенного в центре города, вначале действуют угнетающе: двенадцатиметровые статуи стоящего фараона Рамсеса II, шестнадцатиметровая колоннада, даже обломки стен, поражающие своими размерами, создают впечатление фантастическое,

нереальное, словно переносят зрителя в мир сказочных великанов. Однако, постепенно привыкнув к необычайной объемности, начинаешь восхищаться: грандиозность храмов, статуй и колонн, призванная доказать всемогущество фараонов и их полновластие над жизнью и смертью подданных, фактически оборачивается гимном человеку — замечательным архитекторам, ваятелям, художникам и мастерам древнего Египта, его простым труженикам, создавшим все это великолепие с помощью самой скромной техники. Сколько таланта, сил и терпения было необходимо, чтобы вытесать капители колонн в виде распустившегося цветка лотоса, знаменитый обелиск из розового гранита, чтобы выполнить замечательные росписи о военных победах фараонов, торжественных шествиях, триумфах, сельских работах!

Еще более величественное зрелище представляет собой Карнакский храм, расположенный в нескольких километрах от Луксорского. Здесь гигантские колонны (некоторые высотой более 20 м и диаметром свыше 3 м), сплошь покрытые изумительными росписями (кое-где даже краски сохранились), образуют симметричные аллеи и сливаются в неповторимом ансамбле с полуразрушенными или сохранившимися обелисками из цветного гранита, скульптурами, барельефами, иероглифическими надписями. Многие надписи близки по характеру к яркой и пестрой декоративной живописи и, может быть, так и были задуманы древним художником.

Переезжаем на пароме в «город мертвых» на левый берег Нила. Здесь — руины многочисленных храмов, гораздо меньших по объему, чем Луксорский и Карнакский, но впечатляющих тонкостью выполнения росписей и барельефов. Из них самый большой — «Рамессеум», или храм Рамсеса II Великого, напоминающий издали развалины старой крепости, а вблизи — гигантский двор с хаотическим нагромождением обломков колонн и статуй. Уцелевшие стены храма покрыты росписями, изображающими сцены сражений Рамсеса II с хеттами. На одной из стен храма сохранились изображения 23 из 59 сыновей фараона. Среди руин «Рамессеума» выделяется самая большая в Египте (около 19 м в высоту) гранитная статуя Рамсеса, еще в VI в. до н. э. поваленная и поврежденная завоевателями-персами.

Интересен также храм царицы Хатшепсут — как бы

выдолбленные в гигантской скале три длинные открытые террасы с колоннадами, одна над другой. Росписи и скульптуры этого храма (ему 3500 лет) посвящены в основном жизнеописанию царицы Хатшепсут. Почти везде она изображена в виде мужчины, что должно было, по представлениям того времени, укрепить власть царицы. Многие изображения Хатшепсут не пощадило время. Некоторые были уничтожены сразу же после ее смерти при фараоне Тутмосе III, сыне и преемнике царицы, ненавидевшем свою мать.

В Тебесе (так именуется в местных справочниках «город мертвых») много и других достопримечательностей. На осмотр всех их нужно потратить не один день.

На обратном пути от Тебеса к Нилу проезжаем мимо двух сидящих гигантов — колоссов Мемнона. Это воздвигнутые чуть ли не за полторы тысячи лет до нашей эры статуи фараона Аменофиса IV. Когда-то они назывались «поющими», ибо издавали при восходе солнца (очевидно, от вибрации камня) звук, подобный голосу человека. Но еще во времена римского владычества «пение» колоссов прекратилось после неумелой починки (землетрясением один из колоссов был серьезно поврежден). Колоссы производят грандиозное впечатление. Они **очень** разрушены и выветрены, особенно вверху: лицо, руки, грудь только угадываются. И тем не менее очень живо представляешь себе, какими же были эти двадцатиметровые каменные гиганты раньше.

Самое главное в «городе мертвых» — это бесчисленные гробницы, особенно гробницы 40 фараонов в знаменитой «Долине царей». Живопись и внутренняя отделка царских гробниц поражают тонкостью и изысканностью исполнения, совершенством работы древних мастеров. Великолепны филигранная графическая роспись гробницы Аменофиса II, яркое и пышное украшение усыпальницы Сети I, роскошный саркофаг в известной египтологам всего мира гробнице Тутанхамона. Наибольшее впечатление редкостным сочетанием красок (черной, белой, золотистой, красной, голубой, коричневой и др.), четкостью рисунка и настенных надписей производит гробница Сети I. Гробница Аменофиса II запоминается изумительно сохранившимся, будто только вчера законченным небесно-синим потолком с золотыми звездочками.

Разумеется, все рассказанное об имеющих всемирное

значение исторических памятниках Луксора представля-ет лишь часть того, что там можно увидеть. Каждый при-езжающий в ОАР иностранец стремится хоть одним глаз-ком взглянуть на археологические богатства, представ-ляющие собой национальную гордость египетского народа. «Тот, кто не был в Луксоре, не видел Египта»,— говорят здесь. Луксор — это память о древнем величии страны. Справедливо гордясь им, народ ОАР, сбросив-ший оковы колониальной летаргии, стремится сегодня возродить свое национальное величие. Поэтому, закон-чив рассказом о Луксоре путешествие в блистательное прошлое долины Нила, мы переходим к рассказу о се-годняшнем ее дне.

КАИРСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Автомобиль мчит нас с аэродрома в город. Каир воз-никает внезапно, надвигаясь на пустыню новыми квар-талами Гелиополиса. Дома, преимущественно окрашен-ные в различные оттенки песочного цвета, довольно разнообразны: строгие здания чередуются с претенциоз-ными виллами. Но вместе они создают удивительное впе-чатление единого ансамбля. И это — несмотря на исклю-чительную разностильность каирского зодчества: здесь встречаются дома вполне парижского, римского, турец-кого, арабского или африканского стиля. Попадающиеся изредка коптские церкви по архитектуре напоминают ар-мянские.

После выезда из Гелиополиса долго едем по длинной, то широкой, то суженной, пестрящей вывесками и рек-ламными щитами улице Рамсеса II. На привокзальной площади — гигантская статуя самого фараона.

Сворачиваем на главную магистраль города — про-спект 26 июля (в этот день в 1952 г. отрекся от престола последний правивший в стране монарх — король Фарук) и, пересекая пыльный район Булак, в прошлом извест-ный своими типографиями, а ныне примечательный лишь множеством старых лавок, выезжаем на берег широко-го и спокойного Нила. В глазах рябит от отблесков солн-ца, отражающегося в медленно текущей мутноватой се-ро-зеленой воде. Через гигантский мост (тоже имени 26 июля) попадаем на остров Гезиру, северная часть ко-

Каир. Отель «Хилтон»

торого занята бывшим аристократическим районом Замалек, а южная — огромным парком.

В Замалеке утопают в зелени здания посольств и иностранных миссий. На улицах — много иностранцев, среди которых выделяются индийские женщины в цветных сари. Ближе к улице 26 июля чаще встречаются военнослужащие — здесь расположен офицерский клуб, сыгравший значительную роль в подготовке июльской революции 1952 г.

Парк Гезиры стал доступен египтянам лишь после революции 1952 г. Раньше его посещение было привилегией англичан, не пускавших сюда даже премьер-министров египетского правительства. Рядом с парком — знаменитая Каирская башня: двухсотметровый цилиндр, как бы закованный в белокаменную решетку. Со смотровой площадки башни можно полюбоваться видом города. Отсюда хорошо видны расположенная у подножия горы Мухаттам и господствующая над старинными кварталами старая крепость — цитадель с длинными, как копы, минаретами изящной мечети Мухаммеда Али, густо застроенный правый берег Нила с великолепными отелями

«Хилтон» и «Шеппард», изображения которых глядят на вас с тысяч красочных рекламных открыток местного производства. Южнее, вверх по Нилу, — остров Рода с дворцом Маниаль, а на левом берегу — все разрастающиеся районы Агуза, Докки, Гиза. В самом конце Гизы виднеются пирамиды.

При первом знакомстве с Каиром прежде всего бросаются в глаза его разнообразие и многостильность, гораздо более явно выраженные, чем в Тунисе, Триполи, Алжире. Здесь друг с другом соседствуют узкие кривые улочки старых кварталов и широкие прямые магистрали в центре города, здания, стилизованные под средневековую мусульманскую архитектуру, и последние достижения западного модерна. Торговые ряды в районе Хан аль-Халили напоминают одновременно тунисский сук и среднеазиатский базар. Каирские мечети приводят на память скорее Бухару и Самарканд, нежели Африку, но каирские небоскребы не дают забыть и о западном влиянии. Азия и Африка, встречаясь здесь с Европой, не теряют своей самобытности, а порождают оригинальные сочетания местного и заимствованного, национального колорита и интернационального универсализма. Чернокожий африканец и светловолосый европеец, мусульманин из Пакистана и католический патер, бедуин и коптский священник, оказавшись рядом, ничуть не удивляются этому. Такое положение вполне естественно для страны, в которой с глубокой древности не существовало расовой нетерпимости и в истории которой видную роль играли представители других народов — эфиопы, ливийцы, греки, персы, курды, турки, уроженцы Средней Азии, албанцы, грузины, черкесы, абхазцы. Потомки их давно смешались с коренным населением, и сейчас их не отличишь от «чистых» обладателей «древнефараонического» профиля или тех, чьи предки пришли в Египет из пустынь Аравийского полуострова.

Египтяне очень разные и по внешности, и по манере вести себя, и по одежде. Если тунисцы прежде всего любезны, ливийцы — сдержанны, а алжирцы — преисполнены чувства собственного достоинства, то в характере египтян, как мне показалось на первый взгляд, трудно выделить сразу какую-либо преобладающую черту. Им, пожалуй, свойственно держаться с большей свободой, чем несколько застенчивым магрибинцам. Иногда свободные

манеры переходят в небрежность: каирскому щеголю, например, ничего не стоит пройтись по Замалеку с локтем, вымазанным известкой. Но щеголи не составляют большинства каирцев, среди которых преобладает трудовой люд в засаленных комбинезонах, кожаных куртках, доверху застегнутых (несмотря на 23 градуса тепла в январе) пальто и разноцветных, чаще всего полосатых, балахонах — галабиях. Среди них снуют шустрые, быстроглазые и почти сказочно предприимчивые ребяташки.

Достопримечательностью Каира являются местные привратники-бавабы. Обычно это — славящиеся своей честностью темнокожие нубийцы в белых тюрбанах и длинных белых, темно-коричневых или синих галабиях. Они величественно восседают у входа в дом, строго оглядывая, а иногда и расспрашивая всех входящих. Как правило, в их распоряжении несколько помощников помоложе, в галабиях похуже. Помощники подметают улицу, моют лестницу, носят бавабу кофе и чистят ему ботинки. У каирских бавабов есть и помощницы. Но характерно, что в Египте всю «черную» домашнюю работу (мойку полов, стирку и т. п.) делают мужчины. Если при этом обратить внимание на то, что почти все египтянки — с открытыми лицами, то может возникнуть впечатление, что положение женщин в ОАР лучше, чем в других арабских странах. Официально это так, а что делается дома, в семейном кругу, об этом, конечно, ни один уважающий себя мусульманин болтать не станет.

Если от площади Ат-Тахрир проехать по фешенебельной улице Каср ан-Ниль, попадешь в самый центральный пункт города — сквер Аль-Эзбекия (названный в честь одного из мамлюкских эмиров — Эзбека; среди мамлюков, правивших Египтом в средние века, было немало выходцев из Средней Азии). Рядом со сквером — оперный театр, открытый к моменту завершения строительства Суэцкого канала в 1869 г. От оперного театра, вернее — от стоящей перед ним бронзовой статуи знаменитого полководца Ибрахим-паши, ведет длинная прямая улица Аль-Гумхурийя, упирающаяся в площадь того же названия («Гумхурийя» означает «республика»). На площади — большой дворец с решетчатой оградой. У ворот — вооруженная охрана.

Это Абдинский дворец, служивший в свое время зимней резиденцией последнего египетского короля Фараука.

Сейчас одно крыло дворца отведено под военный музей, другое — под «гражданский» музей, который лучше всего было бы назвать «музей свергнутой монархии». Внутри дворца — умопомрачительная роскошь: белые мраморные лестницы с золочеными перилами из хрусталя, бесконечные анфилады кабинетов, гостиных, спален, столовых, будуаров с вызолоченными потолками и дверями. Мебель, ковры, различная утварь, роспись на стенах — все очень богато, но безвкусно и разностильно. В целом посещение дворца производит тяжелое впечатление: король и его семейство купались в роскоши, в то время как народ голодал, страдал от болезней и нищеты, не имел возможности обеспечить себе минимум сносного существования. Хочется скорее уйти туда, где можно увидеть все лучшее в современной жизни ОАР.

Каир — общепризнанный центр культуры не только ОАР, но и всего Арабского Востока. Здесь сосредоточены лучшие в арабских странах библиотеки, музеи, киностудии, театральные и музыкальные коллективы. В центре города, на площади Ат-Тахрир, находится Национальный музей, о посещении которого уже было сказано. Недалеко от музея — резиденция Лиги арабских стран. Сотрудник отдела рукописей Лиги Муталиб Рашад рассказал нам о том, как тщательно собираются и учитываются арабские рукописи, как внимательно фиксируются все публикации и переводы рукописных материалов на арабском языке, вышедшие в любой стране мира. Особый интерес проявляют в Каире к работе над арабскими рукописями в Советском Союзе, хранилища которого располагают богатейшими фондами арабских рукописей.

В Гизе расположен Каирский университет. Недалеко от университета высится знаменитая группа скульптора Мухтара «Пробуждающийся Египет» — женщина, положившая руку на тревожно поднятую голову сфинкса. Темно-оранжевые здания 12 факультетов, имеющих в общей сложности 2 тыс. преподавателей и 33 тыс. студентов, раскинулись на огромной территории за черной стрельчатой оградой. На главном здании, прямо перед воротами, купол с национальным флагом и гербом ОАР в виде орла. Большой круглый двор перед главным зданием заполнен студентами, готовящимися к экзаменам. При этом девушки (здесь их довольно много) зубрят особенно рьяно, разложив учебники на скамейках, на сту-

пеньках лестницы, на крыле стоящего у ворот автомобиля. Юноши, как и всюду, относятся к экзаменам спокойно и подшучивают над усердием своих друзей.

История и современные проблемы арабских стран изучаются здесь на факультете искусств, факультете экономики и политических наук. Начальник департамента (т. е. заведующий кафедрой) истории факультета искусств д-р Мухаммед Анис сообщил нам, что в настоящее время во всех университетах ОАР основное внимание уделяется преподаванию истории египетского народа, а не правивших страной династий. Но это встречает сопротивление буржуазных профессоров, работающих в американских университетах Бейрута и Каира, а также в Лондонской школе азиатских и африканских проблем. Тем не менее новое направление пробивает себе дорогу. С 1955 г. главное внимание уделяется изучению национально-освободительного движения в Египте и других арабских странах.

На факультете сейчас — около 9 тыс. студентов. Они живо интересуются Великой Октябрьской революцией и вообще историей СССР, помощью Советского Союза развивающимся странам. Студенты и преподаватели высоко ценят поддержку, оказываемую ОАР Советским Союзом. Вместе с тем историки, экономисты и социологи, преподающие в университете, уже сейчас занялись исследованием того, что они называют «арабским путем к социализму». В центре их внимания — будущее национального капитализма в ОАР, анализ отношений между национальной буржуазией и другими классами, теория и практика арабского национализма. В этой связи д-р Анис выразил надежду на то, что работы советских исследователей, посвященные арабским странам, будут в скором времени переведены на языки, имеющие хождение в ОАР (арабский, английский, французский). «Мы думаем, — сказал д-р Анис, — что к социализму ведет много путей, но главные черты социализма — всюду одни и те же». Д-р Анис, внимательно следящий за работами советских арабистов, высоко оценивает труды А. Ф. Ротштейна. Он даже поинтересовался, не опубликованы ли мемуары А. Ф. Ротштейна о его встречах с лидерами египетских патриотов Мустафой Кямилом и Мухаммедом Фаридом.

Весьма солидное впечатление производит университетская библиотека. Она имеет ряд специализированных

читальных залов. Есть зал иностранной литературы, зал арабских стран и «арабского социализма», зал гуманитарных наук и т. п. На одной из книжных полок (не помню, в каком уже зале) мы обнаружили энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона на русском языке, изданный в 1890—1907 гг. Литературы на русском языке или хотя бы советской литературы на иностранных языках очень и очень мало, но русский язык сейчас усердно изучается. Некоторые молодые преподаватели и ассистенты, как нам говорили, настолько владеют русским языком, что свободно читают и переводят соответствующие учебные пособия. На каждом факультете есть своя библиотека с читальным залом.

В северо-восточной части Каира расположен второй по значению университет столицы — Айн-Шамс, основанный в 1950 г. На 9 факультетах обучаются 36 тыс. студентов (в том числе 2 тыс. из 33 стран Азии, Африки и Европы). Есть специальный «факультет девушек», хотя, разумеется, и на других факультетах имеются студентки. Во всяком случае, во дворе университета девушки явно преобладали. Среди 724 преподавателей университета Айн-Шамс — восемь советских граждан, а также представители профессуры Югославии, Индии, Франции. На двух факультетах читаются курсы всеобщей истории, экономической истории, истории Египта и арабского мира, а также особые лекции по темам «политические институты» и «теория истории». Обязательны «национальные курсы»: арабский социализм, арабское общество, июльская революция 1952 г. В беседе с проректором университета д-ром Ахмедом Иззатом Абд аль-Керимом выяснилось, что профессора и преподаватели проявляют большой интерес к научным исследованиям, ведущимся в СССР, и к советским учебным пособиям. Д-р Иззат Абд аль-Керим высказался за широкий обмен преподавателями, аспирантами и студентами между СССР и ОАР. Сам он, будучи специалистом по средневековой и новой истории арабских стран, особенно интересовался работами советских авторов по истории феодализма в Египте.

Общественным наукам в ОАР уделяется значительное внимание. При каждом университете планируется создать в ближайшее время научный институт социальных исследований. Уже создан Центр изучения национальной истории, который заново пересматривает всю египетскую

историографию и составляет официальный проект нового курса истории страны. Центр подразделяется на комитеты экономической, культурной, социальной и политической истории. Историков, социологов и экономистов, работающих в этих комитетах, волнуют самые острые проблемы современного этапа развития ОАР. В частности, в беседах с советскими историками некоторые египетские ученые-обществоведы затрагивали вопрос о роли религии при социализме, касались проблемы политической организации масс в социалистическом обществе, интересовались путями социалистического преобразования аграрных отношений и новыми возможностями движения к социализму в молодых афро-азиатских странах.

В этой связи для общественности ОАР характерен все возрастающий интерес к достижениям науки и культуры в СССР. Мы в этом убедились во время встречи с представителями каирской интеллигенции в советском культурном центре. Журналисты, литераторы, преподаватели, работники различных культурных учреждений живо интересовались исследованиями советских ученых в области арабистики вообще и современных проблем ОАР в особенности, положением ислама и верующих мусульман в СССР, успехами науки и просвещения в республиках Закавказья и Средней Азии. Выступивший на встрече генеральный директор Национальной библиотеки и Национального архива ОАР Абд аль-Монеим Омар подчеркнул необходимость налаживания постоянных связей между возглавляемыми им учреждениями и библиотеками Советского Союза, регулярного обмена литературой, каталогами, микрофильмами рукописей и редких книг. Другие выступавшие затрагивали проблемы взаимного перевода, научной информации и научного обмена. Беседы с журналистами также свидетельствовали о большом интересе общественности ОАР к советским исследованиям по жизненно важным для арабов вопросам.

КАНАЛ И ДЕЛЬТА

Кроме Каира нам удалось побывать на африканском берегу Суэцкого канала в районе Исмаилии и во втором по величине городе страны — Александрии, расположенном в центре нильской дельты. Зона Суэцкого кана-

ла и дельта Нила — это экономически наиболее развитые и густонаселенные области страны. По ним можно судить о том, как живет большинство египтян, феллахов и горожан. Здесь расположены самые большие города, самые крупные периферийные предприятия.

Дорога к Суэцкому каналу проходит через пустыню. Издали все время кажется, что на блестящем асфальте дороги, а иногда и в стороне от нее разлита вода. Но по мере приближения мираж исчезает. Вокруг — ни селения, ни деревца, ни кустика. Все неопределенного желто-серого песчаного цвета. В этот же цвет выкрашена форма солдат, сидящих в обгоняющих нас военных грузовиках. Если наша машина останавливается, то проезжающая мимо обязательно тормозит и водитель спрашивается, не нужна ли помощь. Такова солидарность автомобилистов в пустыне.

Въезд в Исмаилию напоминает въезд в Габес: почти такие же пальмы, густая листва садов, общее впечатление цветущего оазиса, невысокие дома. После шумного, огромного и преисполненного контрастов Каира утопающая в зелени тихая небольшая Исмаилия производит очень приятное впечатление. За мощными оградами среди пальм и садов прячутся изящные виллы, в свое время выстроенные французскими чиновниками печальной памяти компании Суэцкого канала, национализация которой в 1956 г. привела к англо-франко-израильской агрессии против Египта. На берегу красивого озера Тимсах — клубы и рестхаузы, придающие городу вид курортного местечка. По узкой (всего около 200 м шириной) полосе вытекающего из озера канала медленно проплывают черно-белые корпуса огромных судов. За несколько часов мы насчитали семь таких гигантов с разными флагами: египетским, шведским, французским, японским, итальянским. При проходе через канал груженого судна за каждую тонну взимается 40 пиастров, при проходе пустого судна — 25 пиастров. В среднем государство получает в год, таким образом, примерно 70 млн. египетских фунтов, в том числе около 50 млн. фунтов чистого дохода.

Важным экономическим и стратегическим значением Суэцкого канала объясняется ожесточенность борьбы за него в прошлом. Следы этой борьбы видны в Исмаилии и сейчас: в память о подвиге солдат полицейских частей

«булук низам», с оружием в руках отбивавшихся в январе 1952 г. от окруживших их казармы английских войск, в городе сооружен монумент. С отражением тройственной агрессии в ноябре 1956 г. борьба за обладание Суэцким каналом окончательно завершилась победой египетского народа. С тех пор вся полнота власти в зоне канала принадлежит назначенному национальным правительством страны главному управлению, резиденция которого находится в Исмаилии.

Раньше большинство лодманов на канале были иностранцами, работавшими за подлинно министерские оклады. Теперь с этим покончено. Республика воспитывает национальные кадры, успешно работающие почти во всех отраслях экономики страны. Эксплуатацию Суэцкого канала вполне можно считать одной из важных сфер египетского хозяйства.

...Великолепное шоссе Каир — Александрия пересекает запутанную сеть рукавов и каналов нильской дельты. По обе стороны — деревни с домами из кирпича или серо-коричневого камня, крытыми соломой или лохматым дерном. Повсюду — посевы хлопка, риса, кое-где даже мелькает картофель. Поля, рощи и селения выглядят совсем не по-африкански, скорее по-южнорусски. Особой разницы в одежде жителей по сравнению с Каиром незаметно. Многие носят высокие фески-торбуши и, независимо от возраста, передвигаются на велосипедах. Раза два промелькнула вывеска со словом «таавун» («кооператив»). Среди стоящих у шоссе домов — немало новых, по виду напоминающих скорее городские, нежели сельские постройки. Еще больше новых домов можно увидеть, если поехать из Каира в Александрию другой дорогой (мы ею возвращались обратно). Она проходит вблизи провинции Ат-Тахрир, созданной на недавно отвоеванных у пустыни землях. Но здесь ехать труднее: пустыня подступает к шоссе вплотную, дующий из пустыни ветер запорашивает шоссе песком.

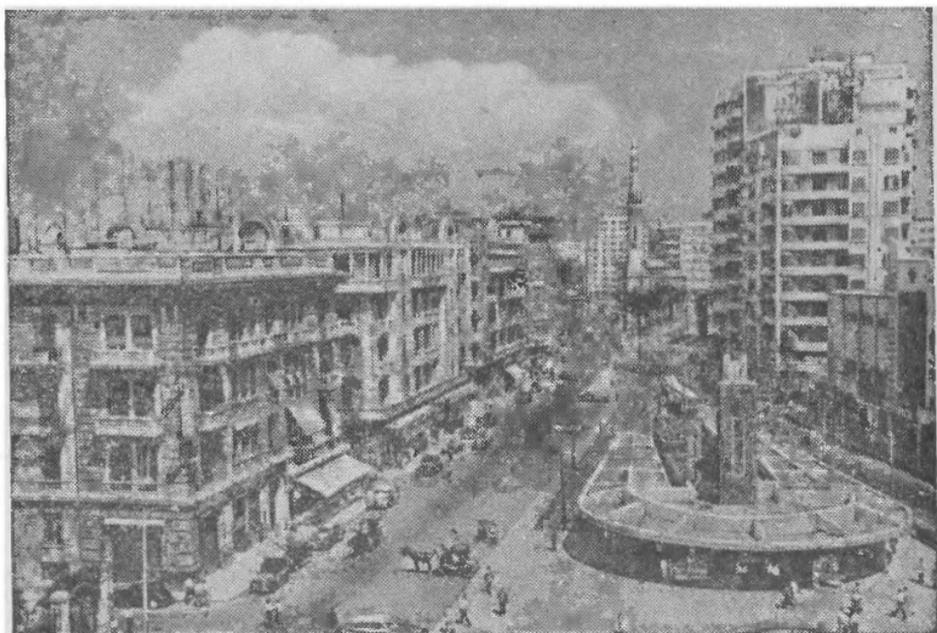
Сразу при въезде в Александрию бросаются в глаза современная европейская архитектура, прямые улицы, расходящиеся под правильным углом, церкви, стилизованные под мечети, обилие греческих, итальянских и армянских фамилий на вывесках. Город расположен на широкой косе между Средиземным морем и озером Мариут. К морю обращены северные европеизированные

квартиры, к озеру — южный «старый» город с разбросанными среди кривых улиц и традиционных мусульманских домов следами эпохи эллинизма и древнеримского владычества. Общий облик «Алекса» (как часто называют египтяне Александрию) сходен с внешним видом других крупных портов Средиземноморья: огромное полукольцо набережной напоминает триполийскую Лунгомаре, розоватые и светло-оранжевые небоскребы выглядят почти по-алжирски, а прибрежные виллы и сады — почти по-тунисски.

Из полутора миллионов жителей города свыше 60 тыс. европейцев. На «Алекс» приходится 80 процентов импорта и экспорта ОАР. Ежегодно сюда заходит до 6 тыс. судов разных стран. Порт Александрии — третий в мире по тоннажу торговых судов, а его акватория — первая по поверхности спокойной воды (750 га, в то время как в Генуе — 200 га, а в Марселе — 180 га).

К числу достопримечательностей города относятся большой аквариум с самыми различными видами рыб Нила, Средиземного и Красного морей (наиболее поразительны летающая рыба, рыба-лев и др.) и греко-римский музей, при посещении которого особенно хорошо чувствуешь, что Александрия всегда была для Египта не только крупнейшим портом, но и окном в Средиземноморье, связующим звеном между цивилизацией долины Нила и античными цивилизациями Греции и Рима. Древние камни с полустертymi надписями, архитектурные и декоративные фрагменты, саркофаги, статуи, керамика свидетельствуют во многих случаях не только о привнесении элементов древнегреческой и древнеримской культуры в дельту Нила, но и происходившем здесь своеобразном синтезе, взаимовлиянии и взаимопроникновении античных культур Южной Европы и Древнего Египта.

К сожалению, не все экспонаты музея, особенно наиболее древние, хорошо сохранились до наших дней. Однако служителей в черной форме и беретах военного типа это мало волнует. Они на все отвечают «маалейш» (примерный перевод — «ничего», «так сойдет», «ладно») и «муш мухимм» («неважно»). Словечко «маалейш» вообще очень употребительно. У большинства египтян его можно слышать через каждые два-три слова. Выражает оно не столько безразличие, сколько беззаботность, несходительность, несколько показное и насмешливое лег-

Площадь Саада Заглула в Александрии

комыслие, с помощью которого египтяне любят отмахиваться от всевозможных трудноразрешимых проблем.

Весьма любопытен расположенный за городской чертой Александрии дворец Мунтаза — одна из летних резиденций последнего короля: огромный парк с пальмами и газонами, благоустроенные купальни в глубине тихой дугообразной бухты, трехэтажное безвкусное здание с красно-кирпичной лепкой и латинскими литерами «F» по оранжево-серому и розоватому фону. Дворец выстроен итальянскими архитекторами в 1926 г. в сугубо эклектичном стиле: в мозаике и скульптурных украшениях преобладают западноевропейские традиции, но по фасаду — восточный орнамент, арабские арки соседствуют с отдаленными подобиями химер Нотр-Дам. Внутри дворца — кричащая аляповатая роскошь покоев короля, обеих королев, принцесс и наследного принца. В комнатах Фарука — мундиры всех родов войск и портреты их обладателя, похожего на сытого кота с лихо закрученными усами. Убранство его комнат (как, впрочем, и в Абдинском дворце в Каире) удручающе однообразно: внешний

блеск, безвкусица, убожество воображения. Только такую нелестную память оставил после себя этот буквально бесившийся с жиру деспот, низвергнутый революцией 1952 г.

«Алекс» — это своего рода европеизированная витрина страны и одновременно окно на Запад. На улицах города неарабская речь слышится чаще, чем в других местах страны, а газет на западноевропейских языках продается больше. В городе очень много иностранных консульств, христианских миссий и церквей. Местные дамы демонстрируют новейшие европейские моды. Район Мамура сплошь застроен роскошными виллами, по выражению одного из местных старожилов, — «абстрактными по форме, конкретными по назначению». Памятники хедиву Исмаилу и крупному государственному деятелю Сааду Заглулу возведены по образцу памятника Виктору-Эммануилу в Риме — с мраморной лестницей и белой колоннадой.

В бесчисленных магазинах, лавках, кафе и закусочных Александрии иногда можно услышать русскую речь: здесь, как и в Каире, работают советские специалисты, помогающие народу ОАР строить независимую национальную экономику. Несколько тысяч советских инженеров, экономистов, техников и просто квалифицированных рабочих самоотверженно трудятся на десятках предприятий и строек в различных городах ОАР. Но, разумеется, больше всего их на строительстве высотной Асуанской плотины.

УКРОЩЕНИЕ НИЛА

Старый могучий Нил укрощается в Асуане, до которого надо ехать поездом из Каира всю ночь. Это — маленький пыльный городок, всего на полтора-два километра растянувшийся вдоль берега и окруженный наступающей на него каменной пустыней. Всего в 65 километрах к югу от Асуана проходит тропик Рака. И надо сказать, что дыхание экваториальной зоны здесь весьма ощутимо: 28 градусов тепла в январе, исключительная сухость воздуха. На противоположном, левом, берегу Нила — мавзолей умершего исмаилитского «бога» Ага-хана III, с белым мраморным надгробием. Другая местная досто-

примечательность — каменоломни фараонов, в которых почти четыре тысячи лет назад добывался асуанский гранит, использовавшийся при возведении храмов и обелисков в Фивах и других городах древнего Египта. Некоторые незаконченные обелиски так и остались лежать в каменоломнях.

«Если ты не побывал в Асуане, то не видел Египта», — так теперь перефразировали поговорку о Луксоре. И это действительно так, ибо современный облик страны наиболее ярко воплощен в возводимой под Асуаном высотной плотине, напоминающей о талантливости и трудолюбии египтян, об успешном решении ими стоящих перед страной сложных технико-экономических проблем, а также о многосторонней и плодотворной дружбе между народами СССР и ОАР. Нам удалось собственными глазами увидеть, как рождается это грандиозное сооружение, которому предстоит сыграть выдающуюся роль в экономическом обновлении ОАР. Достаточно сказать, что с завершением строительства Садд аль-Аали (так называют египтяне высотную Асуанскую плотину) годовое производство электроэнергии в ОАР, ныне составляющее около 2 млрд. квт·ч, будет доведено до 12 млрд. квт·ч, площадь посевных площадей увеличится на 1,3 млн. федданов¹ (т. е. в полтора раза), а еще 700 тыс. федданов будут переведены на годичный цикл орошения, что даст возможность снимать более одного урожая в год. Годовой национальный доход ОАР в результате строительства высотной плотины возрастет на 234 млн. египетских фунтов.

Поездка на строительство высотной плотины теперь входит во все туристические маршруты по ОАР. У панорамы строительства в Асуане полным-полно американских, английских и западногерманских туристов. Перед спуском к огромной территории стройки — дощечка с надписью: «Посетителям вход воспрещен». Имеются в виду в первую очередь «посетители» с Запада, среди которых немало тех, кто не хотел бы успешного завершения строительства плотины.

Стройка идет полным ходом. Перекрытый Нил очень недоволен этим, шумит и бурлит. Внутри гигантской насыпи, образующей основу плотины, прорыты туннели, в

¹ Феддан равен 0,42 га.

которых ездят грузовые и легковые автомобили, ведутся различные работы.

Советские и египетские сварщики и монтажники совместно работают на четырех уже доставленных (из двенадцати запроектированных) агрегатах. Мы беседовали с занятыми на строительстве советскими специалистами и прорабами участков. Сейчас на строительстве Садд аль-Аали занято 30 тыс. египтян и 900 советских специалистов. Сварщики-египтяне, набранные в свое время из феллахов окрестных деревень, овладели своей профессией за годы учебы у советских коллег. Сейчас они получают по 30—36 фунтов в месяц (т. е. столько же, сколько начинающий инженер). Вообще египтяне стремятся выполнить максимум работ на стройке своими силами. Поэтому ясно, какое значение имеет для них подготовка собственных кадров.

Мы побывали в местном центре профессионально-технического обучения, где вместе с преподавателями-египтянами работают 43 советских инженера и техника, а также 16 советских переводчиков. Центр существует с 1963 г.; он готовит квалифицированных механиков, техников и монтажников пяти основных специальностей. В нескольких корпусах центра — классы, лаборатории, хорошо оснащенные аппаратурой и наглядными пособиями. В 1964 г. центр подготовил 250, а в 1965 г. — 1500 квалифицированных специалистов. Срок обучения в среднем не превышает девяти месяцев. Здесь же готовятся кадры преподавателей-египтян для еще более широкого развертывания системы профессионально-технического обучения. Существуют также курсы повышения квалификации без отрыва от производства. К 1966 г. на стройке подготовлено в общей сложности около 10 тыс. квалифицированных рабочих. Многие из них работают сейчас в других районах страны. Садд аль-Аали стала подлинной кузницей национальных кадров ОАР.

Завершение строительства Садд-аль-Аали и сооружение на ней гидроэлектростанции будет иметь огромное значение для развития промышленности ОАР. В самых различных районах страны предполагается организовать промышленное использование асуанской электроэнергии. Проезжая из одного рабочего поселка под Асуаном в другой (здесь три поселка — «Сахара», «Кима» и «Силь» — с клубами, столовыми, кинотеатрами; в них

живут с семьями советские и египетские специалисты), можно увидеть палатки в пустыне: это советские специалисты тянут линии электропередач на Каир. Общая их протяженность составит 2520 километров. Кроме того, предполагается обеспечить потребление электроэнергии на месте: в Асуане проектируется строительство при содействии Польши алюминиевого завода (он один будет забирать в год 4—5 млрд. квт·ч) и завода электрометаллургии. В настоящее время добываемая в 15 километрах от Асуана железная руда идет на Хелуанский металлургический комбинат под Каиром.

Кусочек будущего ОАР увидели мы и во время поездки в Ком-Омбо, селение, расположенное в нескольких десятках километров от Асуана. Дорога шла через так называемую Новую Нубию, т. е. через новые и благоустроенные поселки, в которые переселены нубийцы из районов, подлежащих затоплению после завершения асуанской стройки. Как нам рассказывали, нубийских крестьян долго уговаривали переселиться в район Ком-Омбо. Им сохранили названия деревень, порядок расселения по домам (так, чтобы у каждого слева и справа был тот же сосед, что и раньше). Поселки Новой Нубии аккуратно спланированы, электрифицированы, в каждом — школа, больница, почта, социальный центр. Земли нубийцы на новых местах получили даже несколько больше, чем имели раньше. На прорытых оросительных каналах будут установлены насосы. Кое-где они уже действуют, вытесняя тысячелетние сакии или шадуфы¹, мало изменившиеся со времен фараонов. Иногда нам попадались и старые нубийские деревни: ветхие дома без окон, с крышами из тростниковой соломы, торчащие журавли шадуфов и медленно вращающиеся сакии.

Мы заехали на насосную станцию в Ком-Омбо. Сейчас она способствует орошению 70 тыс. федданов земли, но после завершения строительства Садд аль-Аали будет расширена и распространит свою деятельность на площадь в 150 тыс. федданов. С 1962 г. станция является собственностью государства. До национализации 130 рабочих станции получали в месяц менее 4 фунтов (в день 12,5 пиастра), сейчас их заработная плата воз-

¹ Сакия — оросительное колесо с черпаками. Шадуф — примитивный водоподъемный механизм с журавлем.

росла в три раза — до 12 фунтов ежемесячно (около 37 пиастров в день). Главный механик станции — русский эмигрант, проживший в Египте свыше 40 лет. Его дети, изучающие русский язык в Александрийском университете, мечтают о поездке в СССР.

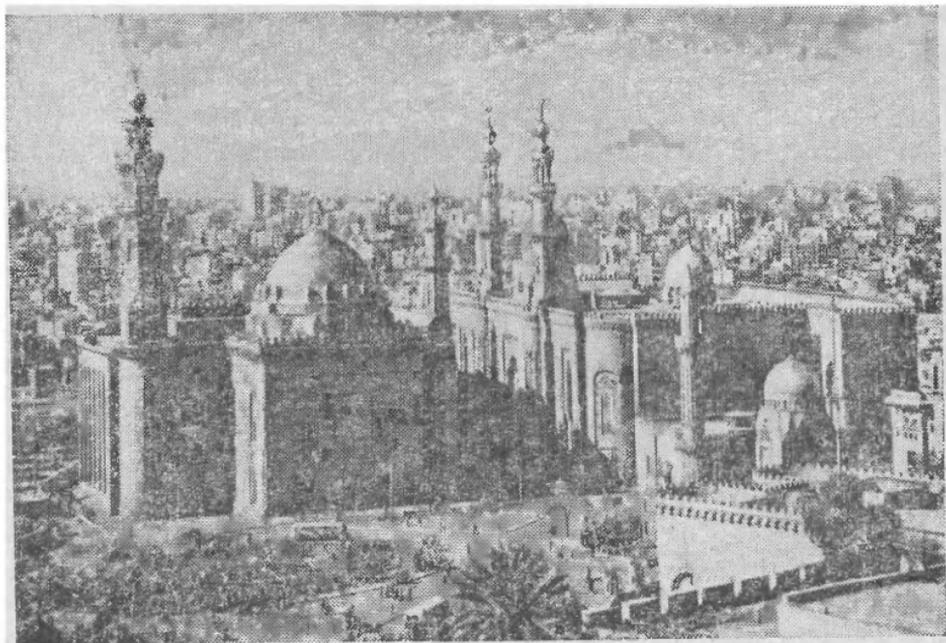
Можно много еще рассказывать об Асуане и Асуанской провинции — самой густонаселенной во всем Верхнем Египте, о сахарном тростнике, который вытесняет здесь хлопок и дает урожай до 100 тонн с гектара (все-го Асуанская провинция производит треть потребляемого в стране сахара), о поездке по Нилу на утлом паруснике. Но всего не расскажешь, тем более что мы были в Асуане только три дня, из которых полдня ушло на поездку в Ком-Омбо. И все же главное мы увидели: именно в Асуане рождается новый человек. Сыновья темных феллахов становятся сознательными созидателями новой жизни, приобретают специальность и квалификацию. Они строят высотную плотину, которая будет служить на благо всего народа, навеки прославит его труд и всегда будет замечательным символом крепкой дружбы между ОАР и Советским Союзом.

МНЕНИЕ ЕГИПТЯН

Конечно, в ОАР, как и в других странах Азии и Африки, решены далеко не все острые проблемы, особенно такие, как проблема земельного голода, продовольственного снабжения, будущей судьбы еще сохранившихся нетрудовых прослоек общества. Но многие из них решаются, социальный прогресс налицо, и это не может не радовать всех искренних друзей народа ОАР.

За время пребывания в ОАР нам приходилось беседовать с представителями самых различных социальных слоев: писателями, журналистами, профессорами университета, студентами, общественными и государственными деятелями. О некоторых встречах и беседах хотелось бы рассказать подробнее, так как они имеют важное значение для понимания специфики современного развития ОАР.

Первая встреча — с Абд аль-Фаттахом Абу аль-Фадлем, членом генерального секретариата правящей партии Арабский социалистический союз (АСС) по организационным вопросам. Абу аль-Фадль охотно остано-

Каир. Мечети султана Хасана и ар-Рифаи

вился на важнейших проблемах современной жизни ОАР. «Первый этап революции,— сказал он,— был этапом политического освобождения. Авангард тогда ясно понимал свою задачу — достаточно было лишь пробудить в массах чувство патриотизма. Сейчас же у нас — этап экономического освобождения, очень трудный, требующий мобилизации всех сил народа, веры в конечные цели революции. Но у масс нет единства в осознании целей революции. Помочь им обрести это единство — задача интеллигенции». По его словам, различия между «группами народа» (т. е. между разными классами) должны преодолеваться за счет приближения высших слоев общества к трудящимся, «которые все могут понять, если только к ним найти подход».

«У нас были и ошибки, как и в более развитых странах, опыт которых мы изучаем,— продолжал наш собеседник.— Вообще мы сейчас переживаем очень интересный период. Например, раньше феллаху при его ограниченных потребностях вполне хватало двух федданов земли, чтобы прокормить семью. Но теперь он хочет всех детей хорошо одеть и отправить в школу, а для это-

го ему не хватает дохода и с пяти федданов. Вот он и думает, что стал якобы беднее, и, лишь когда приходит время собирать урожай, понимает, наконец, что стал богаче». Немного помолчав, Абу аль-Фадль добавил: «Умелый подход к массам дает замечательные результаты. К примеру: на прокладку одной дороги надо было затратить десять тысяч фунтов, а феллахи выстроили ее за тысячу фунтов. Вот что может сделать правильная агитация актива АСС на местах. Помимо практического значения, она имеет и воспитательное значение: тот, кто участвует в строительстве государства, никогда не позволит его разрушить».

Затронув вопросы партийного строительства, Абу аль-Фадль сказал: «Опыт нашей революции отличается от опыта революций в СССР или Алжире. Там революция свершалась, когда уже существовала массовая политическая организация. У нас же такой организации не было. Но поддержка народа привела к успеху революции при сравнительно небольших усилиях в области организационной. Затем появились последовательно Организация освобождения, Национальный союз, Арабский социалистический союз. Они стали необходимы, когда речь зашла о социальной революции. Создавая АСС, мы представляли себе его как массовую революционную организацию при изоляции всех враждебных элементов».

Как стало ясно в ходе беседы, руководители АСС понимают, что эта семимиллионная организация очень громоздка и связь через нее с массами затруднена. Поэтому внутри АСС создается «гихаз сиясий» (политический аппарат): специальные исполнительные бюро, т. е. своего рода комитеты правящей партии, на уровне провинций, уездов, городов, деревень, предприятий. Они будут внедрены также в органы государственной власти, различные ведомства, профсоюзы и другие массовые организации. «Сейчас изучаются списки кандидатов в эти бюро на местах, — сообщил нам Абу аль-Фадль. — В основном все они — рабочие, крестьяне и представители молодежи». После завершения формирования этих бюро предполагается создать аппарат ЦК АСС из специалистов по всем вопросам экономической, политической и общественной жизни, чтобы обеспечить компетентное и научное решение любой проблемы, встающей перед политическим руководством ОАР.

Особое внимание Абу аль-Фадль уделил воспитанию политических кадров, прежде всего — из среды молодежи, которая, как он отметил, «близко принимает к сердцу цели и завоевания революции». «Мы используем,— подчеркнул Абу аль-Фадль,— опыт работы с молодежью в СССР. Постепенно мы создадим и организацию молодежи. Несколько ячеек уже существуют, но для оформления организации в национальном масштабе нужно время». Вместе с тем подготовка политических кадров ведется в Институте социалистических исследований при АСС. Он рассчитан пока всего на 60—70 человек, но предполагается открыть его филиалы в Суэце, Александрии, Асьюте.

Вторая встреча — с членом генерального секретариата АСС по вопросам идеологии Кемалем Рифаатом. Он, как и Абу аль-Фадль, был в свое время членом нелегального патриотического общества «Свободные офицеры», подготовившего июльскую революцию 1952 г. «Свободных офицеров» было сравнительно немного, и сейчас почти все они, за редким исключением, занимают руководящие посты в ОАР. Беседа с Кемалем Рифаатом длилась очень долго и касалась самых различных вопросов философии, идеологии и политики. Я позволю себе ограничиться цитированием наиболее важных и принципиальных суждений Рифаата. Он, в частности, сказал: «Есть лишь один социализм — научный. Есть законы развития социалистического общества, есть необходимость уничтожения эксплуатации человека человеком. В африканских странах социализм будет осуществляться не так, как в СССР. Отсюда — различия в путях, условиях, методах и особенностях претворения социализма в жизнь. Да и вообще сейчас социализм строить надо уже не так, как 50 лет назад». Кемаль Рифаат особо подчеркнул, что социализм в ОАР строится путем преодоления существующих в египетском обществе классовых противоречий мирным путем, средствами убеждения, перевоспитания и постепенного преобразования мышления тех, кто пока еще не убежден в преимуществах социализма.

«Мы понимаем социализм,— говорил Кемаль Рифаат,— как строй, затрагивающий все стороны человеческой жизни. Социальные проблемы не существуют в отрыве от прочих проблем, в том числе культурных и моральных... В нашем обществе религия — это сила, владеющая

умами. Она может выдвигать моральные и этические ценности. Социалистический строй — это не просто взаимоотношения между людьми, это также определенная мораль, культура, идеология. Ислам, как и религии других народов, например буддизм, формирует нравственный облик человека как члена общества, определяет связь между индивидуумами». Вместе с тем Кемаль Рифаат особый упор сделал на необходимость «свободы мышления и действия в рамках интересов социалистического общества», на необходимость демократии: «В принципе социализм возможен лишь вместе с демократией. Без нее он — ничто. Мы опираемся на массы. Если для развитой страны оружием прогресса являются наука и техника, то у нас такое оружие — опора на массы».

• В заключение Кемаль Рифаат отметил, что революция в ОАР, как и везде, развивается путем преодоления противоречий. «Первым из них, — указал он, — было противоречие между всеми национальными силами и империализмом. Оно было антагонистическим, и его пришлось разрешать в 1956 г. путем насилия. На этапе социальной революции возникло новое противоречие: между феодалами и капиталистами, с одной стороны, и народом — с другой. Мы это противоречие разрешили мирно, лишив реакцию в 1961—1963 гг. ее экономической силы и установив господство народа над средствами производства. После этого возникают и будут возникать противоречия внутри народных масс. Их, безусловно, надо решать мирным путем, так как они — просто следствие различия интересов и мнений. АСС выступает за ослабление классовой борьбы, за единство всех народных сил, противоречия между которыми он призван устранять».

Несколько бесед состоялось у нас с главным редактором теоретического журнала АСС «Ат-Талиа» («Авангард») писателем и публицистом Лютфи аль-Холи. В этих беседах были затронуты многие вопросы истории национально-освободительного и социалистического движения в стране. Лютфи аль-Холи указал, что в борьбе против неокOLONиализма и маневров реакции решающей силой являются рабочие, крестьяне, интеллигенция, солдаты, а также национальная буржуазия, сохраняющая на антиимпериалистическом этапе борьбы революционные потенции. После прогрессивных декретов 1961 г. в понятие «национальная буржуазия» уже не

включаются крупные владельцы средств производства — банкиры, промышленники и прочие капиталисты, владевшие собственностью, стоимость которой превышала 20 тыс. фунтов. Все они теперь экспропрированы. Поэтому ныне в ОАР следует под национальным капиталом понимать главным образом мелкую и отчасти среднюю городскую и сельскую буржуазию.

Трудности формирования в ОАР революционной партии объясняются, по словам Лютфи аль-Холи, прежде всего тем, что партию приходится создавать уже после победы революции, а это связано с опасностью проникновения в ее ряды замаскированных врагов революции и прогресса. Кроме того, существовавшие до 1952 г. политические партии не оставили по себе хорошей памяти, хороших традиций организации, мобилизации и революционного воспитания масс, тем более в столь широких масштабах, как это требуется сейчас. Однако в ходе общественного развития страны становится все более ясным, кто действительно выступает на стороне революции, а кто за нее лишь на словах. Крупная буржуазия ныне перешла в лагерь реакции. Официальный программный документ АСС — Национальная хартия — высказывается за научный социализм и против эксплуатации. Решающими факторами развития ОАР ныне, по мнению Лютфи аль-Холи, являются борьба за укрепление национальной независимости и за единство всех подлинно национальных сил, борьба за ликвидацию феодализма и крупной буржуазии. Дальнейшие успехи этого развития будут определяться достижением целей Хартии и экономического плана на 1966—1970 гг., ускорением формирования политической организации революционного авангарда, располагающей подготовленными кадрами и прочно опирающейся на массы.

* * *

Изложенные выше беседы представляют собой как бы квинтэссенцию самых разнообразных и широких мнений, высказывавшихся египтянами различного общественного положения. Объединенная Арабская Республика ныне идет в авангарде движения молодых государств Азии и Африки, направленного к укреплению политической независимости, завоеванию экономической само-

стоятельности и социальному прогрессу. Трудности и сложности неизбежны во всяком большом деле. В этом отношении ОАР имеет много общего с другими африкано-азиатскими странами. Но несомненны и огромные успехи на избранном республикой нелегком и почетном пути. Народ древней страны строит новую жизнь. И в этом благородном деле он может, как и раньше, рассчитывать на помощь всех своих друзей, прежде всего Советского Союза — самого большого друга арабов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Автор ни в коей мере не претендует на абсолютную бесспорность изложенных в этой книге мыслей и оценок. Возможно, что-нибудь важное ускользнуло от его внимания, что-либо нужное не было вовремя отмечено. Это почти неизбежно, когда речь идет о субъективных впечатлениях только одного человека.

Автор будет считать свою задачу выполненной, если читатель, ознакомившись с книгой, искренне заинтересуется жизнью и проблемами народов, живущих на севере Африки, между заснеженными хребтами Атласа и берегами величественного Нила. А может быть, у читателя уже зародилось желание самому побывать на родине Ганнибала или в королевстве сенуситов, в горах и садах Алжира, у подножия древних пирамид? Что ж, в добрый час! Путешествовать — столь же интересно и увлекательно, сколь и поучительно.

* * *

Лишь несколько месяцев миновало с тех пор, как автор в последний раз побывал в Африке. Однако за это время на Арабском Востоке, в том числе в арабских странах Африки, произошли грозные события. 5 июня 1967 г. войска Израиля вторглись на территорию Объединенной Арабской Республики; к 10 июня они захватили Синайский полуостров и вышли на восточный берег Суэцкого канала. В эти же дни израильская армия в результате военных действий против Сирии и Иордании оккупировала некоторые районы, принадлежащие этим странам.

Миротлюбивые силы во всем мире, в первую очередь Советский Союз и другие социалистические страны, выступили с резким осуждением агрессии Израиля, в поддержку арабов. В Совете Безопасности и на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегации социалистических государств защищали интересы арабских стран, требовали вывода войск агрессора с захваченных ими территорий.

Война нанесла колоссальный ущерб экономике ОАР. Однако врагам не удалось поколебать единство египетского народа, подорвать достижения революции 1952 г. Сплотившись вокруг революционного руководства, народ ОАР залечивает раны, нанесенные войной. Огромную помощь в этом ему оказывает Советский Союз.

Нет сомнения, что Объединенная Арабская Республика, как и другие арабские страны, пострадавшие от израильской агрессии, восстановят свою территориальную целостность, добьются новых успехов во всех областях экономики и культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
На родине моих друзей	5
Трое из Туниса	5
Первое знакомство	8
По следам мавританской цивилизации	13
Карфаген не разрушен!	17
Встречи и беседы	20
Путь на юг	25
В королевстве сенуситов	32
По дорогам Триполитании	32
Одна из двух столиц	36
Древние римляне и современные ливийцы	41
Раскозанный Алжир	48
Праздник победившей революции	48
Недавние впечатления	51
Возрождение национальной культуры	53
Город, выигравший битву	60
Поездка на запад	69
В горах Атласа	77
Легендарная Кабилия	85
Революция продолжается	91
От пирамид к высотной плотине	96
Путешествие в прошлое	96
Каирские впечатления	102
Канал и дельта	109
Укрощение Нила	114
Мнение египтян	118
Вместо заключения	125

Роберт Григорьевич Ланда

У АРАБОВ АФРИКИ

Утверждено к печати

*Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*

Редактор *И. М. Дижур*
Художник *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректор *А. В. Попкова*

*

Сдано в набор 4/III 1967 г.
Подписано к печати 31/VII 1967 г.
А-11919. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 4,0. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,52
Тираж 30 000 экз. Изд. № 1867
Зак. № 234. Цена 35 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 35 коп.